ГЕНЕРАЛЪ
Н·Н·ГОЛОВИНЪ

НАУКА ВОЙНЪ

Рецензия ген. Краснова:
„Часовой" 1933.
№222-223. стр. 10.

Обложка работы Л.-Гв. Гренадерскаго полка
подпор. В. Красускаго.

Генералъ Н. Н. Головинъ

Ординарный профессоръ б. Императорской Николаевской Военной Академіи; нынѣ профессоръ Русскаго Историко-Филологическаго факультета въ Парижѣ.

НАУКА О ВОЙНѢ

О соціологическомъ изученіи войны

Издательство газеты «СИГНАЛЪ»

Парижъ

Tous droits réservés
Copyright 1938 by the author.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляетъ собою обработанные и дополненные мои доклады, прочитанные: 1) въ 1932 году въ Русскомъ Ученомъ Институтѣ въ Бѣлградѣ; 2) въ 1934 году на Русскомъ Историко-Филологическомъ факультетѣ въ Парижѣ и 3) въ 1935 году на Международномъ Соціологическомъ Конгрессѣ въ Брюсселѣ.

Я приношу мою глубокую благодарность Harvard Committee for Research in the Social Sciences и профессору Питириму Александровичу Сорокину за содѣйствіе, оказанное мнѣ въ осуществленіи этой работы.

Парижъ, 1938 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ НАУКИ О ВОЙНѢ (СОЦІОЛОГІИ ВОЙНЫ).

1. — Наука о веденіи войны (теорія военнаго искусства) и Наука о войнѣ.

Величайшій военный мыслитель начала XIX вѣка — Клаузевицъ, пишетъ:

«Положительное ученіе о войнѣ невозможно. По самой природѣ войны невозможно возвести для нея научное зданіе, опору дѣятелю во всевозможныхъ случаяхъ. Дѣятель оказался бы внѣ научной опоры и въ противорѣчіи съ ней во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ долженъ опереться на собственный талантъ. Однимъ словомъ, съ какой стороны ни подступиться къ дѣлу, выйдетъ..., что талантъ и геній дѣйствуютъ внѣ закона, а теорія идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью [1]».

Въ самомъ дѣлѣ, военная наука, ограничива-

---

1) Клаузевицъ, «О войнѣ», переводъ ген. Войде, т. I, стр. 83.

ющая сферу своего изслѣдованія однимъ изученіемъ способовъ веденія войны, могла только констатировать фактъ, что универсальныхъ путей къ побѣдѣ нѣтъ. Она можетъ и теперь лишь подтвердить тотъ выводъ, который такъ ярко формулировалъ Наполеонъ въ словахъ: «На войнѣ обстановка повелѣваетъ». Въ концѣ XIX вѣка такой крупный авторитетъ, какъ ген. М. И. Драгомировъ, въ своемъ замѣчательномъ разборѣ «Войны и Мира» Л. Н. Толстого, написалъ слѣдующія строки: «Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать будто можетъ быть военная наука» [2].

Однако, не смотря на приговоръ произнесенный надъ положительной военной наукой такими крупными военными учеными какъ — Клаузевицъ и Драгомировъ, этотъ приговоръ подлежитъ пересмотру.

«Война есть продолженіе политики, распоряжающейся иными средствами», пишетъ Клаузевицъ. А вотъ мысли Д. С. Милля о политикѣ, какъ наукѣ, которыя съ полнымъ правомъ могутъ быть распространены и на военную науку:

«Политика», пишетъ онъ [3], «до весьма не-

---

2) «Разборъ Войны и Мира», стр. 48.

3) Д. С. Милль. «Система логики силлогической и индуктивной; изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія». Переводъ подъ ред. В. Н. Ивановскаго; изд. 1900 г., стр. 707, 708.

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA

давняго времени находилась (да и теперь еще едва ли перестала находиться) въ томъ положеніи, которое Беконъ назвалъ «естественнымъ состояніемъ наукъ»; въ этомъ фазисѣ науки разрабатываются одними практиками, которые занимаются ими не какъ отраслью теоретическаго изслѣдованія, а лишь для удовлетворенія требованій ежедневной практики и которые потому стремятся лишь къ **fructifera experimenta** (непосредственно полезному опыту), почти совершенно оставляя въ сторонѣ **experimenta lucifera** (опытъ проливающій свѣтъ). Такими были медицинскія изслѣдованія ранѣе того времени, когда начали разрабатываться, въ качествѣ самостоятельныхъ отраслей науки, физіологія и естествознаніе. Единственнымъ предметомъ медицинскихъ изслѣдованій были тогда вопросы о томъ, какая діэта здорова, какое лекарство излѣчиваетъ ту или другую болѣзнь; при этомъ, предварительному систематическому изслѣдованію не подвергали законовъ здоровой и болѣзненной дѣятельности различныхъ органовъ, отъ которыхъ, очевидно, должно зависѣть дѣйствіе всякой діэты или лекарства... Такъ какъ общественныя явленія такъ рѣдко разсматривались съ истинно научной точки зрѣнія — то нѣтъ ничего удивительнаго въ незначительности успѣховъ соціальной философіи, въ томъ, что въ ней мало общихъ предложеній настолько точныхъ и достовѣрныхъ, чтобы люди должны были приз-

нать за ними научный характеръ. Отсюда вышло ходячее мнѣніе, что всякая претензія установить общія истины относительно политики и общества есть шарлатанство, — что въ такого рода вопросахъ нельзя достигнуть всеобщности, ни достовѣрности. Это общераспространенное мнѣніе оправдывается отчасти тѣмъ, что въ одномъ отношеніи оно дѣйствительно не лишено основанія. Значительная часть людей, хотѣвшихъ быть мыслителями въ политикѣ стремилась къ установленію не всеобщихъ послѣдовательностей, а всеобщихъ правилъ. Они измышляли какую либо одну форму правленія или систему законовъ, пригодную для всѣхъ случаевъ, — претензія, вполнѣ заслуживающая тѣхъ насмѣшекъ, съ какими относились къ нимъ практики, и совсѣмъ не оправдываемая аналогіею съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ политическое искусство должно быть въ наиболѣе близкой связи, по самой сущности своего предмета. Никто теперь не считаетъ возможнымъ, чтобы одно лекарство излѣчивало всѣ болѣзни — или хотя бы даже одну и ту же болѣзнь, но при всякой организаціи и при всякомъ состояніи тѣла.....».

Вышеприведенная цитата Милля можетъ быть безоговорочно отнесена къ состоянію военной науки до Клаузевица, и съ очень небольшими оговорками къ настоящему времени. До сихъ поръ еще нѣтъ отчетливаго сознанія того, что положительная военная наука возможна, но только

при ограниченіи своей задачи рамками изученія войны, какъ процесса соціальной жизни человѣчества, предоставивъ изученіе способовъ веденія войны теоріи военнаго искусства. Это различіе въ самомъ существѣ заданія требуетъ раздѣленія современной военной науки на двѣ отрасли: на «науку о веденіи войны», представляющую собой теорію военнаго искусства, и на «науку о войнѣ», представляющую собою одну изъ положительныхъ наукъ объ обществѣ.

Если признать подобное раздѣленіе за нашу отправную точку — то отрицаніе Клаузевица само собою отпадаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, закономѣрность общественной жизни является въ настоящее время общепризнаннымъ фактомъ. Разительныя доказательства этой закономѣрности даетъ намъ статистика. Есть ли достаточно основаній предполагать, что явленія войны составляютъ въ этомъ отношеніи какое то исключеніе?

Конечно, нѣтъ.

2. — Закономѣрность въ явленіяхъ войны.

Подобно тому, какъ для общественной жизни статистика даетъ рядъ поразительныхъ доказательствъ ея закономѣрности, такъ и при изслѣдованіи войны тотъ же методъ даетъ не менѣе убѣдительныя показанія.

Что боевыя явленія не такъ причудливы, какъ это кажется съ перваго взгляда, показываютъ цифровыя данныя о потеряхъ въ бою. Наиболѣе научно обработаны эти данныя по Франко-Прусской войнѣ 1870-71 г. г., къ нимъ и обратимся.

Возьмемъ два примѣра:

Отношеніе числа убитыхъ къ числу раненыхъ не должно сильно разниться въ однородныхъ войскахъ для крупныхъ войсковыхъ единицъ, если означенныя числа будутъ собраны за такой продолжительный періодъ времени, какъ цѣлая кампанія, ибо такое отношеніе должно болѣе всего зависѣть отъ свойствъ оружія противника и отъ того, какая рана для человѣка является смертельною и какая нѣтъ. Оба послѣднія условія могутъ быть признаны для одной и той же кампаніи почти неизмѣнными; вліяніе же удачной перевязки на полѣ битвы парализуется множествомъ случевъ пораженій, приходившихся на каждый корпусъ; несомнѣнно, въ каждомъ изъ послѣднихъ были случаи и болѣе и менѣе благопріятные для выздоровленія, такъ что въ общемъ результатѣ вліяніе перевязки могло сдѣлаться ничтожнымъ.

И дѣйствительно, если мы обратимся къ приложенію послѣдняго выпуска исторіи войны 1870-71 г. г., составленной нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, гдѣ помѣщены обработанныя докторомъ Энгель данныя о потеряхъ понесен-

ныхъ Германскими арміями [4], то изъ таблицъ II и V имѣемъ слѣдующее:

ВЪ КАКОМЪ КОРПУСѢ :	Отношеніе числа убитыхъ (умершихъ на полѣ битвы) къ общему числу потерь убитыми и ранеными.	Отношеніе числа убитыхъ (умершихъ на полѣ битвы) и умершихъ отъ ранъ къ общему числу потерь убитыми и ранеными.
Гвардейскій..	1/6	1/4
I-й..	1/7	1/4
III-й..	1/7	1/4
V-й..	1/6	1/4
VII-й..	1/6	1/4
VIII-й..	1/7	1/4
IX-й..	1/6	1/4
X-й..	1/6	1/4
XI-й..	1/7	1/5
XII-й..	1/6	1/4
I-й Баварскій..	1/7	1/4

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ этой таблицѣ взяты только тѣ корпуса, въ которыхъ число потерь за войну превосходитъ 5.000 человѣкъ.

Цифры этой таблицы близки между собою до поразительности и показываютъ что и въ бою постоянныя причины приво-

4) «Германо-французская война 1870-71 г. г.». Составлено военно-историческимъ отдѣленіемъ Германскаго Генеральнаго Штаба. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Н. Сухотина. Прибавленіе ко второй половинѣ послѣдняго выпуска.

дятъ къ однообразнымъ слѣдствіямъ.

Приведемъ другой примѣръ:

Такъ какъ положеніе офицеровъ въ различныхъ бояхъ одной кампаніи сравнительно съ положеніемъ нижнихъ чиновъ въ массѣ случаевъ приблизительно одинаково, то есть основаніе полагать, что соотношеніе потерь (убитыми и ранеными) офицеровъ и нижнихъ чиновъ выразится почти однообразно. Предположеніе это вполнѣ подтверждается цифрами потерь во всѣхъ главныхъ бояхъ Франко-Прусской войны. Обратимся опять къ даннымъ, обработаннымъ докторомъ Энгель, а именно къ таблицѣ III, причемъ примемъ во вниманіе только тѣ сраженія, въ которыхъ число потерь превышаетъ 5.000 человѣкъ. На основаніи вычисленій можно составить слѣдующую таблицу:

ВЪ КАКОМЪ СРАЖЕНІИ.	Сколько убитыхъ и раненыхъ офицеровъ приходится на 100 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ:
Вертъ	5
Віонвиль	5
Гравелотъ	4
Седанъ	5

Такимъ образомъ, цифры вполнѣ оправдываютъ наше утвержденіе, что отношеніе потерь офицеровъ къ потерямъ нижнихъ чиновъ въ большихъ бояхъ одной и той же кампаніи выражается почти однообразно.

Если мы обратимся къ сравненію численности офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ нѣмецкихъ войскахъ въ 1870-71 г. г., то увидимъ, что на 100 нижнихъ чиновъ приходилось 3 офицера. Между тѣмъ, вышеприведенная таблица показываетъ, что на 100 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ приходится 4-5 убитыхъ и раненыхъ офицеровъ. Слѣдовательно, процентъ офицерскихъ потерь превосходитъ таковой же для нижнихъ чиновъ. Но это видимое отступленіе отъ закона вѣроятности вполнѣ объясняется болѣе опаснымъ положеніемъ офицера въ бою. Онъ обязанъ вести свою часть, слѣдовательно, находится впереди и выдѣляется отъ простыхъ солдатъ; въ трудныхъ положеніяхъ онъ подаетъ примѣръ храбрости и самоотверженія [5].

Указанныя обстоятельства и ведутъ къ относительно большимъ потерямъ въ бою офицеровъ сравнительно съ потерями нижнихъ чиновъ; это доказывается слѣдующей таблицей, относящейся ко всей Франко-Прусской войнѣ 1870-71 г. г.[6].

---

5) Масловъ. «Научныя изслѣдованія по тактикѣ», выпускъ I, стр. 11, 12, 13.

6) «Германо-французская война 1870-71 г. г. Составлено военно-историческимъ отдѣленіемъ Герм. Ген. Штаба». Переводъ подъ редакціей Сухотина. Прибавленіе ко 2-ой половинѣ послѣдняго выпуска, стр. 47.

ЧИНЫ И ЗВАНІЯ	Въ процентахъ къ штатному состоянію чиновъ: Убитыхъ.	Раненыхъ.	Всего
Штабъ офицеровъ..	8,67	18,22	26,89
Капитановъ и ротмистровъ	7,03	15,17	22,20
Поручиковъ и подпоруч.	7,30	17,60	24,90
Унтеръ офицеровъ и нижнихъ чиновъ..	2,60	9,98	12,58

Мы ограничимся приведенными примѣрами; но мы утверждаемъ, что каждое обращеніе къ статистическому методу подтвердитъ идею о полной закономѣрности явленій войны, такъ какъ эта идея составляетъ часть болѣе общей идеи о подчиненіи всѣхъ міровыхъ явленій закону.

Такимъ образомъ, **наука о войнѣ имѣетъ право на существованіе наравнѣ съ прочими науками, изучающими общественную жизнь.**

3. — Наука о войнѣ должна представлять собою ея соціологическое изслѣдованіе.

Причина отрицанія науки о войнѣ военными учеными заключается въ невѣрномъ представленіи, что наука должна дать военному искусству какія либо непреложныя правила.

«Даже совершенство науки», говоритъ въ своей логикѣ Милль[7], «не обуславливаетъ не-

---

7) Д. С. Милль, «Система логики силлогической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методомъ научнаго изслѣдованія». — Стр. 708.

премѣнно универсальности (или хотя бы только общности) правилъ соотвѣтствующаго искусства. Можетъ оказаться, что соціальныя явленія зависятъ цѣликомъ отъ уже извѣстныхъ намъ причинъ и что способъ дѣйствія всѣхъ этихъ причинъ можно свести къ весьма простымъ законамъ, и все таки можетъ не найтись даже двухъ такихъ случаевъ, въ которыхъ надо было бы поступать совершенно одинаковымъ образомъ. Разнообразіе тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ въ различныхъ случаяхъ результатъ, можетъ быть настолько велико, что искусство не будетъ въ состояніи указать ни одного правила, кромѣ того, что слѣдуетъ замѣчать обстоятельства каждаго отдѣльнаго случая и приноровлять наши поступки къ тѣмъ слѣдствіямъ [8], которыя, какъ гласитъ наука, вытекаютъ изъ этихъ обстоятельствъ. Но, хотя бы для столь сложныхъ вопросовъ и нельзя было установить практическихъ положеній, обладающихъ всеобщей приложимостью, отсюда не слѣдуетъ, однако, что данныя явленія не сообразуются ни съ какими всеобщими законами».

Насколько правильны сужденія Д. С. Милля, можно убѣдиться на примѣрѣ Клаузевица.

Положивъ въ основаніе своего труда идею — что война должна изучаться прежде всего какъ

---

8) Наполеоновское: «На войнѣ обстановка повелѣваетъ»; примѣчаніе Н. Н. Г.

явленіе соціальной жизни[9], онъ поставилъ задачей этого изученія: «Изслѣдованіе, объясненіе сущности элементовъ и явленій войны».

При подобномъ широкомъ и истинно научномъ заданіи, трудъ Клаузевица, отрицавшаго, какъ мы видѣли выше, самую возможность положительной военной науки, представляетъ собою первую попытку созданія таковой въ видѣ «Науки о войнѣ». Очень показательно, что Клаузевицъ не нашелъ для своего труда иного заглавія какъ слова: «О войнѣ». Въ заглавіи не достаетъ только слова «наука». Клаузевицъ, отрицавшій возможность положительной науки о войнѣ, скромно полагалъ, что его трудъ лишь «обзоръ». Тотъ фактъ, что книга Клаузевица «О войнѣ» до сей поры является единственнымъ систематическимъ трудомъ по «наукѣ о войнѣ», далъ ей совершенно исключительное для военно-научнаго труда долголѣтіе. Въ то время, какъ даже замѣчательныя работы, посвящавшія себя изученію способовъ веденія войны быстро становились устарѣлыми, трудъ Клаузевица «О войнѣ» неизмѣнно приковываетъ къ себѣ вниманіе все большихъ и большихъ круговъ. Война 1914-1918 г. г., такъ же какъ въ свое время война 1870-71 г. г., дала въ военной наукѣ толчекъ къ все болѣе внимательному изученію Клаузевица.

9) «Война есть актъ человѣческаго общенія». Клаузевицъ. «О войнѣ». Т. I, стр. 88, Гос. Воен. изд. 1932 г. Москва.

Такимъ образомъ, Клаузевицъ и долженъ почитаться отцомъ положительной «науки о войнѣ» и изслѣдователь, пожелавшій работать надъ изученіемъ войны не съ узко «утилитарно-военной» цѣлью, а съ «чисто научной» долженъ внимательно познакомиться съ его трудомъ. Такой ученый, такъ же какъ и Клаузевицъ, долженъ поставить основной задачей изслѣдованія войны ея изученіе какъ явленія соціальной жизни. Иначе говоря, чистая наука о войнѣ должна представлять собою с о ц і о л о г и ч е с к о е изслѣдованіе, объектомъ котораго будетъ изученіе процессовъ и явленій войны съ точки зрѣнія существованія, сосуществованія, сходства или послѣдовательности ихъ. И въ этомъ придется послѣдовать за Клаузевицемъ, поставившимъ, какъ мы видѣли выше, задачей своего классическаго труда «изслѣдованіе, объясненіе сущности элементовъ и явленій войны».

Приводя выше цитату изъ Д. С. Милля, въ которой онъ говорилъ объ утилитарномъ характерѣ, который имѣетъ всякая наука въ начальной фазѣ своего развитія, я сказалъ, что это сужденіе Милля можетъ быть отнесено и къ современной военной наукѣ, лишь съ небольшими оговорками. Уточню здѣсь это мое заключеніе. Я хотѣлъ въ немъ выразить мысль — что до сей поры изслѣдователи войны по прежнему въ подавляющемъ числѣ случаевъ изучаютъ «способы» веденія войны, а не самую войну. Тѣмъ не менѣе,

наиболѣе выдающіеся изъ нихъ по мѣрѣ того какъ они углублялись въ свою работу, выходили изъ этихъ рамокъ и, подобно Клаузевицу, проникали въ область «чистой» науки о войнѣ. Такимъ образомъ, «наука о войнѣ», хотя и не выдѣленная въ отдѣльную отрасль знанія, частично уже существуетъ, но вкрапленной въ науку о веденіи войны.

Накопленіе матеріала для науки о войнѣ шло во всѣхъ отрасляхъ военной науки. Я не имѣю возможности перечислить всѣ труды, авторы которыхъ пытались выйти на путь положительнаго знанія. Я назову только наиболѣе примѣчательные изъ нихъ: «Первые опыты военной статистики» профессора Русской Военной Академіи Д. А. Милютина (впослѣдствіи графа и одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Императора Александра II-го); « **Etudes sur le combat** » [10] французскаго военнаго писателя полковника **Ardant du Pic**; « **Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der politischen Geschichte** » [11], профессора Берлинскаго университета **Hans Delbrück**; «**Essai d'analyse et de critique des souvenirs de combattants édités en français de 1915 à 1928**»[12], профессора Вилліамсъ Колледжъ въ Массачузетсѣ (С. А. С. Ш.) **Jean Norton Cru.**

---

10) **Hachette et Dumaine, Paris, 1880.**
11) **George Stielke Verlag, Berlin, 1922-27.**
12) **Ed. Etincelles. Paris, 1929.**

Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ попытокъ выйти на путь положительнаго знанія о войнѣ, нужно обратить особое вниманіе на трудъ русскаго военнаго ученаго ген. Г. А. Леера, жившаго полвѣка позже Клаузевица.

«Стратегія», пишетъ онъ, «въ тѣсномъ смыслѣ слова это трактатъ объ операціяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій... Стратегія въ широкомъ смыслѣ есть синтезъ, интеграція всего военнаго дѣла, его обобщеніе, его философія. Она является сведеніемъ въ одно общее русло всѣхъ отдѣльныхъ ученій о войнѣ, наукой всѣхъ военныхъ наукъ. Какъ философія вообще стремится къ объясненію міровыхъ явленій, такъ и стратегія, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ философія военнаго дѣла, имѣетъ задачей объясненіе военныхъ явленій, не только каждаго по одиночкѣ, но и въ особенности — общей связи между ними».

Въ постановкѣ высшей стратегіи, задачи науки, обобщающей всѣ остальныя военныя науки, нельзя не видѣть стремленія глубокаго ума Г. А. Леера къ созданію военной науки, которая могла бы встать въ ряды наукъ положительныхъ. Но даже при столь широкой трактовкѣ заданія стратегіи, она является скорѣе философіей теоріи военнаго искусства, чѣмъ наукой о войнѣ. Таковымъ и является замѣчательный курсъ стратегіи Леера.

Въ своихъ послѣднихъ работахъ ген. Г. А. Ле-

еръ пошелъ дальше. Въ книгахъ: «Методъ военныхъ наукъ» и «Коренные вопросы», онъ уже вступилъ на путь «чистой» Науки о войнѣ.

Задачей «чистой» науки о войнѣ, какъ мы говорили выше, должно быть изученіе войны какъ явленія общественной жизни, а не только изслѣдованіе способовъ веденія войны. Поэтому, оставленіе за ней наименованія «стратегія» не отвѣчаетъ ея существу. Ея новое наименованіе было произнесено въ началѣ этого столѣтія, тоже русскимъ военнымъ ученымъ ген. Михневичемъ, говорившимъ съ кафедры Русской военной Академіи о необходимости созданія «Соціологіи войны».

Въ виду того, что явленія войны подчиняются извѣстной закономѣрности, наука о войнѣ (соціологія войны) будетъ стремиться къ открытію **законовъ.** Между тѣмъ, наука о веденіи войны (теорія военнаго искусства), даже при самыхъ широкихъ обобщеніяхъ можетъ свести таковыя лишь къ **принципамъ.**

Различіе это существенно.

Законъ представляетъ постоянное, опредѣленное и неизмѣнное соотношеніе между явленіями природы и человѣческой, какъ индивидуальной, такъ и общественной жизни, существующее благодаря постоянному и неизмѣнному соотношенію силъ и факторовъ, производящихъ эти явленія.

Законъ только утверждаетъ какой либо фактъ

существованія, сосуществованія, послѣдовательности или сходства явленій и никакихъ цѣлей дѣятельности не ставитъ. Находясь внѣ всякой зависимости отъ нашей воли (воля является для закона лишь частью явленія), законъ безусловенъ.

Принципъ представляетъ изъ себя только нѣкоторое обобщеніе. Хотя принципъ касается только сущности, но онъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ постановкѣ цѣли. Онъ является основной идеей, которой слѣдуетъ держаться при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ военнаго дѣла. Онъ является регуляторомъ для творчества, хотя и отнюдь не сковывающимъ послѣднее; въ немъ заключается, какъ говоритъ Г. А. Лееръ, «только цѣль, которая должна быть достигнута»[13].

Такимъ образомъ, принципъ не утверждаетъ подобно закону какой либо фактъ, а, хотя и условно, но рекомендуетъ, чтобы нѣчто было. Предложеніе, сказуемое котораго выражается словами д о л ж е н ъ б ы т ь, хотя бы даже подразумѣваемое въ самомъ широкомъ смыслѣ, отлично по сущности отъ предложенія, выражаемаго при помощи словъ е с т ь и б у д е т ъ[14].

---

13) Лееръ. Стратегія. Т. I, стр. 200.

14) Милль. Логика, стр. 767.

4. — Соціологія войны нужна для самой теоріи военнаго искусства.

Теорія военнаго искусства, т. е. наука о веденіи войны можетъ получить правильную исходную точку только отъ науки о войнѣ, изслѣдующей природу и сущность явленій войны. Эта послѣдняя дастъ обоснованіе въ тѣхъ случаяхъ, когда теорія военнаго искусства строитъ свои выводы дедуктивно. Не меньшее значеніе будетъ принадлежать соціологіи войны въ тѣхъ случаяхъ, когда наука о веденіи войны получаетъ свои выводы непосредственно изъ опыта (индуктивно). Въ такомъ случаѣ идеаломъ будетъ полное соединеніе этихъ выводовъ (полученныхъ индуктивно) съ заключеніями, выведенными дедуктивно изъ положеній, установленныхъ о войнѣ наукой. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этого нельзя будетъ достигнуть — соціологія войны принесетъ большую пользу тѣмъ, что, основываясь на изслѣдованіи природы явленій войны, **она укажетъ каждому обобщенію тѣ рамки, въ которыхъ оно достовѣрно.**

Уже одна эта задача чрезвычайно важна.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ теорія военнаго искусства (наука о веденіи войны) обращается въ системы военнаго искусства, подъ которыми можно разумѣть болѣе частныя теоріи военнаго искусства, то есть такія, которыя по своимъ выводамъ или преподающимъ началамъ отвѣчаютъ только данному фазису въ развитіи искусства.

Система по отношенію къ теоріи является однимъ изъ видовъ ея приложенія, обуславливающимся или состояніемъ военнаго дѣла въ данную эпоху, или какими либо особенностями и частностями одной изъ основныхъ силъ, почему либо преобладающихъ въ цѣлой совокупности факторовъ военнаго искусства. Такъ, напримѣръ, въ военной исторіи можно отмѣтить: пяти-переходную систему веденія войны, систему линейной тактики, систему легіонной тактики, систему ударной или огневой тактики и т. д.

Существованіе какъ общей теоріи военнаго искусства, такъ и ея видовъ — системъ военнаго искусства — совершенно законное явленіе, строго логичное слѣдствіе науки о войнѣ. Во всякихъ отрасляхъ знаній, рядомъ съ чистой наукой существуютъ прикладныя науки съ болѣе частными обобщеніями и, наконецъ, чисто практическія обобщенія, годныя для примѣненія въ узкихъ рамкахъ — но главное условіе обращенія съ ними заключается въ томъ, чтобы не давать вѣры обобщенію внѣ рамокъ, внѣ которыхъ оно не достовѣрно, т. е. въ научномъ примѣненіи этихъ обобщеній [15].

Отрицаніе теоріи и системъ объясняется какъ

---

15) Примѣръ — стратегическая система Бюлова. Бюловъ за исходную точку своего изслѣдованія беретъ слѣдующее обобщеніе: «арміи могутъ существовать только при помощи магазиновъ»; отсюда выводы:

разъ тѣмъ, что военная исторія свидѣтельствуетъ о многочисленныхъ фактахъ, въ которыхъ не-

---

1) Чувствительность сообщеній.
2) Необходимость ихъ тщательнаго обезпеченія.
3) Важность дѣйствія на сообщенія.

Эти выводы безусловно вѣрны; но Бюловъ придалъ своему исходному положенію, а, слѣдовательно, и выводамъ, вытекающимъ изъ этого основного положенія, большее значеніе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ сообщенія имѣютъ на войнѣ (въ данномъ случаѣ упущено было, что человѣкъ есть главное орудіе войны). Онъ не ограничился тѣми рамками, въ которыхъ его обобщеніе и выводы изъ него справедливы. И вотъ, выводы, сами по себѣ справедливые, пока они заключаютъ въ себѣ мысль о важномъ значеніи сообщеній на войнѣ, съ той минуты, когда имъ придается значеніе исключительное, становятся абсурдомъ.

Бюловъ въ **« Der Geist des neuen Kriegssystems»** приходитъ къ заключенію, что успѣхъ на войнѣ будетъ зависѣть исключительно отъ операцій (т. е. маневровъ), которыя должны быть охватывающими. Сраженія должны потерять всякое значеніе, такъ какъ они не только могутъ, но и должны быть избѣгаемы (сообщенія такъ чувствительны, что не нужно противъ нихъ удара — боя, а достаточно одной угрозы).

Успѣхъ, по его мнѣнію, долженъ обуславливаться численнымъ превосходствомъ и величиною объективнаго угла (образуемаго двумя линіями отъ оконечностей базы къ объекту операціи, столицѣ непріятельскаго государства). Чѣмъ болѣе будетъ войскъ (независимо отъ ихъ качествъ) и чѣмъ болѣе объективный уголъ, тѣмъ вѣрнѣе побѣда. Величина же объ-

умѣлое примѣненіе теоріи или какой либо системы было ближайшей причиной пораженія. И вотъ, опасеніе за такія послѣдствія подсказало мысль о

ективнаго угла зависитъ отъ длины базы и отъ длины перпендикуляра, опущеннаго изъ объекта на базу. Для обезпеченія успѣха операціи, онъ требуетъ объективный уголъ не менѣе 60°, а чѣмъ онъ будетъ больше — тѣмъ лучше. Длина перпендикуляра (обуславливаемая длиной базы) у Бюлова является мѣриломъ наступательной силы государства, которая, такимъ образомъ, будетъ ограниченной, чѣмъ, по его мнѣнію, уже ограничивается и осуществленіе стремленія того и другого изъ большихъ государствъ (которыя обладаютъ значительнымъ числомъ войскъ и длинными базами) къ универсальной монархіи. Если какое либо государство перейдетъ указанный предѣлъ, то оно вступитъ въ сферу другого государства, болѣе сильнаго въ этомъ пунктѣ, и будетъ остановлено въ своемъ дальнѣйшемъ стремленіи къ поступательному движенію.

Такимъ образомъ, по разсчету Бюлова, должны образоваться въ Европѣ 12 большихъ государствъ, которымъ нечего будетъ требовать другъ отъ друга, черезъ что установится геометрическое европейское равновѣсіе.

Разъ оно установится, то ни одно государство не будетъ имѣть поводовъ къ воинственнымъ покушеніямъ, и вѣчный миръ явится тѣмъ болѣе результатомъ ученія о базѣ, что, благодаря ей (т. е. базѣ), веденіе войны отнимается отъ области искусства, т. е. страсти, и переносится въ область науки, т. е. ума и разума.

Вотъ до какихъ крайнихъ выводовъ можетъ дойти теорія военнаго искусства, когда въ основу ея не положено научное изученіе природы самой войны.

несостоятельности теоріи и системъ. Произошло обычное заблужденіе человѣческаго ума: злоупотребленіе теоріею и системами, ложность теоріи и системъ, рутинность [16], т. е. примѣненіе системы уже отжившей не смотря на появленіе новыхъ факторовъ — родили скептическое отношеніе къ существованію самой теоріи, системъ, къ ихъ полезной, а главное — совершенно естественной правоспособности на бытіе [17]. Невѣрное употребленіе орудія привело къ неправильному заключенію о негодности его.

Соціологія войны, изслѣдующая природу явленій войны, дастъ возможность опредѣлить тѣ рамки, въ которыхъ примѣненіе данной теоріи или системы научно (примѣръ система Бюлова).

Эта наука явится не только обоснованіемъ теоріи военнаго искусства, но и указателемъ тѣхъ границъ, въ которыхъ примѣненіе обобщеній теоріи — законно, т. е. научно.

Такимъ образомъ, соціологія войны дастъ должное объединеніе для теоріи военнаго искусства, которое выразится въ обоснованіи и согласованіи ея выводовъ и обобщеній. Это объеди-

16) Военная исторія показываетъ, что вредъ системъ обуславливается главнымъ образомъ ложностью послѣднихъ и рутинностью.

17) Н. Н. Сухотинъ. Энциклопедія II, 228, 229.

неніе жизненно необходимо для всякой отрасли знанія. Весьма невелико число лицъ, говоритъ Огюстъ Контъ, обнимающихъ своимъ умомъ хотя бы одну какую-либо (отрасль знаній) науку во всей полнотѣ, даже и въ томъ случаѣ, если эта (отрасль знанія) наука, представляетъ собою лишь часть большого цѣлаго. Большинство же ограничивается лишь спеціальнымъ изученіемъ болѣе или менѣе обширнаго отдѣла, не особенно заботясь объ отношеніи своей частной работы къ общей системѣ. Необходимо поспѣшить избавиться отъ этого зла прежде, чѣмъ оно успѣло принять значительные размѣры. Можно опасаться, что человѣческій умъ, въ концѣ концовъ, запутается въ лабиринтѣ детальныхъ изслѣдованій.

Исторія развитія наукъ показываетъ, что каждый разъ, когда человѣческій умъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на формѣ, а не на сущности, появляется схоластическое направленіе.

Въ особенности рѣзко это можно замѣтить въ средніе вѣка въ философіи: тенденція и методъ, преобладавшіе тогда — діалектика. Разсуждаютъ, аргументируютъ, дѣлаютъ безконечные выводы, не провѣряя принциповъ, которые стоятъ выше всякаго анализа, такъ какъ сущность идей опредѣлялась догматомъ; мышленіе могло быть свободно только въ методахъ объясненія и примѣненія. Въ эту сторону и направлялась дѣятельность среднихъ вѣковъ. Злоупотребленіе діалектикой вело къ различнымъ тонкостямъ анализа, къ мас-

сѣ раздѣленій и подраздѣленій, къ превращенію логическаго разсужденія въ словесный механизмъ и къ крайнему злоупотребленію формами мышленія въ ущербъ самой мысли; однимъ словомъ — къ формализму [18].

Приведенное выше характеризуетъ эпоху, если такъ можно выразиться, періода «классической схоластики», т. е. ту эпоху, когда схоластика властно царила во всѣхъ отрасляхъ знанія. Конечно, современное положеніе военныхъ знаній не можетъ быть полностью уподоблено этому. Но все таки нельзя не замѣтить существованія «схоластическаго направленія» многихъ произведеній военной литературы. Причина та же, что и причина схоластики среднихъ вѣковъ.

Наука, поставившая себѣ цѣлью изслѣдованіе природы войны, поможетъ военнымъ знаніямъ окончательно выйти изъ періода схоластики. Такое изслѣдованіе, произведя научную оцѣнку принциповъ военнаго искусства, позволитъ военной мысли выйти изъ области искусственныхъ обобщеній, подраздѣленій и т. п. на путь здраваго и строго научнаго изслѣдованія.

Всякая наука слагается изъ двухъ факторовъ: 1) изъ ряда свѣдѣній, систематически расположенныхъ, и 2) изъ совокупности методовъ или пріемовъ, при помощи которыхъ пріобрѣтаются эти свѣдѣнія (методологія или логика данной науки).

---

18) А. Фуллье. Исторія философіи, стр. 144.

«Несомнѣнно, наука», пишетъ Д. С. Милль [19], «можетъ достигнуть извѣстной и при томъ довольно значительной, степени развитія безъ всякой другой логики, кромѣ той, какую эмпирически пріобрѣтаютъ въ теченіе своихъ занятій всѣ люди, обладающіе такъ называемымъ, здравымъ смысломъ. Люди судили объ очевидности и при томъ, часто правильно, раньше, чѣмъ логика стала наукой — иначе они никогда не могли бы ее сдѣлать таковой. Точно такъ же громадныя сооруженія воздвигали прежде, нежели узнали законы механики. Но существуютъ нѣкоторыя границы, какъ для того, что могутъ сдѣлать техники безъ знанія началъ механики, такъ и для того, чего можетъ достигнуть мыслитель, незнакомый съ принципами логики. Лишь немногіе люди — благодаря необыкновенной геніальности или тому, что имъ удалось случайно пріобрѣсти рядъ цѣлесообразныхъ умственныхъ навыковъ, — могутъ работать безъ общихъ принциповъ точно такъ же или почти точно такъ же, какъ они работали бы, еслибъ владѣли этими принципами. Но для массы людей необходимо или понимать теорію того, что они дѣлаютъ, или же руководиться правилами, установленными для нихъ тѣми, кто понимаетъ эту теорію. Въ прогрессѣ науки, отъ самыхъ легкихъ до наиболѣе трудныхъ ея проблемъ, обыкновенно, каждому крупному

19) Милль. Логика, стр. 8.

шагу впередъ предшествовало (или же сопровождало и необходимо обуславливало его) соотвѣтствующее улучшеніе логическихъ понятій и принциповъ въ умахъ передовыхъ мыслителей эпохи. И, если нѣкоторыя изъ наиболѣе трудныхъ наукъ и до сихъ поръ еще находятся въ столь неудовлетворительномъ состояніи, если въ нихъ не только такъ мало доказаннаго, но и не окончены еще споры даже о томъ немногомъ, что уже, казалось бы, доказано, — то причина этому можетъ быть именно въ томъ, что логическія понятія людей не достигли еще той степени широты и точности, какая потребна для оцѣнки очевидности въ этихъ областяхъ знанія».

Вышеизложенное положеніе Д. Милля вѣрно по отношенію къ логикѣ каждой изъ отраслей знанія.

Характеръ научныхъ пріемовъ (методовъ) во многомъ зависитъ отъ тѣхъ особенностей, которыя присущи изучаемымъ объектамъ; посему каждая наука имѣетъ свою методологію. А отсюда слѣдуетъ, что всестороннее изученіе методовъ (методологіи) науки, т. е. изученіе ихъ со всѣми особенностями, возникшими въ нихъ подъ вліяніемъ особенностей объектовъ, изучаемыхъ этой наукой, **невозможно безъ знакомства съ объектомъ изслѣдованія**[20]. А отсюда слѣдуетъ,

20) Введенскій. Логика, стр. 3.

что самое развитіе теоріи военнаго искусства (науки о веденіи войны), находящееся въ тѣсной зависимости отъ развитія ея методологіи, еще и въ этомъ отношеніи **зависитъ отъ науки, поставившей себѣ задачей изслѣдованіе природы явленій войны, т. е. отъ соціологіи войны.**

5. — Причина задержки созданія соціологіи войны.

Изъ только что сказаннаго мы видимъ, насколько необходима соціологія войны для правильнаго развитія теоріи военнаго искусства. И, все таки, такая наука не рождалась.

Какъ это объяснить?

Въ области научной работы, такъ же какъ и въ прочихъ сферахъ человѣческой дѣятельности, большую роль играетъ среда, въ которой протекаетъ работа. Потребности этой среды обуславливаютъ возможности работы, такъ же какъ спросъ обуславливаетъ производство въ промышленности. Въ военной средѣ непосредственныя практическія потребности въ научномъ изслѣдованіи войны ограничивались рамками изученія способовъ веденія войны. Въ средѣ же представителей общей Науки, до Міровой войны 1914-18 г. г., существовало опредѣленное пренебреженіе къ изученію войны. Послѣдняя почиталась пережиткомъ варварства и всецѣло предоставлялась изученію господъ военныхъ. Соціологи считали возможнымъ создавать теоріи жизни общества

безъ подробнаго анализа самыхъ явленій войны. Однимъ изъ результатовъ подобнаго отношенія къ войнѣ явилось засиліе въ Историческихъ и Общественныхъ наукахъ экономическаго матеріализма: сосредоточивая свое научное вниманіе лишь на эпохахъ мира, когда экономическій факторъ имѣетъ въ жизни народовъ громадное значеніе, они упускали изъ вида періоды войны, когда на первый планъ выдвигаются глубокіе психическіе процессы связанные съ борьбою.

Естественно, что подобная атмосфера мало благопріятствовала всходамъ науки о войнѣ, которая могла появиться на свѣтъ лишь какъ непосредственная часть общей науки объ обществѣ. Оказавшись не въ силахъ пробиться черезъ окружающую стѣну отчужденія, военные ученые продолжали посвящать все свое вниманіе изученію способовъ веденія войны, контрабандой провозя иногда въ теоріи военнаго искусства научныя изысканія выходящія изъ рамокъ «непосредственно полезнаго опыта». Такой контрабандой, по существу дѣла, и является классическій трудъ Клаузевица.

Война 1914-1918 г. г., вовлекшая въ свою орбиту народныя массы почти всего цивилизованнаго міра, не могла не произвести перемѣны въ отношеніяхъ общей науки къ Войнѣ. Даже наиболѣе пацифистски настроенныя научныя учрежденія начали понимать, что для того, чтобы человѣчество излѣчилось отъ войны, нужно, чтобы

сама эта соціальная болѣзнь была бы изучена. Во всѣхъ развѣтвленіяхъ науки объ обществѣ, началось изученіе процессовъ вызванныхъ міровой войной и ей сопутствовавшихъ. Особенное вниманіе такому изученію удѣляется въ современныхъ экономическихъ наукахъ, которымъ очень долго приходится считаться съ неизжитыми послѣдствіями войны 1914-1918 г. г.

Однако до соціологіи войны еще далеко.

Въ этомъ легко убѣдиться, изучивъ Сборникъ докладовъ сдѣланныхъ на X-мъ Международномъ Соціологическомъ Конгрессѣ происходившемъ въ октябрѣ 1930 г. въ Женевѣ. Общее заглавіе этого сборника гласитъ: «Соціологія Войны и Мира» [21]. Въ этомъ сборникѣ имѣется 44 статьи. Шесть изъ нихъ войны не касаются вовсе. Остальныя 38 могутъ быть по своему содержанію распредѣлены такъ:

16 статей анализируютъ причины войнъ;

11 — посвящены изобличенію шовинизма и проповѣди пацифизма;

6 — затрагиваютъ роль войны въ общемъ ходѣ соціальной жизни;

4 — стремятся разрѣшить вопросъ, какъ избѣжать войны;

---

21) « Sociologie de la guerre et de la paix ». Les annales de l'Institut International de Sociologie. Tome XVI. Ed. Marcel Giard. Paris, 1932.

О д н а только статья, подъ заглавіемъ «Ритмъ войнъ» пытается приступить къ изученію самой войны; но эта статья занимаетъ всего одну страницу изъ 315 страницъ Сборника.

Вотъ почему, изученіе разсматриваемаго здѣсь Сборника приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Ненаучное отношеніе къ войнѣ среди представителей соціологической науки еще не изжито и продолжаетъ мѣшать многимъ изъ нихъ послѣдовать примѣру тружениковъ медицинской науки, которые не останавливаются на разсужденіяхъ о вредѣ чумы или туберкулеза, а энергично изучаютъ существо этихъ болѣзней. Какой степени достигаетъ это ненаучное отношеніе, иллюстрируется заявленіемъ члена конгресса г-номъ Модюи при обсужденіи доклада другого члена г-на Америго Наміасъ. «Если война», заявилъ г-нъ Модюи, «неразрывно связана съ психикой народовъ и является фатальной неизбѣжностью, то нужно признать, что наши соціологическія собранія практически совершенно не нужны и намъ остается одно: уѣхать съ Конгресса, сохранивъ лишь пріятное воспоминаніе объ оказанномъ намъ Женевой любезномъ гостепріимствѣ»[22].

Характерна въ разсматриваемомъ отношеніи и первая статья сборника составленная Вице-Предсѣдателемъ Международнаго Соціологиче-

22) См. стр. 143 Сборника.

скаго Института профессоромъ Дюпра[23]: Эта статья являлась руководящей для всѣхъ работъ Конгресса. На 72 страницахъ мелкаго шрифта профессоръ Дюпра разсматриваетъ степень шовинизма присущую, по его мнѣнію, различнымъ соціальнымъ группировкамъ. Читая эту статью невольно въ голову приходитъ мысль о химикѣ, пожелавшемъ узнать составъ воды и который, вмѣсто того чтобы прямо приступить къ ея анализу, написалъ бы длинный трактатъ о мокрыхъ и сухихъ предметахъ.

Второй выводъ, который можно сдѣлать изъ ознакомленія съ работами X-го Международнаго Соціологическаго Конгресса — это то, что тѣ изъ соціологовъ, которые стремятся къ научному пониманію войны, направляютъ все свое вниманіе на изученіе причинъ вызывающихъ войны и на той роли, которую эти послѣднія играютъ въ общемъ ходѣ соціальной жизни; они не начинаютъ съ главнаго: съ изученія самой войны, какъ явленія соціальной жизни.

X-й международный Соціологическій Конгрессъ наглядно показалъ, что даже пережитая въ 1914-1918 г. г. міровая война, хотя и возбудила болѣе внимательное отношеніе соціологовъ къ войнѣ, все таки, оказалась безсильной пробить брешь въ сложившейся рутинѣ. Для того

---

23) Заглавіе этой статьи: **«Les structures sociales et la guerre. Mémoire introductif».**

же, чтобы увидѣть въ чемъ заключается это рутинное отношеніе къ войнѣ я отсылаю читателя къ замѣчательному труду профессора Гарвардскаго Университета П. Сорокина, напечатанному въ 1928 г. и представляющему собой наиболѣе полный и яркій обзоръ соціологическихъ теорій. Я предлагаю взять главу озаглавленную «соціологическое объясненіе борьбы за существованіе и соціологія войны». Вотъ подзаголовки этой крайне обстоятельно составленной главы:

1) Общая характеристика этой отрасли соціологіи. 2) Неопредѣленность понятія «борьбы за существованіе» въ біологической и соціологической литературѣ. 3) Виды «борьбы за существованіе» и ихъ эволюція въ исторіи человѣчества. Критика. 4) Соціальная роль и послѣдствія войны и борьбы: а) соціальный отборъ, производимый войной; б) воздѣйствіе войны въ области физіологіи населенія; в) вліяніе войны въ области демографіи; г) вліяніе войны на экономическую жизнь; д) война, какъ средство упроченія соціальной солидарности и мира; е) моральныя послѣдствія войны; ж) вліяніе войны на политическую жизнь страны; з) война, революція и реформы; и) война и «внутренняя соціальная подвижность» общества; к) война и из-

---

24) « Contemporary Sociological Theories » by Pitirim Sorokin. Publishers Harpers and Brothers. New-York and London. 1928.

мѣненія въ общественныхъ мнѣніяхъ, настроеніяхъ и поведеніи; л) вліяніе войны на Науку и Искусство. 5) Факторы (вызывающіе) войну. 6) Общее заключеніе о біологической соціологіи.

Одного только чтенія вышеприведеннаго оглавленія достаточно чтобы убѣдиться въ томъ, что поле соціологическаго изслѣдованія ограничивалось изученіемъ: а) роли которую играетъ война въ жизни человѣчества, б) вліянія, которое она оказываетъ на различныя стороны этой жизни, в) причинъ, которыя вызываютъ войну и г) послѣдствій, которыя она вызываетъ.

Чтеніе самыхъ соціологическихъ трактатовъ можетъ лишь подтвердить сдѣланные только что нами выводы — соціологи подходятъ со всѣхъ сторонъ къ войнѣ, стремятся изучить всѣ явленія, которыя ей предшествуютъ, ее окружаютъ и за ней слѣдуютъ, но не изучаютъ только одного — с а м о е в о й н у. А, между тѣмъ, безъ изученія процессовъ составляющихъ самую войну, нельзя объективно понять тѣ явленія, которыя происходятъ на ея периферіи.

Несомнѣнно, что въ подобномъ, печальномъ, съ научной точки зрѣнія, явленіи, сказалась взаимная отчужденность науки общей и науки военной. Какъ я говорилъ уже выше, эта отчужденность толкала военныхъ ученыхъ всецѣло въ область изученія «способовъ веденія войны»; въ области Общей Науки, это сказалось въ ея от-

рывѣ отъ реальностей жизни, вслѣдствіе чего, до сей поры самая война остается для соціологіи «La Grande Inconnue».

6. — Предѣлъ возможности развитія соціологіи войны.

Признавъ возможность и необходимость существованія соціологіи войны, уяснимъ теперь тѣ рамки, въ которыхъ возможно ея существованіе; сложность изслѣдуемаго объекта не можетъ на этомъ не отразиться. Ясное пониманіе того, что можетъ дать такая наука позволитъ откинуть сразу излишнія или скороспѣлыя требованія.

Всякая наука переживаетъ три фазиса развитія:

1) Сборъ матеріаловъ,
2) Систематизація, выработка методовъ и изслѣдованіе,
3) Предсказанія.

Понятно, что послѣдней стадіи наука достигаетъ только при самомъ полномъ развитіи. Степень возможности достигнуть послѣдней стадіи въ разныхъ наукахъ различна. Чѣмъ сложнѣе и многочисленнѣе элементы, составляющіе изслѣдуемыя явленія, тѣмъ болѣе привходящихъ данныхъ нужно знать для того, чтобы построить точное предсказаніе. Наука о войнѣ, какъ и всѣ науки общественныя, имѣетъ дѣло съ явленіями безконечно сложными, какъ по количеству

входящихъ элементовъ, такъ и по качеству ихъ. Въ силу этого, всѣ общественныя науки сильно отстали въ своемъ развитіи сравнительно съ прочими областями человѣческаго знанія и въ этомъ отношеніи занимаютъ среди наукъ послѣднее мѣсто. Уже это одно показываетъ, что наука о войнѣ на многіе предъявляемые вопросы не будетъ еще въ состояніи отвѣтить. Но, кромѣ того, сложность изслѣдуемаго объекта вынуждаетъ признать еще одно ограниченіе. Наука объ обществѣ (и о войнѣ) никогда не достигнетъ той же степени развитія и точности, какъ науки болѣе простыя, напримѣръ — математика. Сложность изучаемыхъ явленій столь велика, что никогда не будетъ возможности разложить данное явленіе на всѣ составляющіе его элементы, что необходимо для безусловно точнаго предсказанія, дабы осталось неизвѣстнымъ только искомое слѣдствіе; вслѣдствіе сложности явленій неизвѣстное останется и въ причинахъ, а въ такомъ случаѣ даже математика даетъ цѣлый рядъ рѣшеній (неопредѣленное уравненіе). Поэтому, даже при совершенномъ своемъ развитіи, наука изучающая войну, достигнетъ послѣдней стадіи только условно, и болѣе чѣмъ какая другая наука останется по преимуществу въ области изслѣдованія.

«Нѣтъ надежды на то» пишетъ Д. С. Милль[25],

25) Логика, стр. 708 и 709.

«чтобы законы общественныхъ явленій (хотя бы мы знали ихъ столь же достовѣрно и полно какъ законы астрономіи) позволили намъ за тысячи лѣтъ впередъ предсказывать исторію общества, какъ мы предсказываемъ исторію небесныхъ явленій. Но эта разница въ достовѣрности обуславливается не самыми законами, а тѣми данными, къ которымъ приходится ихъ прилагать. Причины астрономическихъ явленій немногочисленны и измѣняются мало, да и то по извѣстнымъ намъ законамъ; мы можемъ установить, каковы онѣ теперь, а отсюда опредѣлить и то, каковы онѣ будутъ въ любую эпоху отдаленнаго будущаго. Такимъ образомъ, въ астрономіи данныя столь же достовѣрны, какъ и самые законы. Напротивъ, условія, вліяющія на состояніе и развитіе общества, безчисленны и непрерывно измѣняются, такъ что, хотя всѣ они измѣняются подъ вліяніемъ причинъ, а слѣдовательно и законовъ, однако, количество этихъ причинъ настолько велико, что не поддается нашимъ ограниченнымъ средствамъ вычисленія. Не говорю уже о томъ, что непреоборимую преграду для предварительнаго ихъ вычисленія создала бы неприложимость къ фактамъ этого рода точныхъ чиселъ — даже въ томъ случаѣ, если бы силы человѣческаго ума въ остальныхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали такой задачѣ».

Рамки, въ которыхъ можетъ происходить развитіе науки о войнѣ, не могутъ быть шире тѣхъ,

которыя поставилъ Соціологіи итальянскій соціологъ Вильфредо Парету[26]. Согласно послѣднему, соціологія есть наука «логическо-экспериментальная»; она можетъ основываться лишь на наблюденіи переживаемыхъ или описаніи уже пережитыхъ событій. Она не можетъ допустить общихъ спекулятивныхъ построеній, моральныхъ поученій и вообще всего того, что выходитъ изъ рамокъ изученія реальныхъ фактовъ. Другими словами Соціологія не можетъ быть построена на основаніи принциповъ или общихъ идей, выведенныхъ «а пріори».

Въ такихъ ограниченныхъ рамкахъ Соціологія является, согласно Парету, лишь констатированіемъ однообразностей и взаимной зависимости фактовъ. Вслѣдствіе крайней сложности явленій соціальной жизни и въ то же время чрезвычайной многочисленности и измѣнчивости составляющихъ ихъ элементовъ, Соціологія никогда не сможетъ вывести абсолютно вѣрныхъ для всѣхъ частныхъ случаевъ общихъ положеній. Выводамъ соціологіи всегда будетъ присущъ характеръ лишь большей или меньшей вѣроятности.

Признаніе этого ограниченія рамокъ и для предлагаемой мною Соціологіи Войны ни въ коемъ случаѣ не противорѣчитъ законности и не-

---

26) «The Mind and Society», переводъ на англійскій языкъ съ итальянскаго. Изд. Haricourt, Brace and Co. New-Yerk. 1935.

обходимости ея скорѣйшаго созданія. Вышеприведенная мысль Парету о «констатированіи однообразностей и взаимной зависимости фактовъ» можетъ быть формулирована въ болѣе старыхъ словахъ, а именно: «констатированіе существованія, сосуществованія, послѣдовательности и сходства явленій». Послѣднее же является задачей всякой науки, и потому ограниченія, указанныя Парету, должны быть приняты лишь какъ указанія на предѣлъ развитія Соціологіи Войны, а не какъ указанія на ненужность ея возникновенія.

7. — Необходимость для созданія соціологіи войны громадной коллективной работы.

Эта чрезвычайная сложность явленія войны заставляетъ произвести особенно большую работу по подготовкѣ матеріаловъ для соціологіи войны. Отсутствовавшее до сихъ поръ осознаніе въ широкихъ научныхъ кругахъ необходимости существованія такой особой отрасли изслѣдованія, привело къ такому плачевному положенію, при которомъ въ мірѣ не имѣется ни одного ученаго учрежденія, гдѣ была бы собрана вся литература, касающаяся этого предмета. Приведу примѣръ: въ Парижской Національной Библіотекѣ не имѣется полнаго числа томовъ классической ра-

боты профессора Берлинскаго университета — Дельбрюка[27].

Если такъ обстоитъ дѣло съ однимъ изъ классическихъ трудовъ, которые въ области соціологіи войны не многочисленны, то насколько плачевнѣе та же картина въ отношеніи тѣхъ трудовъ меньшаго научнаго значенія, въ которыхъ соціологія войны тоже можетъ почерпнуть нужныя ей свѣдѣнія.

Я берусь доказать, что изъ десяти печатныхъ трудовъ, которые должны быть положены въ основаніе соціологическаго изученія войны, по крайней мѣрѣ три не будутъ находиться въ такихъ міровыхъ культурныхъ центрахъ, какъ — Британская библіотека въ Лондонѣ и «Конгрессъ Лайбрери» въ Вашингтонѣ. Въ такихъ же условіяхъ окажется изслѣдователь пожелавшій получить эти десять трудовъ изъ библіотеки любого военно-ученаго учрежденія.

Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что соціологія войны болѣе, чѣмъ какая либо другая наука, требуетъ использованія работъ всѣхъ національностей. Только въ рамкахъ интернаціональнаго изслѣдованія она сможетъ освободиться отъ тѣхъ легендъ и искаженій, которыя неизмѣнно сопутствуютъ всякому узко національному подходу къ изученію войны. Вотъ почему, я

---

27) **Hans Delbrück : « Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der politischen Geschichte ».**

полагаю, что первымъ шагомъ къ созданію соціологіи войны, является сборъ спеціальной библіотеки, хотя бы при одномъ изъ научныхъ учрежденій міра, въ которой были бы собраны съ исчерпывающей полнотой всѣ труды заключающіе въ себѣ свѣдѣнія, нужныя для разработки предлагаемой мною новой науки. Такая библіотека будетъ заключать въ себѣ большое количество томовъ, ибо, какъ я уже говорилъ выше, данныя необходимыя для соціологическаго изслѣдованія разбросаны по многочисленнымъ трудамъ теоріи военнаго искусства (науки о веденіи войны).

Разбросанность этихъ данныхъ подсказываетъ и первый этапъ работы. Данныя, вкрапленныя въ различные труды по наукѣ о веденіи войны, по Исторіи военной и общей, по соціологіи и наукамъ изучающимъ различныя отрасли соціальной жизни, должны быть зарегистрированы и оцѣнены съ точки зрѣнія ихъ значенія для соціологіи войны. Эта классификація и подборъ необходимаго спеціальнаго матеріала вызоветъ широкое примѣненіе картотекъ.

Предлагаемая мною систематизація данныхъ нужныхъ для соціологіи войны, особенно необходима по той причинѣ, что новая наука требуетъ использованія источниковъ на всѣхъ языкахъ.

Нельзя думать, что ученый пожелавшій приступить къ соціологическому изслѣдованію войны, окажется въ состояніи одними своими уси-

ліями разобраться въ томъ первичномъ хаосѣ, въ которомъ находятся сейчасъ нужныя ему данныя. Необходимо чтобы другіе подготовили ему матеріалъ. Каменщикъ беретъ для постройки камни, подготовленные для него другими. Онъ не смогъ бы возвести зданіе, еслибъ ему пришлось самому идти въ горы чтобы наколоть камни, перевезти ихъ, разсортировать и сложить въ отдѣльныя кучи — плиты, бутовый камень, облицовку, щебень и т. п. Вотъ та предварительная работа, которая должна быть сдѣлана, а каменщикъ — строитель долженъ имѣть весь нужный ему матеріалъ уже находящимся подъ рукой.

Съ цѣлью обратить вниманіе ученаго міра на необходимость подобной громадной подготовительной работы, безъ которой война какъ явленіе соціальной жизни будетъ по прежнему пребывать соціологически не изученной, я и выступилъ со спеціальнымъ докладомъ на XII Международномъ Конгрессѣ по Соціологіи, собравшемся въ августѣ 1935 г. въ Брюсселѣ[28].

Указавъ на то, что такая работа непосильна для частной иниціативы отдѣльныхъ лицъ, я настаивалъ на томъ, что она можетъ быть поднята лишь

---

28) Самый докладъ состоялся 26-го августа. Полностью этотъ докладъ напечатанъ въ періодическомъ военно-научномъ журналѣ «Освѣдомитель». № 4, стр. 1-13. Изданіе «Русскаго военно-Научнаго Института» въ Бѣлградѣ. 1937 г.

усиліями организованнаго ученаго коллектива. Свой докладъ я кончилъ слѣдующими словами:

«Вся эта громадная подготовительная работа требуетъ большихъ усилій и средствъ. Она требуетъ полной независимости, дабы быть свободной отъ воздѣйствія — не только шовинизма, но даже національнизма. Вотъ почему, полный успѣхъ предлагаемаго мной соціологическаго изученія войны, будетъ наиболѣе обезпеченъ учрежденіемъ особаго для такого изслѣдованія Интернаціональнаго Института».

«Я вполнѣ сознаю какія трудности сопряжены съ учрежденіемъ спеціальнаго научнаго института для соціологическаго научнаго изученія войны, однако, вѣрю, что человѣчество — рано или поздно, придетъ къ этому. Пока же я позволю себѣ высказать болѣе скромное пожеланіе — учрежденіе кафедры по «Соціологіи войны».

«Только съ учрежденіемъ этой кафедры, хотя бы въ одномъ изъ университетовъ имѣющихъ въ своемъ составѣ соціологическій факультетъ, можно считать, что будетъ произведенъ реальный починъ научнаго изученія войны, какъ явленія соціальной жизни человѣчества. Я не сомнѣваюсь, что такой починъ быстро найдетъ подражателей и тогда война не будетъ оставаться « La Grande Inconnue ».

Какъ и можно было ожидать, мое выступленіе осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

ГЛАВА II.

ИСПОЛЬЗОВАНІЕ ВОЕННОЙ ИСТОРІИ.

1. — Обвиненіе рядовыхъ участниковъ Міровой войны, предъявленное къ Военной Исторіи.

«Человѣкъ всегда гордился войной», пишетъ Жанъ Нортонъ-Крю [1]. «Онъ пріукрашивалъ самый актъ сраженія. Красивыми красками онъ ри-

---

1) Жанъ Нортонъ Крю — французъ, бывшій до Міровой войны профессоромъ въ одномъ изъ Американскихъ университетовъ (Вилліамсъ Колледжъ въ Массачузетсѣ). Съ объявленіемъ войны сталъ солдатомъ французской пѣхоты, въ рядахъ которой сражался до начала 1917 года, послѣ чего былъ назначенъ французскимъ переводчикомъ въ Британскую армію. Ему принадлежитъ замѣчательный трудъ подъ заглавіемъ: « **Témoins. — Essais d'analyse et de critique des souvenirs de combattants édités en français de 1915 à 1928**». **Ed. Etincelles** Парижъ, 1929 годъ. — Стр. 1-3.

Намъ придется очень часто пользоваться этой книгой. Имѣется очень сокращенное изданіе того же труда въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: « **Du témoignage** ». **Ed. N.R.F.1930.**

совалъ кавалерійскіе шоки и штыковыя атаки. Онъ надѣлялъ бойца сверхчеловѣческими чувствами: непобѣдимой храбростью, горячимъ желаніемъ борьбы — нетерпѣніемъ скорѣе дойти до рукопашной схватки, пренебреженіемъ къ ранамъ и къ смерти, радостью жертвовать своей жизнью, любовью къ славѣ. Тысячелѣтіями, подобныя представленія укрѣплялись въ сознаніи людей, которымъ не пришлось еще сражаться. Кто посмѣетъ сомнѣваться въ столь издавна установившемся представленіи, подтверждаемомъ разсказами, начиная съ самой зари Исторіи человѣчества. Вольтеръ усумнился, Руссо энергично возсталъ, но XIX-й вѣкъ какъ будто бы опровергъ этихъ двухъ скептиковъ. Въ итогѣ, несмотря на сомнѣнія, которыя уже возникали въ XVIII вѣкѣ, мы могли убѣдиться въ августѣ 1914 года, что указанное выше, традиціонное представленіе о боѣ, оказалось еще болѣе прочно внѣдреннымъ въ нѣкоторые умы, нежели раньше, и это, благодаря эпохѣ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ у насъ, благодаря эпопеямъ Кениггреца и Седана — у нѣмцевъ»...

«Тогда думали, и теперь еще думаютъ, что знаютъ что такое война. Вѣрили, что явленія войны изображены въ описаніяхъ общей и военной Исторіи, а также въ стратегическихъ изслѣдованіяхъ войнъ древности, средневѣковья, новыхъ временъ и современной эпохи, столь же вѣрно, какъ это сдѣлано для прочихъ явленій соціаль-

ной, политической и экономической жизни. Это — иллюзія устойчивая и при этомъ опасная. Военная исторія не достигла еще того научнаго уровня, на которомъ уже находятся другія отрасли исторической науки. Происходитъ это оттого, что матеріалъ, съ которымъ ей приходилось до сихъ поръ имѣть дѣло, заключаетъ въ себѣ слишкомъ много отклоненій отъ дѣйствительности, сдѣланныхъ составителями во имя патріотизма, славы, традиціи» [2].

«Несомнѣнно, что описанія участниковъ всякаго политическаго событія также неточны, но при современныхъ научныхъ историческихъ методахъ можно въ широкой мѣрѣ выправить ихъ отклоненіе отъ дѣйствительности. Такое исправленіе возможно потому, что искаженіе лишь частичное и потому, что современный ученый стоитъ внѣ предразсудковъ подъ властью которыхъ находился составитель документа. Въ военной исторіи положеніе иное. Искаженіе реальности въ документахъ — полное, и это по традиціи восходящей до истоковъ соціальной жизни, традиціи — которая продолжаетъ предъявлять еще

---

2) «Любопытно читать описанія боевыхъ столкновеній... Трудно даже представить себѣ до какой степени и съ какою самоувѣренностью искажается истина — я не говорю уже о тѣхъ искаженіяхъ, которыя производятся въ цѣляхъ поддержанія дисциплины, духа и потребностей политики». Арданъ дю Пикъ. Стр. 37.

теперь свои требованія историку въ ту самую минуту, когда онъ садится за выправленіе искаженій въ документахъ. Да и какъ можетъ онъ произвести исправленія документовъ, если искаженіе полное и если онъ самъ въ той же мѣрѣ склоненъ къ искаженію. Въ теченіе послѣдней сотни лѣтъ гражданская исторія много выиграла въ точности, благодаря примѣненію новыхъ методовъ съ одной стороны, и благодаря руководящей идеѣ, которую она кладетъ въ основу своихъ изслѣдованій. Новая историческая наука не довольствуется изученіемъ однихъ только офиціальныхъ документовъ и воспоминаній лицъ стоявшихъ на верхахъ соціальной лѣстницы; она приступила къ розыску возможно большаго количества такихъ документовъ, въ которыхъ излагаются мелкія подробности провинціальной жизни, а также такихъ, которыя исходятъ отъ свидѣтелей находящихся на низшихъ ступеняхъ служебной или соціальной лѣстницы. Руководящая идея состоитъ въ строжайшей научной незаинтересованности, которая формулирована въ девизѣ «Историческаго Журнала»(Revue Historique) въ словахъ: «Ne quid falsi audeant, ne quid veri non audeant historia»[3] (исторія никогда не должна говорить неправды, она не должна также и замалчивать правду). Военная исторія, которая не приняла еще — ни этихъ методовъ, ни

3) Ciceron. De oratore, II, 15.

этой основной идеи, не можетъ, по существу говоря, носить наименованіе Исторіи въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ эту науку въ XX-мъ вѣкѣ».

«Наше столѣтіе гордится своимъ научнымъ духомъ; оно хвалится тѣмъ, что не принимаетъ ничего на вѣру; оно требуетъ для подтвержденія установленныхъ положеній обширныхъ и тщательно проведенныхъ опытовъ. Не нужно въ этомъ отношеніи дѣлать исключеніе для нѣкоторыхъ явленій человѣческой жизни, принимая только такія объясненія, которыя установлены по традиціи и вопреки тому, что эти явленія подвержены наблюденію и повѣркѣ. Спрашивалъ ли кто нибудь себя о томъ, насколько традиціонныя представленія о сраженіи соотвѣтствуютъ матеріальнымъ и психическимъ явленіямъ наблюдавшимся непосредственными участниками боя? Да и вообще, существуютъ ли свидѣтельства этихъ участниковъ? Каковы они? Авторы этихъ показаній могутъ ли быть квалифицированы какъ дѣйствительные участники боя? Каковы доказательства этому? Эти вопросы я началъ задавать себѣ подобно, я думаю, многимъ другимъ солдатамъ, съ того дня 1914 года, когда грубое столкновеніе съ дѣйствительностью разбило въ дребезги мои «книжныя» представленія о поступкахъ и чувствахъ солдата въ бою, представленіе созданное изученіемъ «военной исторіи» и которое я наивно до той поры считалъ науч-

нымъ. Я понялъ тогда, что я ничего не зналъ о войнѣ, мое невѣжество было полнымъ, ибо оно касалось того, что было самымъ существеннымъ, вѣчно истиннымъ, неизмѣннымъ во всѣ войны — и это полное невѣжество неизбѣжно влекло крушеніе всѣхъ мыслей, которыя изъ него проистекали».

Вотъ каково то обвиненіе, которое предъявлено Военной Исторіи однимъ изъ представителей, если можно такъ выразиться, гражданской науки. Это обвиненіе заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что оно не одиночное. Его можно найти въ воспоминаніяхъ и многихъ другихъ; при этомъ, что особенно важно, всѣ эти обвинители, такъ же какъ и цитированный Ж. Н. Крю, продѣлали минувшую войну въ качествѣ простыхъ солдатъ или въ роли младшихъ офицеровъ и могли наблюдать явленія боя въ непосредственной близости. Вслѣдствіе этого, ихъ свидѣтельства о «реальномъ обликѣ войны» имѣютъ большую цѣнность, нежели описанія боевыхъ дѣйствій, составленныя лицами, находившимися въ отдаленныхъ отъ боевой линіи штабахъ. То, что эти критики не принадлежатъ къ военнымъ профессіоналамъ, тоже цѣнно, ибо, если имъ и свойственны ошибки, вытекающія изъ ихъ диллетантизма, то съ другой стороны, они не связаны съ тѣми традиціонными предразсудками, которые особенно сильны въ средѣ военныхъ профессіоналовъ.

2. — Справедливость обвиненія въ недостаточной научной объективности существующей Военной Исторіи.

Прислушаемся къ ихъ голосу, и тогда мы увидимъ, что они не такъ уже неправы. Какъ часто Военная Исторія, обслуживая исключительно практическую задачу подготовки даннаго народа, отказывалась отъ полнаго возстановленія истинной картины войны изъ опасенія повредить веденію будущей войны. Классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить указаніе, данное знаменитымъ Мольтке для составленія въ подвѣдомственномъ ему германскомъ Большомъ Генеральномъ Штабѣ исторіи войны 1866 г. Это научное изслѣдованіе должно было служить для подготовки Прусской арміи въ предвидѣніи ожидаемой войны съ французами. Въ виду того, что многихъ изъ высшихъ военачальниковъ, надѣлавшихъ ошибки въ 1866 году (напр. Кронпринцъ) смѣнить не представлялось возможнымъ, Мольтке, въ цѣляхъ не подрывать довѣрія войскъ къ распоряженіямъ этихъ начальниковъ въ будущей войнѣ, приказалъ опустить нѣкоторыя мѣста описанія. «Пишите правду, только правду, но не всю правду», такъ формулировалъ онъ свою директиву составителямъ этой Исторіи Войны.

Можно не оспаривать практическую правильность рѣшенія Мольтке, принимая во вниманіе цѣль, которую онъ преслѣдовалъ и тѣ привходя-

щія условія, съ которыми онъ долженъ былъ считаться; но нельзя не считать, что умолчаніе хотя бы части истины уклоняетъ военную исторію съ того пути настоящей науки, на который, какъ упоминалось выше, вступила уже общая историческая наука.

Только что приведенный примѣръ интересенъ тѣмъ, что показываетъ какъ былъ разрѣшенъ конфликтъ, возникшій въ военной исторіи между требованіями чистой науки и требованіями ближайшей практической пользы, однимъ изъ величайшихъ полководцевъ бывшимъ въ то же время однимъ изъ величайшихъ военныхъ ученыхъ.

Посмотримъ теперь какъ разрѣшали такого же рода конфликтъ дѣятели и ученые меньшаго калибра. Въ этомъ отношеніи можно произвести одно крайне показательное сравненіе. Паденіе форта Во (у Вердена) запечатлѣно въ книгѣ Дельвера [4].

Приведенное въ ней факсимиле одной изъ страницъ подлинной записи Дельвера показываетъ, что книга представляетъ собой походный дневникъ, написанный на мѣстѣ и во время сама-

---

4) « Histoire d'une compagnie ». Ed. Berger Levrault. 1918.

Charles Delvert до войны былъ профессоромъ исторіи; первые 20 мѣсяцевъ войны провелъ въ боевыхъ линіяхъ въ качествѣ младшаго офицера пѣхоты. Оцѣнку этой книги см. у Ж. Н. Крю «Témoins» на стр. 123-125.

го хода событій. Этотъ дневникъ, до его появленія въ печати, былъ использованъ французскимъ литераторомъ и академикомъ Анри Бордо, для его книги о послѣднихъ дняхъ форта Во [5].

Анри Бордо былъ прикомандированъ во время войны къ одному изъ высшихъ штабовъ, для составленія военно-историческихъ описаній. Сравнивая страницы книги Дельвера (стр. 206-225 и 249-269) съ соотвѣтствующими страницами книги А. Бордо (стр. 147-155 и 182-296), мы увидимъ, какъ много заимствовано послѣднимъ у перваго. Естественно, что А. Бордо, сидѣвшій въ тылу, использовалъ для описанія событія записи непосредственнаго участника послѣдняго. Интересно другое, интересно — какъ использовалъ А. Бордо эти записи; и вотъ, сравнивая приведенное въ книгѣ Дельвера факсимиле съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ книги А. Бордо, мы можемъ сдѣлать показательныя наблюденія. Въ конечной части этого факсимиле, одно слово записи прервано — и, сейчасъ вслѣдъ затѣмъ авторъ дневника поясняетъ, что обрывъ его записи произошелъ изъ-за разрыва снаряда: ...«онъ влетѣлъ черезъ входное отверстіе съ той стороны гдѣ спалъ унтеръ-офицеръ, мой унтеръ-офицеръ, мой бѣдный маленькій Коссе. Все зашаталось. Я былъ покрытъ грязью — но не тронутъ.

---

5) « Les derniers jours du fort Vaux ». Editions Plon, Paris 1936.

Ни одной царапины. Если судить по направленію, это 75-миллиметровая пушка [6]. Повидимому, орудіе съ разстрѣляннымъ стволомъ....» Приводящій эту запись А. Бордо, обрываетъ ее послѣ слова «царапины»; онъ не считаетъ возможнымъ повторить указанія Дельвера, что это былъ «свой» снарядъ. На 27-ми страницахъ, въ которыхъ А. Бордо используетъ 41 страницу Дельвера, можно найти много подобныхъ же выправленій. На страницѣ 192, А. Бордо пишетъ: «Бомбардировка опять началась» и не приводитъ то, что дальше написано у Дельвера (стр. 264): «...на этотъ разъ стрѣляютъ наши и по нашимъ же окопамъ». А на страницѣ 186-й, когда Бордо пишетъ: «Солдаты съ крикомъ выскакиваютъ» — онъ умалчиваетъ, что они кричали «спасайся, кто можетъ».

Только что приведенный примѣръ можетъ служить образчикомъ различія между отношеніемъ къ бою непосредственнаго участника его, видящаго его повседневно снизу и не боящагося правды, и отношеніемъ къ войнѣ человѣка, наблюдающаго ее только сверху и считающаго опаснымъ говорить «всю» правду. Этотъ примѣръ тѣмъ болѣе показателенъ, что на обѣихъ сторонахъ мы имѣемъ не военныхъ профессіоналовъ, а высоко квалифицированныхъ представителей гражданской интеллигенціи. Различіе въ ихъ точкахъ зрѣнія создалось въ теченіе самой войны.

---

6) Т. е. своя, французская; прим. Н. Н. Г.

3. — «Патріотическія легенды» отклоняютъ Военную Исторію отъ истины.

Отъ сокрытія части правды, всего нѣсколько шаговъ до созиданія неправды. Въ военной исторіи это выражается въ склонности къ легендамъ. Если современная обще-историческая наука безъ колебанія откидываетъ таковыя, хотя бы и въ высшей степени благородныя и патріотическія, то военная исторія еще не доросла до этого.

Приведу два примѣра легендъ, создавшихся во французской литературѣ и разоблаченныхъ уже цитированнымъ мною Ж. Нортонъ-Крю.

Первая изъ этихъ легендъ, подъ именемъ «Встаньте мертвые» выросла изъ случая разсказаннаго журналистомъ Перикаромъ [7], будто бы произошедшимъ съ нимъ во время его пребыванія на фронтѣ въ качествѣ унтеръ-офицера одного изъ французскихъ пѣхотныхъ полковъ. Въ первоначальной версіи его разсказъ былъ напечатанъ въ одной изъ газетъ 1915 г. [8].

Суть этого разсказа заключается въ томъ, что во время нѣмецкой атаки на одну изъ французскихъ траншей, когда нѣмцы уже вскочили въ эту траншею, унтеръ-офицеръ Перикаръ крикнулъ: «встаньте мертвые». Подъ воздѣйствіемъ

---

7) Pericard.

8) См. прибавленіе къ «Larousse Mensuel» отъ мая 1915 г., № 99; полный текстъ повторенъ въ книгѣ Ж. Нортонъ-Крю «Du Témoignage», 59, 60.

такого крика защитники траншеи воспрянули духомъ и выкинули нѣмцевъ изъ окопа.

«Анекдотъ Перикара», пишетъ Ж. Н. Крю [9], «не менѣе чудесный и героическій нежели другіе, привелъ въ восторгъ Бареса». Баресъ, пламенный патріотъ, увидѣлъ въ этомъ разсказѣ проявленіе чуда; крикъ — «встаньте мертвые», по его убѣжденію дѣйствительно призвалъ на помощь мертвыхъ. Только Баресъ, повидимому, не зналъ истиннаго происхожденія этого призыва. Ему не было извѣстно, что — «встаньте, мертвые» было, прежде всего, шансонеткой, распѣвавшейся въ 1873 г. въ кабачкахъ и которую современники квалифицировали «шовинистической» и «смѣсью квасного патріотизма со слащавымъ сентиментализмомъ [10]». Не бывшій на военной службѣ Баресъ, не зналъ также, что горестное слово «мертвый» вошло въ лексиконъ казарменнаго языка французскаго солдата. «Мертвые молодые», кричитъ дежурный унтеръ-офицеръ, вызывая больныхъ новобранцевъ. «Я зачисляюсь въ мертвые», заявляетъ солдатъ, желающій уклониться отъ похода. «Встаньте мертвые», кричитъ дневальный, поднимая спящихъ солдатъ. Это восклицаніе удержалось во время войны и его можно было постоянно слышать на бивакахъ.

---

9) « Du Témoignage », pp. 61, 62.

10) Fervaque : « Nouveaux mémoires d'un décavé ». Paris. Dentin, 1876, p. 153-154.

«Баресъ свидѣлся съ Перикаромъ и убѣдилъ его въ чрезвычайной важности иного толкованія разсказа послѣдняго для созданія великой патріотической легенды. Перикаръ согласился уклониться отъ первоначальной версіи своего разсказа, принявъ ту, которую создалъ Баресъ. Въ своей книгѣ «Возстаньте Мертвые»[11] онъ уже не упоминаетъ своей первоначальной версіи. Онъ подробно цитируетъ версію Бареса, какъ будто бы основа разсказа не принадлежитъ самому Перикару... Версія Бареса основана на чудѣ. Согласно ея, Перикаръ появился въ окопѣ, защитники котораго убиты. Къ нимъ онъ и обращаетъ свой кличъ: Возстаньте Мертвые! «Что это было? Актъ безумія?», пишетъ въ своей книгѣ Перикаръ. «Нѣтъ, потому что мертвые мнѣ отвѣтили. Они мнѣ сказали: «мы съ тобою». Мой кличъ поднялъ ихъ; ихъ души слились со мной и они залили подступы къ окопу широкой рѣкой расплавленнаго металла... что произошло затѣмъ?... Я долженъ чистосердечно признаться, что не знаю. Въ моихъ воспоминаніяхъ зіяетъ дыра... насъ было самое большое двое, трое, четверо, противъ безчисленнаго множества... Два раза не хватало ручныхъ гранатъ, и оба раза мы вдругъ находили у нашихъ ногъ среди мѣшковъ земли корзины наполненныя

---

11) « Debout les morts », Ed. Payot, Paris, 1918.

этими снарядами... Это были мертвые, которые поставили ихъ туда»[12].

Не смотря на всю нелѣпость этой легенды, находились люди вѣрившіе въ нее, такъ какъ она рисовала сверхчеловѣческую силу французскаго духа.

А вотъ другая легенда — это легенда объ «окопѣ штыковъ»[13]. «Эта легенда», пишетъ Ж. Н. Крю[14], «...создана первыми туристами посѣтившими боевой фронтъ. Увидавъ рядъ штыковъ, выходящихъ изъ земли и не понявъ въ чемъ дѣло, они сфантазировали объясненіе вполнѣ отвѣчавшее абсурдному представленію о боѣ. Находка костей въ засыпанномъ окопѣ какъ бы подтвердила ихъ чудесную выдумку. Они не знали, что по всему фронту на участкахъ наиболѣе кровавой борьбы имѣлись такія засыпанныя могилы французовъ и нѣмцевъ. Хоронить мертвыхъ друзей и враговъ требовалъ не только долгъ чести, но и практическая необходимость. Ненужный окопъ наилучше отвѣчаетъ этой задачѣ. Для того, чтобы отмѣтить такую могилу, брошенныя ружья являлись предметомъ всегда находящимся подъ рукой».

«Вотъ историческій фактъ, изъ котораго выросла эта послѣвоенная легенда. 12-го Іюня 1916

---

12) « Debout les morts », Стр. 168, 172, 175.
13) La Tranchée des baïonnettes.
14) « Du Témoignage », Стр. 63-65.

г., 3-я и 4-я роты 137-го пѣхотнаго полка изъ Фонтеней-ле-Контъ (21-ая дивизія, II-го корпуса) заняла позицію на склонѣ къ юго-востоку отъ Дуомонъ. Онѣ подверглись сильной атакѣ; окопы захвачены врагомъ. Защитники убиты, взяты въ плѣнъ или спасаются бѣгствомъ. Нѣмцы, захватившіе этотъ участокъ позиціи, собираютъ разбросанныя по всему склону тѣла убитыхъ, и хоронятъ ихъ въ части окопа, оказавшейся имъ ненужной. Они отмѣчаютъ эту могилу, воткнувъ негодныя французскія ружья. Вотъ и все. Остальное — сплошная легенда, не выдерживающая критики. Въ самомъ дѣлѣ, снаряды не могутъ засыпать окопъ такъ, какъ засыпаютъ могилу; они разрываютъ землю постольку же, поскольку ее засыпаютъ, а законъ разсѣиванія попаданій не позволяетъ имъ вырыть ровъ, землей котораго засыпанъ рядомъ лежащій ровъ. Легенда основана на чудѣ. Она требуетъ, чтобы снаряды, нарушивъ въ этомъ случаѣ законъ физики, падали бы аккуратно въ одномъ метрѣ отъ окопа, для того чтобы своей землей засыпать послѣдній. Но одного этого нарушенія закона физики недостаточно, т. к. остается непонятнымъ почему французскіе солдаты находившіеся въ окопѣ, оставались бы тамъ, пока ихъ постепенно не засыпала земля. Солдатъ подъ огнемъ не прикрѣпленъ къ мѣсту, какъ часовой къ будкѣ. Онъ свободенъ въ перемѣщеніи. На сильно пораженныхъ участкахъ эта свобода стѣснена чув-

ствомъ принадлежности къ своему отдѣленію, которое и сохраняетъ лишь нѣкоторую группировку. Одинъ изъ солдатъ предпочитаетъ укрыться въ наскоро вырытой неглубокой лункѣ, другой — залегаетъ въ яму, образовавшуюся разорвавшейся непріятельской бомбой. Когда огонь по окопу становится всеразрушающимъ, всѣ защитники его выбираются оттуда и заполняютъ такія ямы, вырытыя вражескими снарядами. Что станется въ такомъ случаѣ съ героической картиной, нарисованной легендой? Какъ можно допустить, чтобы люди остались стоять въ строю съ примкнутыми къ ружью штыками, ожидая пока земля не будетъ засыпать ихъ, сначала по щиколотку, потомъ по колѣно, потомъ по поясъ, потомъ до рта?».

«Эта легенда», пишетъ тотъ же авторъ, въ другой своей книгѣ [15], «очевидно создана умами склонными къ романтизму, которые заблудились среди многочисленныхъ и совершенно правдоподобныхъ разсказовъ бойцовъ, засыпанныхъ во время бомбардировки. Но эти бойцы находились въ убѣжищахъ, которыя были разрушены и обвалены бомбами».

Я ограничусь лишь вышеприведенными двумя легендами. Онѣ творятся безсознательно самими народными массами стремящимися прославать павшихъ героевъ; онѣ сочиняются созна-

15) J. N. Cru. « Témoins », p. 36.

тельно и отдѣльными лицами для собственнаго прославленія; наконецъ, онѣ являются также продуктомъ п о л и т и к и.

За примѣромъ ходить недалеко — нужно только внимательно прослѣдить за большевицкой литературой о гражданской войнѣ. Не надо быть опытнымъ изслѣдователемъ, чтобы увидѣть, что въ основѣ ея лежитъ соціальный заказъ создать красивую легенду, которая привлекла бы сердца подрастающей русской молодежи.

А официальные итальянскіе коммюнике о ходѣ Итало-Абиссинской войны, стремящіеся — съ одной стороны придать геройскій обликъ дѣйствіямъ своей арміи, а съ другой стороны доказать міру, что Италія освобождаетъ несчастную Эфіопію... отъ самой себя. Чтеніе этихъ бюллетеней, а также итальянской прессы, наводитъ читателя на печальныя размышленія: сѣть лжи, которая плетется вокругъ войны, становится все болѣе и болѣе плотной.

На примѣрѣ большевиковъ, доводящихъ до крайности всѣ отрицательныя стороны современной жизни человѣческаго общества, легко увидѣть, что главное зло съ которымъ должна бороться Военная Исторія, пожелавшая стать наукой въ истинномъ значеніи слова, это зависимость ея отъ политики. Въ этомъ отношеніи, положеніе Военной Исторіи особенно трудно, если она ограничиваетъ свои задачи лишь обслуживаніемъ науки о веденіи войны. Вотъ почему, по мѣрѣ

поднятія Военной Науки на высшій уровень науки изслѣдующей войну, какъ явленіе соціальной жизни, Военная Исторія будетъ все болѣе и болѣе освобождаться отъ путъ, которыми связываютъ ее практическія потребности политики.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что это освобожденіе Военной Исторіи, какъ науки, отъ практическихъ потребностей политики, будетъ встрѣчать большія трудности. Такой авторитетъ Соціологіи, какъ упомянутый уже нами Парету, настаиваетъ на ошибочности весьма распространеннаго мнѣнія, будто бы правда всегда полезна для жизнеспособности соціальныхъ организмовъ. Многіе предразсудки, утверждаетъ онъ, полезны для сохраненія этихъ организмовъ въ цѣлости, въ то время, какъ вскрытая истина приводитъ иногда къ обратному результату — ихъ разложенію. Выражаясь иными словами — слѣпая вѣра, мифы, легенда, украшающія дѣйствительность и вызывающія энтузіазмъ — могутъ быть, согласно утвержденіямъ Парету, полезны для опредѣленной соціальной группировки, въ то время какъ голая истина можетъ явиться для таковой элементомъ разрушенія.

Это мнѣніе Парету нисколько не противорѣчитъ тому, что наука объ обществѣ все таки можетъ быть построена только на исторической правдѣ. Оно показываетъ только, насколько трудно для военно-исторической науки выйти на путь этой истины.

4. — Не меньшій вредъ приносятъ писатели «пацифисты».

До сихъ поръ, говоря объ извращеніи истинной картины войны, мы говорили лишь о тѣхъ тенденціяхъ, которыя своимъ источникомъ имѣютъ стремленіе, хотя бы путемъ н е п р а в д ы подвинуть человѣка драться во имя признаваемой другими людьми п р а в д ы. Но, несмотря на столь широкое обобщеніе нами мотивовъ націоналистическаго, религіознаго, экономическаго и соціальнаго характера, мы все-таки не исчерпали бы всего того, что препятствовало до сей поры истинно научному изученію войны. Какъ это ни странно, къ числу силъ, работающихъ надъ искаженіемъ истиннаго лика войны, нужно отнести также и пацифистовъ.

«Начиная съ 1916 г. и послѣ войны», пишетъ Ж. Н. Крю [16], «пацифизмъ вошелъ въ литературѣ въ большую моду. Для того, чтобы имѣть успѣхъ, нужно представить войну въ самомъ кровожадномъ и мерзкомъ видѣ. Публика ошибочно думаетъ, что для наиболѣе плодотворнаго служенія дѣлу мира вполнѣ достаточно наразсказать побольше ужасовъ о войнѣ. При этомъ она упускаетъ изъ вида спросить себя — соотвѣтствуетъ ли истинѣ разсказанное о войнѣ зло, а нарисованные ужасы отвѣчаютъ ли той реальности, ко-

16) «Du Témoignage», p. 89.

торую мы — бойцы пережили. Если публика была бы разумной — она разсуждала бы такъ: война есть болѣзнь человѣческаго рода, болѣзнь подобная чумѣ или желтой лихорадкѣ, отъ которой можно себя предохранить и даже добиться ея исчезновенія, если только окажется возможно принять требуемыя санитарныя мѣры. Какія это мѣропріятія? Какъ ихъ найти, испытать и примѣнить? Для этого нужно подробно изучить самую болѣзнь, причины ея зарожденія, законы ея развитія и распространенія. Представьте случай, когда честолюбивый и безсовѣстный докторъ опубликовалъ бы трудъ съ претензіей на научность, въ которомъ онъ представилъ бы желтую лихорадку въ возможно болѣе мрачномъ видѣ, приписавъ ей, не потрудившись даже изучить ее, всѣ пагубныя свойства присущія чумѣ, чахоткѣ и алкоголизму; можно ли признать, что такой арривистъ сотворитъ полезное дѣло? И, если даже всѣ Европейскія Академіи, введенныя въ заблужденіе псевдонаучнымъ обликомъ такого труда, удостоятъ его преміями и медалями — развѣ истинная цѣнность его повысится? Дѣйствительная польза отъ романовъ Барбюса и Доржелеса, въ особенности же Ремарка, очень немногимъ выше только что указаннаго фантастическаго медицинскагоо труда... Преступно обманывать общественное мнѣніе или подталкивать его идти дальше по ложному пути, на который оно уже вступило. Дѣло вовсе не заключается въ томъ,

чтобы приписывать войнѣ всѣ преступленія, всѣ возможные ужасы, только потому, что она представляетъ собой бичъ Божій. Нужно вскрыть дѣйствительно происходящія преступленія, дѣйствительно имѣющіе мѣсто ужасы, для того, чтобы сознательно избѣгнуть ихъ. Обличать войну — не въ силахъ каждаго писателя. Такое обличеніе возможно лишь при соблюденіи строгой объективности и въ то же время при величайшей научной честности. Писатель, который прежде всего стремится понравиться публикѣ, неизбѣжно впадаетъ въ фантазію, гонится за дешевой сенсаціей, и болѣе чѣмъ часто впадаетъ въ садизмъ. Въ этомъ отношеніи ему не приходится даже много придумывать, ибо подобныя произведенія существуютъ уже издавна. Труды Барбюса и Доржелеса не явились поэтому продуктами новыхъ наблюденій и критической ихъ оцѣнки. Они использовали наслѣдство подобныхъ же писателей вчерашняго дня и использовали старое обывательское представленіе о боѣ. Они ничего не измѣнили; придерживаясь этихъ старыхъ традицій, они описали штыковыя свалки, превративъ прежнія героическія картины боевъ въ звѣриныя бойни. Они ничего не сдѣлали для того, чтобы восполнить отсутствіе психологическаго пониманія боя, свойственное образцамъ, которымъ они подражали. Ихъ рядовые бойцы подобны апашамъ, которые предаются убійству съ восторгомъ скопированнымъ съ героическаго восторга

нашихъ, печальной памяти, военныхъ апокрифовъ. Это самая возмутительная клевета на тѣхъ честныхъ людей, которыми были и французскіе и германскіе солдаты. Вотъ каковы прекрасныя творенія пацифистовъ! Вотъ та истина, которую они намъ преподносятъ! Конечно, они ея не почерпнули изъ личнаго боевого опыта. Писатели, подыгрывающіеся подъ вкусы публики, знающіе то вредное любопытство, которое вызываетъ убійство, окровавленный ножъ, изуродованный трупъ, использовали съ большимъ мастерствомъ эти патологическія чувства и вѣками преподносили мало разсуждающей толпѣ старыя пѣсни, подновляя ихъ лишь мотивами соотвѣтствующими модамъ текущаго дня».

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ научныхъ трудахъ. Мнѣ самому пришлось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ слѣдующаго факта. Одно чрезвычайно уважаемое научное Американское учрежденіе заказало мнѣ работу, касающуюся анализа минувшей міровой войны. Работа была выполнена, но автору было предъявлено условіе — что работа будетъ напечатана лишь въ томъ случаѣ, если авторъ напишетъ въ предисловіи, что онъ является сторонникомъ пакта Келлога. Правда, протестъ автора противъ связыванія чисто научной работы съ какимъ бы то ни было политическимъ актомъ, былъ услышанъ и трудъ, съ нѣкоторыми купюрами, былъ изданъ. Однако, этотъ фактъ показателенъ въ томъ от-

ношеніи, что даже въ высококвалифицированныхъ научныхъ кругахъ нѣтъ еще прочно внѣдрившагося убѣжденія въ необходимости при изслѣдованіи войны придерживаться того же принципа, какъ и во всякой другой наукѣ: **правда, только правда и вся правда!**

Въ этой боязни правды о войнѣ, пацифистски настроенные ученые сходятся съ профессіоналами военными, подготовляющими веденіе будущихъ войнъ. Въ такихъ условіяхъ трудно ожидать зарожденія настоящей науки объективно изслѣдующей войну, какъ специфическій соціальный процессъ, т. е. соціологіи войны. А безъ развитія такой науки, цѣнность выводовъ общей соціологіи сильно понижается.

5. — «Парадоксы» Стендаля и гр. Льва Толстого.

Въ романѣ Стендаля « **La Chartreuse de Parme** » есть замѣчательныя страницы разсказывающія про сраженіе у Ватерлоо [17]. Семнадцатилѣтній итальянецъ, увлеченный разсказами о Наполеонѣ, странствуетъ по полю этого сраженія, рѣшившаго судьбу Европы, напоминая собою щенка, попавшаго въ кегельбанъ во время происходящей тамъ игры. Начавъ со встрѣчи съ маркитанткой какого-то пѣхотнаго полка, онъ

17) Стр. 44-84, т. I, изд. 1933 г. « **Société des Belles Lettres** ». **Paris.**

попадаетъ въ конвой маршала Нея, а оттуда въ пѣхотный полкъ; затѣмъ онъ, въ составѣ отступающей небольшой кучки пѣхотинцевъ, объединившихся вокругъ капрала, отстрѣливается отъ преслѣдующаго непріятеля, и, наконецъ, оказывается въ распоряженіи драгунскаго полковника, покинутаго своимъ полкомъ; здѣсь его боевой опытъ кончается раной, нанесенной ему дезертиромъ. На каждомъ шагу дѣйствительность разрушаетъ тѣ представленія, которыя составилъ себѣ этотъ восторженный поклонникъ Наполеона на основаніи слышанныхъ разсказовъ и прочитанныхъ книгъ. Въ штабѣ Нея, среди пѣхоты, среди кавалеріи, онъ видитъ совсѣмъ не то, что ожидалъ. Вмѣсто красивыхъ подвиговъ, вмѣсто стройныхъ массъ войскъ, онъ видитъ лишь мятущихся и растерявшихся людей. Онъ ожидалъ присутствовать при великолѣпныхъ картинахъ и въ томъ, что онъ видитъ, онъ не узнаетъ своей мечты. «Господинъ вахмистръ», обращается онъ къ одному изъ чиновъ конвоя маршала Нея, «я въ первый разъ участвую въ сраженіи; развѣ это настоящее сраженіе?»[18]. Страницъ черезъ сорокъ, Стендаль вновь подчеркиваетъ это недоумѣніе молодого участника Ватерлооскаго сраженія, говоря — что подъ вліяніемъ пережитыхъ въ эти дни впечатлѣній, его герой возмужалъ, но «остал-

---

18) Тамъ же, стр. 55.

ся еще ребенкомъ въ своихъ сомнѣніяхъ: было ли то, что онъ видѣлъ — сраженіе, и, во вторыхъ, это сраженіе было ли Ватерлоо?»[19].

Вдумываясь въ вышеуказанныя страницы Стендаля, нельзя не увидѣть, что основной мыслью, руководившей его геніальнымъ перомъ, было изобразить, если можно такъ выразиться, «внутреннюю сторону» сраженія такою, какою ее видитъ рядовой боецъ. Стендаль, самъ участвовавшій въ войнахъ революціонной эпохи, смогъ непосредственно ощутить то коренное различіе, которое существуетъ между подобными впечатлѣніями и тѣми традиціонными представленіями, которыя вѣками сложились подъ воздѣйствіемъ науки боявшейся увидѣть и сказать в с ю правду о войнѣ. Для большей рѣзкости картины, Стендаль взялъ, — съ одной стороны всѣмъ извѣстное по своему историческому значенію сраженіе, — съ другой стороны, взялъ героемъ разсказа совершенно наивнаго, молодого человѣка. Искусственность, присущая такому построенію, привела къ тому, что нѣкоторые изъ его толкователей начали приписывать ему парадоксъ: солдатъ, дерущійся въ большомъ сраженіи не ощущаетъ, что участвуетъ въ историческомъ событіи; болѣе того, онъ, какъ разъ, единственный не понимающій значенія того, что происходитъ. Формулируя эту мысль иными словами, получа-

19) Тамъ же, т. I, стр. 91.

ется слѣдующій парадоксъ: сраженіе понимаетъ тотъ, кто фактически не видитъ самой борьбы, а не понимаетъ его какъ разъ тотъ, кто является непосредственнымъ свидѣтелемъ реальностей боя.

Этотъ парадоксъ, приписываемый Стендалю, интересенъ тѣмъ, что, хотя и въ утрированной формѣ, онъ все таки характеризуетъ односторонее направленіе военной науки и въ частности Военной Исторіи. Сосредотачивая все свое вниманіе на изученіи веденія сраженія на различныхъ командныхъ постахъ, военная наука слишкомъ мало обращала вниманіе на ту внутреннюю сторону боя, которую можно назвать «молекулярнымъ» его процессомъ. Излагая событія такъ, какъ они видимы съ командныхъ постовъ, и по преимуществу съ высшихъ, военная наука и военная исторія пріобрѣли односторонній характеръ науки, изучающей «формальную», «внѣшнюю» сторону явленій войны. Не служитъ ли яркимъ доказательствомъ такой односторонности тотъ фактъ, что до сей поры еще не существуетъ вполнѣ законченныхъ трудовъ по психологіи войны, и самыя попытки подобнаго изученія являются болѣе нежели рѣдкими.

Такъ называемый парадоксъ Стендаля оказалъ вліяніе на другого геніальнаго писателя — тоже воочію познакомившагося съ войной. Это — графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Уже въ его Севастопольскихъ разсказахъ можно увидѣть

насколько сильно притянула къ себѣ его вниманіе «внутренняя сторона» войны. Когда же, затѣмъ, онъ нарисовалъ грандіозныя полотна «Войны и Мира», эта его тенденція выявилась совершенно ярко. Поднявъ вопросы, вложенные Стендалемъ въ уста своего героя, гр. Л. Толстой самъ, и уже совершенно опредѣленно, отвѣтилъ. Этотъ отвѣтъ заключается въ томъ, — что Толстой не только призналъ «внутреннюю сторону» войны — главной, но призналъ ее и единственно существующей. А это привело его къ отрицанію управляемости войны и къ отрицанію военнаго искусства. Наиболѣе отчетливо выражено это отрицаніе въ его разсужденіяхъ предшествующихъ и сопровождающихъ описаніе Бородинскаго сраженія. Такъ же какъ и Стендаль, онъ пользуется для своихъ картинъ присутствіемъ на полѣ историческаго сраженія, случайнаго, посторонняго свидѣтеля, которымъ является одинъ изъ его героевъ, гр. Безуховъ. Но, въ противоположность Стендалю, онъ переплетаетъ впечатлѣнія этого свидѣтеля съ собственными, авторскими разсужденіями. Если взгляды самого Стендаля не могутъ быть, на основаніи страницъ посвященныхъ Ватерлооскому сраженію, безусловно установлены, взгляды и выводы гр. Толстого вырисовываются изъ его авторскихъ разсужденій съ рѣзкой отчетливостью.

«Давая и принимая Бородинское сраженіе»,

пишетъ онъ,[20] «Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно. А историки, подъ совершившіеся факты, уже потомъ, подвели хитро сплетенныя доказательства предвидѣнія и геніальности полководцевъ, которые изъ всѣхъ непроизвольныхъ событій были самыми рабскими и непроизвольными дѣятелями.....».

«Какъ ни странно кажется съ перваго взгляда предположеніе [21]..... что Бородинское побоище 80-ти тысячъ человѣкъ произошло не по волѣ Наполеона (несмотря на то, что онъ отдавалъ приказанія о началѣ и ходѣ сраженія), а ему казалось только, что онъ это велѣлъ.... Въ Бородинскомъ сраженіи Наполеонъ ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ. Все это дѣлали солдаты. Стало быть, онъ не убивалъ людей. Солдаты французской арміи шли убивать другъ друга въ Бородинскомъ сраженіи не вслѣдствіе приказанія Наполеона, но по собственному желанію.....»

«.....И не Наполеонъ распоряжался ходомъ сраженія.... потому что изъ диспозиціи его ничего не было выполнено, и во время сраженія онъ не зналъ про то, что происходило впереди его. Стало быть, и то, какимъ образомъ эти люди убивали другъ друга происходило не по во-

---

20) «Война и Миръ», т. III, стр. 292, въ собраніи сочиненій гр. Л. Н. Толстого. Т. VII, изд. «Слово» 1921 г.

21) Тамъ же, стр. 347-350.

лѣ Наполеона, а шло независимо отъ него, по волѣ сотенъ людей участвовавшихъ въ общемъ дѣлѣ. Наполеону к а з а л о с ь т о л ь к о[22], что все происходило по волѣ его. И, поэтому, вопросъ о томъ, былъ ли или не былъ у Наполеона насморкъ, не имѣетъ для исторіи большаго интереса, чѣмъ вопросъ о насморкѣ послѣдняго фурштадтскаго солдата.....»

Парадоксальность этихъ разсужденій гр. Л. Толстого видна изъ самаго текста этихъ выдержекъ. Въ самомъ дѣлѣ, то что самъ Наполеонъ «не убивалъ людей», а «убивали французскіе солдаты», вовсе не позволяетъ низводить его роль до уровня воздѣйствія на судьбу Бородинскаго сраженія «послѣдняго фурштадтскаго солдата». Но самымъ убѣдительнымъ критикомъ парадоксальности разсужденій Толстого-философа, является самъ же Толстой, но Толстой-художникъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ я отсылаю читателя къ классическому разбору «Войны и Мира», написанному генераломъ М. И. Драгомировымъ[23]. Противопоставляя картины боевъ, нарисованныя кистью Толстого-художника, не могущаго, въ силу интуиціи истины присущей генію, отойти отъ правды жизни, тенденціознымъ разсужденіямъ Толстого-филосо-

---

22) Курсивъ самого гр. Толстого.

23) Напечатано въ книжкѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Четыре Очерка».

фа, М. И. Драгомировъ наглядно показываетъ это разительное противорѣчіе присущее творчеству Толстого. Въ особенности ярко выявляется это внутреннее противорѣчіе «Войны и Мира» въ описаніи Шенграбенскаго боя. Описаніе Бородинскаго сраженія полно такихъ же противорѣчій между Толстымъ художникомъ и Толстымъ философомъ. Для того, чтобы увидѣть это, достаточно вспомнить заключительную картину Бородинскаго сраженія, которая изображаетъ штабъ Кутузова [24].

«Кутузовъ сидѣлъ, понуривъ сѣдую голову и опустившись тяжелымъ тѣломъ, на покрытой ковромъ лавкѣ.... Онъ выслушивалъ привозимыя донесенія, отдавалъ приказанія, когда это требовалось подчиненными, но выслушивая донесенія, онъ, казалось, не интересовался смысломъ словъ того, что ему говорили, а что то другое въ выраженіи лицъ, въ тонѣ рѣчи доносившихъ интересовало его. Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борящихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называ-

---

24) Тамъ же, стр. 386-392.

емая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и руководилъ ею, насколько это было въ его власти».

Не видитъ ли самъ читатель сколько въ этой выдержкѣ противорѣчій? Начинается она съ указанія на то, что Кутузовъ исполнялъ совѣты однихъ и отклонялъ совѣты другихъ, что показываетъ уже какую-то степень руководства войсками. Въ серединѣ — указывается на полную невозможность руководства войсками въ бою. Кончается она признаніемъ руководства Кутузовымъ «духомъ войска», что представляетъ собою высшую степень руководства войсками: « la partie sublime de l'art ».

6. — Пренебреженіе Военной Исторіей «внутренней стороною» войны, привело къ отрыву теоретическаго представленія о войнѣ отъ дѣйствительности.

Такъ называемый парадоксъ Стендаля, а, въ особенности, парадоксъ Толстого, чрезвычайно показательны. Они вскрываютъ тотъ разрывъ, который образовался между установленными вѣковой традиціей представленіями о боѣ и тѣми впечатлѣніями, которыя выноситъ боецъ при первомъ же соприкосновеніи съ реальностями боя.

Свидѣтельство объ этомъ можно встрѣтить почти во всѣхъ мемуарахъ, написанныхъ тѣми, кто непосредственно дрался въ боевыхъ линіяхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ голосовъ:[25] «Тотъ, кто захочетъ написать исторію этой войны, не сможетъ этого сдѣлать. Слишкомъ много вещей останутся ему неизвѣстными. Никто не сможетъ узнать все, что происходило вездѣ и каждый день»[26]. — Такъ думалъ вслухъ, по словамъ капитана Кимпфлинъ, солдатъ-телефонистъ командного поста одной изъ ротъ, выдвинутыхъ въ передовые окопы позиціи. Это былъ солдатъ ничѣмъ не отличавшійся отъ тѣхъ милліоновъ французскихъ солдатъ, которые защищали свою родину въ первую зиму войны. «Сказавъ это», продолжаетъ Кимпфлинъ, «онъ сдѣлалъ паузу, какъ будто подводя итоги долгому размышленію, и добавилъ: — «это невозможно или это будетъ неправда».

«...Я едва не поддался соблазну отвѣтить ему: — да нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, Исторія все-таки будетъ написана; конечно, никто и никогда не сможетъ собрать всѣ подробности этой неимовѣрной по своимъ размѣрамъ драмы, акте-

---

25) **Kimpflin. « Le premier souffle ; un fantassin sur la trouée de Charme ». Ed. Perrin, 1920.** Авторъ: офицеръ военнаго времени; до объявленія войны былъ профессоромъ; по общей мобилизаціи въ Августѣ 1914 г. поступилъ лейтенантомъ во 2-й Зуавскій полкъ, въ рядахъ котораго сражался 25 мѣсяцевъ.

26) Стр. 1.

рами которой являемся мы, сами не зная какъ и почему»[27].

«...Не останавливая своего вниманія на безконечно малыхъ величинахъ, представляющихъ собою пыль, она откинетъ ихъ для того, чтобы удержать лишь большія событія, изъ которыхъ она и выведетъ главныя линіи ихъ развитія[28]».

«...Но я молчалъ, увѣренный въ томъ, что моя рѣчь не убѣдитъ моего молодца и въ томъ, что, вѣроятно онъ уклонится отъ дальнѣйшаго спора, сказавъ: — Такъ точно, господинъ капитанъ».

Нѣсколько далѣе, капитанъ Кимпфлинъ подводитъ итоги своихъ личныхъ впечатлѣній. «Общія идеи», пишетъ онъ, «нравятся нашему уму любящему упрощенія. Короткія и сжатыя фразы, законченныя и сухія, какъ формулы позволяющія безъ излишней работы казаться знающимъ человѣкомъ, въ большомъ почетѣ у нашихъ современниковъ, большинство которыхъ не особенно любитъ упорную умственную работу».

«...Удержать въ памяти общій видъ кривой гораздо легче, чѣмъ продѣлать математическое вычисленіе точно опредѣляющее начертаніе кривой. Но какова цѣнность этой кривой, если въ основѣ ея лежитъ ошибочное исчисленіе? Нельзя дѣйствительно узнать результаты, если не

27) Стр. 2.
28) Стр. 3.

знать какъ они получены и на чемъ они основаны»[29].

«...Что представляютъ собой тѣ общіе принципы, которые находятъ и формулируютъ князья науки? Что представляютъ собой общія идеи, составляющія гордость умныхъ людей? Ихъ можно уподобить костямъ, ракушкамъ, скелетамъ, извлекаемымъ изъ земли геологами; эти ископаемыя лишены снаружи тѣла, и изнутри — жизни. Безъ реальныхъ фактовъ событія мертвы. Реальность это тѣло исторіи...»[30].

«...Пѣхотинецъ шествуетъ слишкомъ близко къ землѣ; послѣдняя крѣпко прилипаетъ къ его ногамъ и потому онъ не можетъ высоко подняться надъ нею...»[31].

«...Боецъ близорукъ. Едва зная что — онъ дѣлаетъ, и никогда не знаетъ куда идетъ; поэтому, общая картина отъ него ускользаетъ. Вниманіе его всецѣло приковано къ тому, что онъ долженъ сдѣлать, и къ мѣсту на которомъ онъ обязанъ находиться; онъ дѣйствуетъ въ шорахъ и эти наглазники тѣмъ болѣе ограничиваютъ его кругозоръ, чѣмъ ниже его положеніе на лѣстницѣ военной іерархіи».

«...Но именно потому, что его кругозоръ ограниченъ, то, что онъ видитъ, онъ видитъ вбли-

---

29) Стр. 4.
30) Стр. 12.
31) Стр. 13.

зи и отчетливо [32]. Видя немногое, онъ видитъ хорошо. А такъ какъ все это видятъ его собственные глаза, а не глаза доносящаго, то онъ воспринимаетъ дѣйствительность непосредственно».

«Телефонистъ, мой другъ, не это ли ты хотѣлъ сказать? Слѣдуя по разнымъ дорогамъ не придемъ ли мы къ той же истинѣ? Мы къ ней приближаемся. Но твой путь единственно хорошій, ибо онъ основанъ на реальномъ опытѣ».

Капитанъ Кимпфлинъ правильно понялъ Стендаля. Вопросы, поставленные этимъ замѣчательнымъ писателемъ, вовсе не являлись отрицаніемъ пониманія бойцомъ событія, въ которомъ онъ участвуетъ, а лишь чрезвычайно красочнымъ изображеніемъ различія, существующаго между внѣшней и внутренней сторонами боя и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ на то, что наука грѣшащая одностороннимъ разсмотрѣніемъ одной лишь внѣшней стороны боя, создаетъ невѣрное представленіе о самомъ существѣ этого явленія.

Насколько такое указаніе правильно, мнѣ пришлось убѣдиться на самомъ себѣ и на моихъ коллегахъ, профессорахъ нашей Военной Академіи, попавшихъ осенью 1914 г. съ кафедръ въ ряды сражающихся войскъ. Помню, какъ возвращаясь съ моимъ полкомъ изъ первыхъ боевъ я встрѣтился съ бригадой 37-й пѣхотной дивизіи,

---

32) Стр. 14.

въ рядахъ которой находился нашъ профессоръ по военной исторіи — Н. Л. Юнаковъ [33].

«Война на дѣлѣ произносится не такъ, какъ она пишется», были его первыя слова при нашей встрѣчѣ; и эти слова передаютъ впечатлѣнія отъ перваго боя. Не могу не обратить вниманія на слѣдующее, крайне показательное, совпаденіе. Изучая послѣ войны мемуары непосредственныхъ участниковъ боевъ, я прочелъ въ книгѣ капитана Рембо [34] слѣдующія строки: «О боѣ мы знали только то, что было написано въ книгахъ и разсказывалось въ легендахъ... Мало кто имѣлъ гражданское мужество генерала Модьюи, который въ концѣ 1914 г. громогласно признался: «Нѣтъ, я не зналъ войны». Генералъ Модьюи былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ профессоровъ Французской Высшей Военной Школы. Я имѣлъ возможность лично оцѣнить его въ эпоху моего прикомандированія къ кадру профессоровъ этой Школы въ 1909-1910 г. г. Такимъ образомъ, раздѣленные между собой тысячами километровъ, совершенно не зная другъ друга, два военныхъ профессора — Русскій и Фран-

---

33) Работа Н. Л. Юнакова по Исторіи Сѣверной Войны была удостоена преміи Академіи Наукъ.

34) Capitaine Rimbault : « Propos d'un marmité ». Ed. L. Fournier. Paris. 1920. Стр. 111-117. Капитанъ Рембо пробылъ на боевомъ фронѣ болѣе 24 мѣсяцевъ. См. болѣе подробную справку у Ж. Н. Крю, « Témoins », стр. 462-465.

цузъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ произнесли приговоръ надъ военной исторіей пренебрегавшей изученіемъ внутренней стороны войны.

Это вполнѣ совпадало и съ моими личными впечатлѣніями, въ доказательство чего приведу мою запись, сдѣланную сейчасъ же послѣ одного изъ первыхъ боевъ [35].

«До войны каждому изъ насъ приходилось читать описанія различныхъ боевъ. Изъ нихъ то и составлялось наше до-военное представленіе о боѣ».

«Дѣйствительность оказалась совершенно не такою, какою ее изображало большинство литераторовъ, особенно же военныхъ писателей».

«Въ теченіе первыхъ боевъ, я наблюдалъ, какъ всѣ офицеры переживали какъ бы разочарованіе. Впрочемъ, слово разочарованіе не вполнѣ точно передаетъ тѣ ощущенія, которыя мы испытывали. Когда Вы подходите къ какому бы то ни было крупному явленію или событію, оно всегда въ дѣйствительности оказывается инымъ, чѣмъ Вы предполагали. Это вызываетъ нѣкоторое чувство досады. Вы ожидали, что все проще, а передъ вами разворачивается полотно громаднѣй-

---

35) Впервые эта запись появилась въ печати въ 1920 г., въ октябрьской книжкѣ Американскаго журнала (Вашингтонъ) « The Cavalry Journal » въ статьѣ озаглавленной **« A cavalry charge ».**

шей картины; вы получаете такую гамму новыхъ впечатлѣній, мыслей, что на нѣкоторое время растеряны».

«Самая большая ошибка всѣхъ разсказовъ и описаній боевъ это то, что — авторы изображаютъ своихъ дѣйствующихъ лицъ героями совершенно не боящимися снарядовъ и пуль, хладнокровно обдумывающими въ самомъ бою сложнѣйшія комбинаціи, которыя выполняются затѣмъ такими же спокойными подчиненными».

«Первыя же столкновенія разрушаютъ иллюзію». «Вы не видите такихъ героевъ... а, заглянувъ въ себя, вы пугаетесь...».

«Потомъ, когда вы присмотритесь, вы научаетесь находить истинныхъ героевъ и нѣкоторую управляемость событій. Такъ, глазъ человѣка, попавшаго изъ яркаго свѣта въ полумракъ, требуетъ нѣкотораго времени, чтобы научиться различать дѣйствительные контуры окружающихъ предметовъ».

«Но только герои, которыхъ вы находите, не похожи на героевъ романовъ и реляцій — это люди, часто мало замѣтные въ будничной жизни».

«Линія, раздѣляющая васъ отъ непріятеля — это линія смерти. Къ этой линіи никто не любитъ подходить, а услужливый разумъ подыскиваетъ тысячи удобныхъ предлоговъ, чтобы избѣжать дальнѣйшаго сближенія».

Если мы вдумаемся во все вышесказанное,

то мы увидимъ, что истинное представленіе о боѣ возможно только тогда, когда оно явится синтезомъ внѣшней и внутренней сторонъ этого явленія. Внутренняя же сторона требуетъ, прежде всего, детальнаго изученія психическихъ фа[illegible]торовъ боя.

7. — Необходимость радикальной перестройки военно-исторической науки.

Я уже много разъ указывалъ выше на то, что военная наука издавна сосредоточила свое вниманіе на изученіи *способовъ веденія войны*. Это не могло не оказать соотвѣтствующаго воздѣйствія на военную исторію. Здѣсь, несомнѣнно, сказался законъ соціальной дѣятельности человѣчества, именуемой въ экономической жизни закономъ спроса и предложенія. Это и привело къ тому, что военная исторія, выражаясь простыми словами, превратилась въ исторію того, кто куда пошелъ и кто, гдѣ и какъ сражался. Для того, чтобы не подвергнуться нареканіямъ въ несправедливомъ обвиненіи военной исторіи за изученіе ею одной только «внѣшней стороны» явленій войны (можно назвать эту сторону также «казовой», какъ это дѣлается въ цитируемой ниже выдержкѣ), я сошлюсь на Энциклопедію Военныхъ и Морскихъ Наукъ, изданную въ Россіи 50 лѣтъ тому назадъ. Составлена она была подъ редакціей такого крупнаго учена-

го, какъ профессоръ Г. А. Лееръ. Являясь главой цѣлой Русской стратегической школы, онъ имѣлъ въ качествѣ сотрудниковъ по составленію вышеуказанной военной энциклопедіи, всю плеяду профессоровъ русской Военной Академіи. Вслѣдствіе сего, эта энциклопедія можетъ почитаться своего рода выраженіемъ идей русской военной науки, которая занимала весьма почетное мѣсто въ общихъ усиліяхъ человѣчества постигнуть войну. Вотъ какъ въ этой Энциклопедіи объясняется, что такое Военная Исторія, причемъ приводимыя ниже строки написаны однимъ изъ выдающихся профессоровъ по Военной Исторіи — генераломъ Н. Н. Сухотинымъ.

«Военная Исторія», пишетъ онъ [36], «— опытъ тысячелѣтій по военному искусству, а также, — сводъ сохранившихся фактовъ по организаціи и эксплоатаціи соотвѣтствующихъ силъ и средствъ военнаго искусства. До послѣдняго времени подъ Военной Исторіей разумѣли и сводъ знаній по состоянію разныхъ отраслей военнаго искусства въ прошлое время, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — Исторію войнъ, казовой задачи военнаго искусства. Оба послѣдніе взгляда соотвѣтствовали понятію Военная Наука. Въ настоящее время,

36) «Энциклопедія Военныхъ и Морскихъ Наукъ», составленная подъ главной редакціей генералъ-лейтенанта Леера, заслуженнаго профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Томъ II, стр. 200. — С. Петербургъ, изд. 1885 г.

при общемъ прогрессѣ во взглядѣ вообще на Исторію, какъ науку, военная исторія сводится къ исторіи искусства, то есть, къ наукѣ, имѣющей цѣлью связать казовые концы войны съ общимъ состояніемъ военнаго искусства въ ту или другую эпоху, въ виду безспорнаго вліянія этого состоянія на самое веденіе войны и безспорно неразрывной связи войнъ съ состояніемъ военнаго искусства въ данную эпоху. За терминомъ — Военная Исторія, остается только ея основное понятіе — опытъ прошлаго и сводъ матеріаловъ и фактовъ прошлаго».

Односторонняя оріентація военно-исторической науки въ сторону изученія одного только военнаго искусства (способовъ веденія войны) привела къ тому, что она оказалась построенной всецѣло на документахъ и показаніяхъ начальствующихъ лицъ и ихъ штабовъ. Внутренняя сторона явленій войны оказалась потому въ пренебреженіи или изображена въ искаженномъ видѣ. Это противорѣчіе между истиннымъ внутреннимъ обликомъ войны и книжнымъ представленіемъ объ ней и было вскрыто геніальными интуиціями Стендаля и гр. Л. Толстого. Выправленію вышеуказанной односторонности военно-исторической науки, положено начало замѣчательнымъ трудомъ Жана Нортонъ Крю. Онъ задался цѣлью дать истинную картину внутренней стороны войны, совершенно вѣрно полагая, что для этого нужно наблюдать ее снизу. Его трудъ,

какъ онъ это самъ [37] объясняетъ, имѣетъ цѣлью собрать свидѣтельскія показанія французскихъ рядовыхъ участниковъ міровой войны, «которые одни только могутъ говорить про войну не съ точки зрѣнія искусства ея веденія, а съ точки зрѣнія самаго существа происходящей на войнѣ борьбы...».

«Какъ я говорилъ выше», пишетъ дальше Ж. Н. Крю, «боевое крещеніе было для насъ всѣхъ трагическимъ посвященіемъ. Вскрывшіяся передъ нами тайны вовсе не заключались въ неожиданныхъ эффектахъ новаго оружія, какъ то думаютъ люди не дравшіеся на фронтѣ; нѣтъ, онѣ были тѣми реальностями, которыя были присущи всѣмъ войнамъ. Намъ вскрывалась та ложь о храбрости, патріотизмѣ, жертвенности, смерти, которой заполнена исторія, литература, искусство, болтовня ветерановъ и официальныя рѣчи. То, что мы видѣли воочію и то, что мы испытывали на себѣ, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что мы ожидали увидѣть на основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ и изображеній...».

«Если кто нибудь дѣйствительно знаетъ что такое война, такъ это рядовые бойцы, отъ солдата до капитана; то, что мы видѣли, то, что мы переживали — было реальностью; то, что противорѣчитъ нашему опыту — не можетъ быть признано таковой; при этомъ безразлично ут-

37) «Témoins », 13.

верждаетъ ли это самъ Верховный Главнокомандующій или это написано въ Мемуарахъ Наполеона, или этому обучаютъ въ Военной Академіи, или это проповѣдуютъ военные историки. И это не явилось съ нашей стороны фанфаронствомъ; мы не испытывали никакой гордости знать то, чего ни Жоффръ, ни Фошъ не знали. Мы же это знали потому, что наши пять чувствъ, наша плоть испытывала мѣсяцы и мѣсяцы одно и то же. Высшіе военачальники не могли этого знать, ибо въ войнѣ участвовалъ только ихъ разумъ, а война не можетъ быть постигнута однимъ лишь разумомъ».

«Мы представляемъ здѣсь», пишетъ Ж. Н. Крю про свою замѣчательную книгу[38], «сводку свидѣтельскихъ показаній бойцовъ, которая будетъ полезна широкой публикѣ и для спеціалистовъ... Историкамъ она покажетъ, что военная исторія разсматриваемая только сверху уподобляется партіи въ шахматы; составленная по документамъ штабовъ — безъ учета воспоминаній истинныхъ актеровъ драмы, тѣхъ, которые фактически наносятъ и получаютъ удары, такая военная исторія — занятная иллюзія, которую можно уподобить претензіи сдѣлать общіе выводы, не зная самаго существа дѣла. Въ этомъ отношеніи, военные историки могутъ быть уподоблены инженерамъ, строящимъ большой металличе-

38) « Témoins ».

скій мостъ безъ заклепокъ, гаекъ и мелкихъ частей. Такой мостъ можетъ существовать только въ воображеніи, на бумагѣ, но не въ дѣйствительности. Конечно, такіе инженеры сознаютъ, что эти мелкія части нужны, но привычные къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, къ кабинетнымъ работамъ, они никогда сами не дѣлали этихъ гаекъ, не разсматривали ихъ вблизи и готовы принять ихъ сдѣланными изъ дерева, изъ свинца, изъ пробки, только не изъ стали. Ихъ мостъ никогда не будетъ мостомъ. Гайки изъ пробки или Наполеоновскіе ворчуны и солдаты минувшей войны, изображаемые въ исторіи являются равноподобными нелѣпостями, которыя въ дѣйствительной жизни не могутъ существовать...».

«Военная исторія, до сей поры, составлялась на основаніи документовъ, исходящихъ отъ тѣхъ, кто непосредственно не видѣлъ и не воспринималъ всѣмъ своимъ существомъ явленій боя; правда, эти составители въ курсѣ всѣхъ отданныхъ распоряженій, которыя въ сочетаніи съ таковыми — непріятельскими, опредѣляютъ расположеніе войскъ на полѣ боя. Отсутствіе данныхъ иного рода породило даже мнѣніе, что этихъ документовъ достаточно, чтобы возстановить истинную картину войны. Такое заблужденіе до послѣдней войны было простительно. Рѣдкость, недостаточность, фантастичность разсказовъ рядовыхъ бойцовъ, до 1914 г. (наиболѣе извѣстные къ тому же внушаютъ наимень-

шее довѣріе) привели къ убѣжденію, что сами войска не могутъ дать цѣнныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ, въ которыхъ они принимали непосредственное участіе[39]. Никто не спрашивалъ себя, производился ли научный анализъ этихъ свидѣтельствъ, подвергались ли они обслѣдованію, сличенію, классификаціи и т. п. Такое заблужденіе болѣе нетерпимо».

«Прежде, чѣмъ приступить къ подобной аналитической работѣ, каждый долженъ осознать, что послѣдняя міровая война породила богатѣйшую литературу воспоминаній рядовыхъ бойцовъ; многіе ихъ этихъ писателей представляютъ собой довольно извѣстныя величины въ интеллектуальномъ мірѣ, а умѣніе ихъ наблюдать и правдивость, не только очевидны, но даже превосходятъ все, что было до сихъ поръ написано въ этомъ родѣ. Просто недопустимо, чтобы исторія не использовала этихъ документовъ исходящихъ снизу. Однако, авторъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ, что историкъ, который пожелалъ бы ихъ использовать, будетъ скоро разочарованъ вслѣдствіе хаоса, существующаго въ этого рода литературѣ: разсказы очевидцевъ и не очевидцевъ, солдатъ и штатскихъ, воспоминанія и только литературныя произведенія, разсказы — хо-

---

39) Парадоксъ приписываемый Стендалю. Прим. Н. Н. Г.

рошіе и плохіе, правдивые и лживые... и т. д. ... безъ возможности разобраться гдѣ истина, т. к. каждое изъ этихъ описаній претендуетъ на изображеніе войны такой, какова она есть въ дѣйствительности. Нельзя ожидать, чтобы историкъ однѣми своими силами разобрался въ хаосѣ, необходимо, чтобы другіе подготовили ему матеріалъ... Я собралъ и классифицировалъ нужный ему матеріалъ. Но то, что я сдѣлалъ для французскаго матеріала 1914-1918 г. г., должно быть сдѣлано для всего иностраннаго матеріала той же эпохи, а также для всего матеріала относящагося къ болѣе отдаленнымъ большимъ войнамъ. Тогда даже наибольшіе скептики убѣдятся, что парадоксъ Стендаля является послѣдствіемъ заблужденія его и нашей эпохи, но ни въ коемъ случаѣ не отвѣчаетъ дѣйствительности».

Я привелъ объясненія самого Ж. Н. Крю, т. к. еще очень многіе не отдаютъ себѣ отчета въ той громадной подготовительной работѣ, которая требуется для того, чтобы Военная Исторія вышла изъ ограниченныхъ рамокъ науки, изучающей войну съ точки зрѣнія военнаго искусства и вошла бы въ орбиту науки о войнѣ, изучающей послѣднюю съ болѣе глубокой, соціологической точки зрѣнія. Какъ указываетъ и самъ Ж. Н. Крю, по его примѣру должны быть продѣланы аналогичныя работы и для всѣхъ другихъ армій, участвовавшихъ въ міровой войнѣ, а также, по мѣрѣ возможности, такая работа

должна быть продѣлана и для войнъ предшествующихъ эпохъ.

Однако, и этой громадной работой по углубленію пониманія войны, не ограничивается то перестроеніе, которое требуется соціологіей войны отъ военно-исторической науки. Соціологическое изученіе войны нуждается не только въ томъ, чтобы въ военной исторіи были запечатлѣны тѣ молекулярныя проявленія жизни, которыя и составляютъ «внутреннюю сторону» явленій войны. Соціологія войны требуетъ отъ военной исторіи также и расширенія ея поля зрѣнія. При существующей тѣсной взаимной зависимости всѣхъ сторонъ соціальной жизни, научное пониманіе войны, въ особенности же въ современную эпоху, не можетъ быть ограничено рамками одного только изслѣдованія специфически военной стороны явленій войны.

Классическимъ примѣромъ такой работы является указанный выше трудъ профессора Берлинскаго университета Ганса Дельбрюка. Его замѣчательная многотомная работа посвящена изученію Исторіи Военнаго Искусства въ связи съ развитіемъ политической жизни народовъ. Такая работа кладетъ прочный фундаментъ для переоцѣнки данныхъ сообщаемыхъ Военной Исторіей[40].

---

40) **Hans Delbrück : « Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der politischen Geschichte ». Verlag von Georg Stielke. Berlin, 1920.**

Только послѣ выполненія вышеуказанной грандіозной работы по дополненію данныхъ, собранныхъ Военной Исторіей «снизу» и «вширь», возможна будетъ научно-объективная ихъ переоцѣнка, которая послужитъ фундаментомъ для созиданія соціологіи войны. Безъ такой переоцѣнки эта новая наука окажется строеніемъ воздвигнутымъ на пескѣ.

ГЛАВА III.

ПРИМѢНЕНІЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

1. — Стихія опасности составляетъ особенность обстановки, въ которой протекаетъ дѣятельность бойца.

Значеніе «духа войскъ» всегда высоко оцѣнивалось полководцами всѣхъ временъ и народовъ.

Всѣ великіе полководцы прежде всего стремились повысить духовныя силы бойцовъ. Суворовская «Наука побѣждать» вся состоитъ изъ пріемовъ психически укрѣпляющихъ войска. Мы не будемъ утруждать читателя выписками изъ мнѣній военныхъ авторитетовъ, т. к. ихъ можно привести безчисленное количество. Признаніе за «духовнымъ элементомъ» главнѣйшей роли въ одержаніи побѣды стало въ теоріи военнаго искусства своего рода «избитой истиной».

Военная исторія на каждой своей страницѣ подтверждаетъ ту громадную роль, которую играетъ въ явленіяхъ войны психика войска.

Несмотря на то, что необходимость психо-

логическаго изслѣдованія войны признавалась всѣми военными практиками и учеными, тѣмъ не менѣе, для научнаго изученія этой области сдѣлано очень мало. На ряду съ обширнѣйшей военной литературой изслѣдующей «внѣшнюю» сторону войны, труды посвященные анализу духовной ея стороны крайне малочисленны. Не является ли въ этомъ отношеніи весьма показательнымъ фактомъ, что и сейчасъ ни въ одной изъ военныхъ Академій не существуетъ кафедры по военной психологіи. Единственная же попытка произвести полный психоанализъ боя была сдѣлана въ 1868 году французскимъ маіоромъ — Арданъ дю Пикъ [1].

А, между тѣмъ, дѣятельность человѣка на войнѣ протекаетъ въ совершенно специфической обстановкѣ. «...Бой порождаетъ стихію опасности», пишетъ Клаузевицъ [2], « въ которой всѣ виды военной дѣятельности пребываютъ и движутся, какъ рыбы въ водѣ, какъ птицы въ воздухѣ. Дѣйствіе же опасности вліяетъ на духъ или непосредственно, т. е. инстинктивно, или черезъ

---

1) Ardant du Pic : « Etudes sur le combat ». Попытка продолжать работу Арданъ дю Пикъ была сдѣлана авторомъ настоящаго труда; въ 1907 г. былъ напечатанъ Императорской Николаевской Военной Академіей его трудъ подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе боя; изслѣдованіе дѣятельности и свойствъ человѣка, какъ бойца».

2) Т. I, стр. 75.

посредство разума. Непосредственнымъ отраженіемъ опасности является стремленіе избѣжать ея, а при неисполнимости послѣдняго — страхъ и ужасъ. Если такое моральное воздѣйствіе не имѣетъ мѣста, это означаетъ, — что этотъ инстинктъ уравновѣшивается мужествомъ. Но мужество никоимъ образомъ не есть актъ разсудка, а представляетъ собою такое же чувство, какъ страхъ; послѣдній направленъ на физическое самосохраненіе, а мужество — на моральное».

Огромное вліяніе, которое имѣетъ страхъ на дѣятельность человѣка въ бою, видно изъ того, что «страхъ подчиняетъ и преодолѣваетъ до такой степени волю, что люди всегда считали героемъ того, кто имѣлъ достаточно силы побороть его и овладѣть имъ»[3].

«По существу говоря, солдаты всегда трусятъ», записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ аббатъ Бессіеръ, продѣлавшій всю войну 1914-1918 г. г. санитаромъ въ рядахъ французскихъ войскъ[4], «это только штатскіе, журналисты, депутаты, сенаторы, министры, которые околачиваются около фронта, никогда не боятся и не убѣгаютъ».

Даже храбрѣйшимъ изъ людей приходится считаться съ этимъ факторомъ боя.

---

3) Анжело Моссо: «Страхъ». Переводъ А. К. Розальонъ-Сошальской. Стр. 222.

4) Bessières: «Le Chemin des Dames».

Скобелевъ, обожаемый войсками за свою храбрость, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ друзей сказалъ: «Нѣтъ людей, которые не боялись бы смерти; а если тебѣ кто скажетъ, что не боится — плюнь тому въ глаза; онъ лжетъ. И я точно такъ же не меньше другихъ боюсь смерти. Но есть люди, кои имѣютъ достаточно силы воли этого не показать, тогда какъ другіе не могутъ удержаться и бѣгутъ передъ страхомъ смерти. Я имѣю силу воли не показывать, что я боюсь; но за то внутренняя борьба страшная и она ежеминутно отражается на сердцѣ»[5].

Дю Пикъ, называя вещи своимъ именемъ, говоритъ: «Человѣкъ ужасается смерти..... Избранныя души однѣ способны понять и выполнить великій долгъ, побуждающій ихъ идти впередъ, но масса всегда отступаетъ при видѣ призрака. Масса трепещетъ, ибо плоть уничтожить нельзя».

Страхъ есть одна изъ самыхъ сильныхъ эмоцій; это чувство первымъ хронологически проявляется у живого существа[7].

«Эмоція страха происходитъ при представленіи наступающаго (приближающагося) зла. Характеръ ея составляютъ: особая форма страданія или несчастья, упадокъ активной энергіи и

5) Историческій Вѣстникъ 1895 г. Январь, стр 105. «Наброски изъ прошлаго», кн. Д. Д. Оболенскій.

6) Дю Пикъ. «Изслѣдованіе боя въ древнія и новѣйшія времена». Переводъ Пузыревскаго. Стр. 46.

7) Рибо. «Психологія чувствъ». Стр. 187.

исключительное сосредоточеніе въ умѣ относящихся сюда идей»[8].

«Если мы будемъ измѣрять его (страхъ) прекращеніемъ удовольствія, то увидимъ, что онъ составляетъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ видовъ человѣческаго страданія»[9].

Физіологическіе спутники страха вызываютъ чрезвычайно угнетенное состояніе.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніи эмоціи страха; интересующихся отсылаемъ къ спеціальнымъ работамъ по психологіи[10]. Приведемъ тотъ основной выводъ, который сдѣланъ этими трудами и который можетъ быть формулированъ такъ: Чувство страха стремится затуманить разумъ и парализовать сознательную волю человѣка; вслѣдствіе этого, мотивы дѣятельности человѣка, находящагося подъ воздѣйствіемъ страха переносятся въ область подсознательнаго.

Насколько это заключеніе вѣрно, мнѣ пришлось много разъ убѣдиться на опытѣ во время минувшей войны. Вотъ запись одного такого личнаго переживанія, когда 15/28-го Августа 1914

---

8) Бэнъ. «Психологія», стр. 250, 251.

9) Бэнъ. «Психологія», стр. 252.

10) Анжело Моссо. «Страхъ». 1887; Бэнъ. «Психологія», II изд. 1887 г., стр. 250-257; У. Джемсъ. «Психологія». Переводъ И. И. Лапшина, изд. 1905 г., стр. 331-336, 352-358; Рибо. «Психологія чувствъ», изд. 1897 г., стр. 187-196.

г.[11] мнѣ пришлось въ качествѣ командира Л.-Гв. Гродненскаго гусарскаго полка, въ конномъ строю, атаковать противника. Эта запись была сдѣлана сейчасъ же вслѣдъ за пережитыми событіями[12] и зафиксирована въ видѣ письма.

«...Длинная линія моихъ разомкнутыхъ эскадроновъ подходила къ рубежу мѣстности, послѣ котораго должна была начаться атака. Гусары шли шагомъ. Наступила рѣшительная минута. Признаюсь, минута очень страшная. Я чувствовалъ, что глаза гусаръ устремлены на меня... подавъ команду «шашки къ бою» и подавъ полку знакъ "слѣдовать за мной", я началъ подыматься по скату лощины. Нѣсколько секундъ мы были еще укрыты отъ выстрѣловъ съ опушки, но затѣмъ, мы были совершенно открыты... мы шли широкимъ полевымъ галопомъ. Вокругъ послышалось характерное жужжаніе пуль. Надъ головой разорвалось нѣсколько шрапнелей. Сознаніе притупилось. Я помню только, что безудержно хотѣлось пройти возможно скорѣе разстояніе отдѣляющее меня отъ лѣса. Очень скоро послѣ начала атаки я почувствовалъ, что огонь съ опушки лѣса слабѣетъ. Какъ потомъ оказалось, непрі-

---

11) Къ юго-востоку отъ селенья Ополе на р. Ходелѣ (въ Люблинской губерніи).

12) Впослѣдствіи, въ 1920 г., описаніе этой конной атаки было напечатано въ американскомъ журналѣ « The Cavalry Journal ». въ Апрѣльской книжкѣ.

ятель, видя стремительность нашей атаки и получивъ извѣстіе объ обходящихъ его съ праваго фланга моихъ эскадронахъ, угрожающихъ его коноводамъ, началъ торопливо отбѣгать къ своимъ лошадямъ. Всѣмъ своимъ существомъ я почувствовалъ уменьшеніе опасности и мнѣ казалось, что моя лошадь тоже это чувствуетъ — она сама усилила свой галопъ».

«Какъ я вскочилъ въ лѣсъ, у меня нѣтъ яснаго представленія. Помню, что на меня бѣжалъ съ ружьемъ австріецъ и я все не понималъ почему онъ не стрѣляетъ. Когда онъ подбѣжалъ ко мнѣ, онъ вдругъ дико взмахнулъ руками; рядомъ со мной оказался гусаръ, который прокололъ его пикой».

«Мое первое отчетливое воспоминаніе относится къ той минутѣ, когда я стоялъ окруженный группой офицеровъ и гусаръ, пѣшкомъ. Меня сразу поразило, что они всѣ сильно жестикулировали и кричали, но прійдя въ себя, я замѣтилъ, что я самъ машу руками и крикомъ силюсь что то разсказать... я взялъ себя въ руки и пришелъ въ себя».

«Осмотрѣвшись болѣе внимательно, я увидѣлъ около себя ординарцевъ и взводъ со штандартомъ. Въ лѣсу я замѣтилъ спины моихъ гусаръ, которые частью группами, частью въ одиночку, уходили вглубь. Слышенъ былъ удаляющійся глухой шумъ, звяканье, конскій топотъ, фырканье лошадей; тамъ и сямъ гулко прокатывались по

лѣсу отдѣльные ружейные выстрѣлы. Полкъ вырвался изъ рукъ. Каждый гусаръ пережилъ то же что и я, и сейчасъ представлялъ собою пулю, выпущенную изъ ружья...».

Человѣкъ участвующій въ бою находится въ патологическомъ состояніи и поведеніе бойца не есть поведеніе нормальнаго человѣка, поэтому, понять истинную сущность войны безъ примѣненія психологическаго анализа невозможно.

2. — Драма переживаемая бойцомъ — борьба двухъ стремленій: «побѣдить» и «уклониться» отъ опасности.

«Человѣкъ сражается не для борьбы, а ради побѣды; онъ дѣлаетъ все отъ себя зависящее, чтобы сократить первую и обезпечить вторую»[13].

Храбрость дикаря не подлежитъ сомнѣнію. Постоянная борьба съ опасностью, представляемой природою, животными и людьми, не могла не закалить мужество дикаря и не научить его не дорожить жизнью. Страхъ вѣчно преслѣдуетъ его; онъ постоянно въ опасности, постоянно на сторожѣ. Онъ никому не можетъ довѣрять и никто не довѣряетъ ему[14]. Вслѣдствіе этого, у дикаря должна выработаться привычка къ опасности и неустрашимости.

Казалось бы, вслѣдствіе безусловной храб-

13) Арданъ дю Пикъ: «Изслѣдованіе боя», русск. переводъ, стр. 47.

14) Дж. Лебокъ, — «Доисторическія времена». Переводъ подъ ред. Анучина, стр. 274.

рости дикаря, открытый бой долженъ быть явленіемъ обыкновеннымъ.

Между тѣмъ мы встрѣчаемъ обратное.

«Дикари», по словамъ Тейлора,[15] «имѣютъ обыкновеніе нападать на врага врасплохъ, стараясь убить его, какъ дикаго звѣря».

Сравнительное языкознаніе показываетъ, что война и охота, какъ у Семитовъ, такъ и Арійцевъ, имѣютъ одинаковое названіе (**yudh, zud**) [16].

Война между дикими народами часто и въ наше время есть [17] война засадъ группами людей, изъ коихъ каждый въ моментъ нападенія выбираетъ себѣ не противника, а жертву и убиваетъ ее.

«Это потому», поясняетъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи боя дю Пикъ, «что оружіе съ обѣихъ сторонъ одинаковое и единственный способъ пріобрѣсти шансъ для себя заключается въ нечаянномъ нападеніи. Человѣкъ застигнутый врасплохъ, долженъ имѣть минуту, чтобы оглядѣться и принять оборонительное положеніе; въ теченіе этого мгновенія онъ гибнетъ, если не спасется бѣгствомъ».

---

15) Антропологія, стр. 221.

16) Гелльвальдъ. «Исторія культуры». Переводъ подъ редакціей М. Филиппова, стр. 293.

17) Летурно въ своемъ сочиненіи « **L'Evolution dans les diverses races humaines** », на стр. 492, называетъ войну Австралійцевъ «простой охотой за человѣкомъ».

«Застигнутый врасплохъ противникъ не защищается — онъ старается бѣжать и бой лицомъ къ лицу, одинъ на одинъ, при помощи первобытнаго оружія, топора или ножа, столь страшнаго для неприкрытыхъ враговъ (т. е. не имѣющихъ предохранительнаго оружія), крайне рѣдко встрѣчается; онъ можетъ происходить только между врагами, внезапно напавшими другъ на друга, при чемъ, для обоихъ побѣда единственное спасеніе. И то... въ случаѣ подобнаго нечаяннаго нападенія, спасеніе возможно еще при отступленіи, бѣгствѣ того и другого; и къ этому прибѣгаютъ нерѣдко»[18].

Стремленіе бойца уклониться отъ опасности, упразднивъ насколько возможно борьбу, доказывается всей исторіей развитія оружія. Весь смыслъ этой исторіи можетъ быть выраженъ въ нѣсколькихъ словахъ — человѣкъ ухитряется убивать врага избѣгая быть убитымъ. Онъ выходитъ съ окованной палицей противъ кола, со стрѣлами противъ палицы, со щитомъ противъ стрѣлъ, со щитомъ и кирасою противъ одного щита, съ длинными копьями противъ короткихъ, со стальными мечами противъ желѣзныхъ, съ вооруженными колесницами противъ пѣшаго человѣка и т. д. Онъ изощряется въ изобрѣтеніи ружей и пушекъ

18) Дю Пикъ. Стр. 6.

съ возможно дальнимъ боемъ для того, чтобы отдалить отъ себя борьбу.

Всякое дѣйствіе человѣка есть приведенное въ исполненіе его стремленіе (желаніе) — произвольное или непроизвольное. Когда стремленіе одно, то оно легко становится непосредственнымъ толчкомъ къ дѣйствію и тогда послѣднее становится простымъ волевымъ актомъ (импульсивнымъ). Но обыкновенно въ душѣ человѣка возникаютъ одновременно нѣсколько желаній, подчасъ противорѣчивыхъ между собой.

Столкновеніе различныхъ желаній и сопровождающихъ или вызывающихъ ихъ чувствъ между собою составляетъ, такъ называемую, борьбу мотивовъ.

Нельзя не упомянуть о томъ значеніи, которое имѣютъ чувства въ дѣятельности человѣка. Мотивы обдумываются, взвѣшиваются, а чувство бросаетъ на чашку вѣсовъ всю тяжесть собственнаго вліянія [19].

Стремленіе бойца «побѣдить» присуще бойцу до вступленія его въ бой. Но обстановка боя съ присущимъ ей непремѣннымъ элементомъ — опасностью, порождаетъ въ душѣ человѣка другое стремленіе «избѣжать опасности»; мы только что разсматривали, какъ это стремленіе бойца «избѣжать опасности» вноситъ поправку въ про-

19) Корфъ. «О воспитаніи воли военно-начальниковъ», статья въ книгѣ первой Общества ревнителей военныхъ знаній, 1906 г., стр. 3.

явленія борьбы; эту поправку можно выразить слѣдующими словами — «побѣдить при наименьшемъ рискѣ». Но, съ увеличеніемъ опасности въ бою, оба мотива вступаютъ уже въ рѣзкій конфликтъ; формула «побѣдить при наименьшемъ рискѣ» не можетъ уже примирить ихъ. Стремленіе «избѣжать опасности» — становится тогда почти равнозначущимъ «уклониться отъ боя». Если стремленіе бойца «побѣдить» — считать положительнымъ мотивомъ, — то стремленіе бойца «уклониться отъ опасности» является отрицательнымъ мотивомъ.

Эта борьба двухъ противорѣчивыхъ стремленій представляетъ собой въ полномъ смыслѣ драму.

Насколько эта борьба мучительна, мы можемъ видѣть изъ того, что бываютъ случаи самоубійства въ бою. Случаи же умышленнаго членовредительства являются вовсе не рѣдкимъ явленіемъ.

Большинство бойцовъ хотя и участвуютъ въ бою, но дѣйствуютъ машинально. Они затратили столько энергіи во внутренней борьбѣ противъ инстинкта самосохраненія, что у нихъ не хватаетъ уже духовныхъ силъ для самодѣятельности. Эти бойцы нуждаются въ импульсѣ извнѣ, въ возбудителѣ. Этотъ импульсъ даютъ имъ тѣ немногіе храбрые люди, которые сохраняютъ спокойствіе разума и запасъ энергіи.

Отрицательное стремленіе бойца есть производная отъ опасности. Опасность же, по мѣрѣ сближенія съ противникомъ, все увеличивается, вслѣдствіе этого и отрицательное стремленіе бойца съ теченіемъ боя получаетъ все большую и большую силу. Когда его сила возрастаетъ настолько, что оно становится больше побѣднаго стремленія бойца, тогда наступаетъ кризисъ воли: человѣкъ рѣшается — уклониться отъ боя.

Какъ велико бываетъ число этихъ «уклонившихся» можно заключить изъ примѣра цитированнаго Арданъ дю Пикъ въ его «изслѣдованіи боя».

«Возьмемъ Ваграмъ, гдѣ его (Наполеона) масса не была отброшена; изъ 22.000 человѣкъ — 3.000 дошли до позиціи, однимъ словомъ, дошли по назначенію... Недостающіе 19.000 выбыли изъ строя? Нѣтъ, 7 тысячъ изъ 22, т. е. одна треть (огромная пропорція) могли быть перебиты; что же случилось съ остальными недостающими 12-тью тысячами? Они попадали, легли на пути, притворились мертвыми, чтобы не идти дальше»[20].

А вѣдь это были солдаты Наполеоновской арміи, слава о которой прогремѣла по всему міру.

Для того, чтобы показать, что существо разсматриваемаго нами здѣсь вопроса осталось не-

---

20) Дю Пикъ. Стр. 81.

измѣннымъ и въ войнахъ новѣйшаго времени, я приведу примѣры изъ нихъ.

Вотъ воспоминанія командира одного изъ французскихъ пѣхотныхъ полковъ, воевавшаго въ 1870-71 г. г.[21].

«Вступивъ въ сферу огня, полкъ начинаетъ таять у всякой складки мѣстности, у всякаго куста, которые только даютъ возможность спрятаться; далѣе, съ теченіемъ боя, люди, охваченные ужасомъ падаютъ на землю и лежатъ какъ мертвецы, съ той только разницей, что лицо ихъ обращено въ землю; вскорѣ цѣлая толпа солдатъ, подъ предлогомъ выноса раненыхъ, представляетъ имъ многочисленный эскортъ для дезертированія съ поля битвы; другіе, наконецъ, уходятъ безъ всякаго предлога и ихъ невозможно вернуть, если они ускользнули изъ подъ вліянія своихъ офицеровъ».

«Всѣ эти люди, строго говоря, не бѣглецы — у нихъ нѣтъ той поспѣшности — это уклонившіеся».

«Легко выяснить количество ихъ, когда какая-нибудь ферма или какое-нибудь закрытіе въ этомъ родѣ составляетъ часть позиціи; становится, пожалуй, ненужнымъ занимать этотъ мѣстный предметъ отдѣльной частью, такъ какъ онъ

---

21) Commandant La Tour du Pin-Chambly : « L'Armée française à Metz ». Цитировано у général Daudignac : « Les réalités du combat », p. 65.

уже занятъ многочисленнымъ гарнизономъ волонтеровъ».

«Замѣчательно, что это оставленіе рядовъ имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ тыловыхъ частяхъ войскъ; оно значительно больше во 2-й и 3-й линіяхъ, находящихся пассивными подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, чѣмъ въ первой линіи боя; черезъ нѣсколько часовъ боя, въ рядахъ остаются только люди сильной воли и тогда ихъ ряды дѣйствительно дышатъ непреклонностью».

Для Русско-Турецкой войны я приведу выдержку изъ письма знаменитаго русскаго врача, профессора Боткина,[22] осматривавшаго русскіе госпиталя послѣ неудачныхъ штурмовъ Плевны.

«Склифасовскій[23] высказалъ печальное наблюденіе, сдѣланное имъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ сутокъ работы; оказывается, что очень легко, — по словамъ Склифасовскаго — можно составить цѣлый полкъ изъ симулянтовъ, т. е. ранившихъ себя въ пальцы по примѣру сербскаго войска... нельзя этому, однако, удивляться: солдатъ видитъ въ туркахъ сильнаго и даже болѣе сильнаго врага; турки защищены окопами и имѣютъ громадное преимущество въ оружіи»...

---

22) «Письма съ театра войны 1877-78 г. г.».

23) Тоже извѣстный русскій докторъ; прим. Н. Н. Г.

Характерно, что о самопораненіяхъ «не смѣли доложить».

Какъ обстояло дѣло въ Англо-Бурскую войну въ средѣ героевъ-буровъ, защищавшихъ независимость горячо любимой ими Родины, можно составить себѣ представленіе изъ воспоминаній ихъ героическаго командующаго арміей — Хр. Девета. Вотъ что онъ пишетъ про свои впечатлѣнія о боѣ у Никольснека[24].

«Съ нашей стороны въ этомъ сраженіи принимали участіе, кромѣ 300 Гейдельбронцевъ и 20 Кронштадцевъ, еще 40-50 человѣкъ изъ Іоганнесбургской полиціи подъ начальствомъ капитана ванъ-Дамъ, которые подоспѣли къ мѣсту сраженія и храбро бились вмѣстѣ съ нами. Но изъ трехсотъ Гейдельбронцевъ не всѣ могли принять участіе въ сраженіи, такъ какъ многіе оставались съ лошадьми у подножія горы, а нѣкоторые, какъ въ началѣ войны нерѣдко случалось, оставались въ защищенныхъ мѣстахъ и не желали оттуда уходить. Когда кончилось сраженіе, я нарочно пересчиталъ своихъ людей и могу совершенно увѣренно сказать, что насъ, выигравшихъ сраженіе, было не болѣе двухсотъ людей. Наши потери были 4 убитыхъ и 5 раненыхъ».

А вотъ воспоминанія того же Хр. Девета о концѣ боя у Поплеръ-Грове.

---

24) «Воспоминанія Хр. Девета; борьба буровъ съ Англіей». Переводъ Е. Н. Половцевой, стр. 18.

«Я вскочилъ на лошадь и поскакалъ во весь духъ къ позиціямъ. И — о ужасъ... Какіе горькіе плоды несчастной сдачи Кронье пришлось мнѣ собирать. Среди бюргеровъ распространилась паника. Англичане совсѣмъ еще не подошли такъ близко, чтобы нельзя было съ успѣхомъ стрѣлять по нимъ и удерживаться на позиціяхъ, а бюргеры уже пустились въ дикое бѣгство, покидая великолѣпныя укрѣпленія. Не было сдѣлано съ ихъ стороны даже малѣйшей попытки къ удержанію позицій за собой. Это было бѣгство, подобнаго которому я не видѣлъ никогда, ни раньше, ни послѣ. Несмотря на всѣ усилія, ни я, ни мои офицеры не могли вернуть ни одного изъ бюргеровъ, убѣгавшихъ въ паникѣ за повозками и орудіями. Я напрягъ всѣ силы: загналъ двѣ лошади, на которыхъ безъ отдыха скакалъ весь день взадъ и впередъ, — все напрасно»[25].

Это были тѣ самые бюргеры, которые нѣсколько дней спустя великолѣпно отстаивали позиціи; по словамъ Девета, «ихъ храбрость была достойна похвалы и, глядя на нихъ, нельзя было повѣрить, чтобы это были тѣ самые бюргеры, которые въ ужасѣ разбѣжались у Поплеръ-Гровe»[26].

Въ Русско-Японскую войну 1904-1905 г. г.

---

25) «Воспоминанія Хр. Девета», стр. 68, 69.
26) Тамъ же, стр. 70.

разсматриваемое нами стремленіе бойца уклониться отъ боя, засвидѣтельствовано въ приказѣ по русской 1-й Манджурской арміи отъ 10-го Іюня 1905 г. № 465, въ которомъ командующій арміей пишетъ: «Бывшій боевой опытъ указываетъ также, что мы не только выводили въ бой роты со слабымъ составомъ штыковъ, но и не принимали достаточныхъ мѣръ къ тому, чтобы зорко охранять выведенныя въ бой части: онѣ таяли отъ разныхъ причинъ, кромѣ убыли убитыхъ и раненыхъ... Мнѣ лично приходилось видѣть, какъ, подъ предлогомъ выноса раненаго, группируясь около него, уходило отъ 4-хъ до 10 человѣкъ».

А вотъ описаніе атаки Русской 14-й пѣх. дивизіей сел. Сандепу 13-го января 1905 г. Описаніе это принадлежитъ перу генерала Баженова, бывшаго очевидцемъ этой атаки: «...съ холма стало замѣтно, что въ дивизіи появились отдѣльные люди, идущіе назадъ; потомъ стали появляться отдѣльныя группы и, наконецъ, на правомъ флангѣ отступленіе сдѣлалось общимъ...»[27].

Относительно минувшей Міровой Войны можно было бы составить цѣлые томы подобныхъ свидѣтельствъ. Я процитирую показанія только одного изъ французскихъ свидѣтелей, воспоминанія котораго совершенно правильно оцѣниваются Ж. Нортонъ-Крю, какъ первоклассныя по

27) Баженовъ, Военный Сборникъ № 4 — 1906 г.

своей правдивости [28]. Эти воспоминанія принадлежатъ перу лейтенанта Жана Пинге [29].

«...Первые непріятельскіе тяжелые снаряды... Вдругъ я вижу появленіе отступающаго въ колоннѣ по-четыре взвода Бономе. Кто могъ приказать ему отступать, не дождавшись своей очереди? Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ за нимъ слѣдуютъ, отступая въ относительномъ порядкѣ, и другіе взводы моей роты. Невозможно выяснить, кто же далъ приказанія объ отходѣ... Это крещеніе чемоданами. Насъ предупредили, что впечатлѣніе отъ нихъ сильное, но все таки трудно было ожидать, что произойдетъ такая ерунда. Нужно быстро вернуть всѣхъ въ траншеи: въ колонны по-четыре, скорымъ шагомъ, маршъ! Я быстро поднялся по небольшому скату, ведущему къ нашимъ траншеямъ. Дойдя до нихъ, я обернулся и увидѣлъ, что за мной слѣдуетъ только шесть человѣкъ... Я разсаживаю моихъ шесть типовъ... и возвращаюсь назадъ. Въ этотъ разъ я привожу съ собою тридцать человѣкъ. Въ третье мое путешествіе за мной идетъ уже вся рота. Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, всѣ на своихъ мѣстахъ... Въ тотъ же вечеръ я разсказываю о своемъ разочарованіи Керросу (командиру батальона); я такъ вѣрилъ въ свою роту. Однако, съ радостью узнаю, что она первая вернулась на свои мѣста.

28) **J. Norton-Cru : « Témoins », p.p. 386-390.**

29) **Jean Pinguet : « Trois étapes de la Brigade des Marins. La Marne. Gand. Dixmude ».**

При первыхъ же тяжелыхъ снарядахъ вся наша первая линія отступила въ безпорядкѣ»[30].

А вотъ мѣста изъ главъ IX и X воспоминаній Ж. Пинге, по глубинѣ психологическаго анализа приближающіяся къ классическому труду Ардана дю Пика.

«Духъ моей роты великолѣпенъ. Нѣсколько человѣкъ поетъ... Люди обжились... Робинъ находится въ центрѣ, я могу быть спокойнымъ»[31]. Ночью нѣмцы нерѣшительно атакуютъ. «Стрѣльба продолжается, но чѣмъ ближе противникъ, тѣмъ она становится хуже. Вначалѣ стрѣлки прицѣливались хотя бы приблизительно. Но по мѣрѣ того, какъ непріятельскія пули становились многочисленнѣе, головы моихъ людей перестали подыматься надъ брустверомъ... даже руки искали укрытія и дуло ружья получало уклонъ въ 45 градусовъ...».

Атакующіе нѣмцы «кричатъ ура, — но лежатъ неподвижно на шоссе и не знаютъ, что дальше дѣлать; они кричатъ, чтобы себя подбодрить... Я пробираюсь къ своему центральному взводу: взвода нѣтъ. Я иду въ слѣдующій: онъ исчезъ. Два остальные тоже бросили траншеи. А тѣмъ временемъ нѣмцы продолжаютъ кричать ура; однако, это ура все слабѣетъ... Я иду къ Рибе. Сообщаю ему о своемъ злополучіи и иду

30) Стр. 106, 107.
31) Стр. 147.

отыскивать своихъ людей... Эти послѣдніе блуждаютъ въ полномъ безпорядкѣ по полямъ... Всѣ, кого я разспрашиваю, докладываютъ то же самое: ихъ потрясъ крикъ нѣмцевъ... Вскорѣ я собралъ около 150 человѣкъ... Веду ихъ самъ назадъ; но должно быть иду слишкомъ скоро, потому что люди за мной слѣдуютъ плохо. Они легко исчезаютъ въ ночной темнотѣ... Вдругъ крикъ: Впередъ! въ штыки! Это хвостъ колонны Робина подобно нѣмцамъ кричитъ, чтобы подбодриться. Однако, эти горланы впередъ не продвигаются и только понапрасну притягиваютъ на насъ огонь нѣмцевъ. Нельзя больше терять время: ускоряю шагъ. Достигаю входа въ траншеи и дороги, но со мной никого уже нѣтъ... Я возвращаюсь, ищу; напрасно — въ этотъ разъ никто не откликается на мои призывы»[32].

Только позже ночью «нѣсколько человѣкъ присоединяется ко мнѣ и, мало по мало, я собираю моихъ лучшихъ солдатъ. Принявъ рядъ предосторожностей, я возвращаюсь съ ними въ наши траншеи, остававшіяся все время пустыми — но у меня всего 67 солдатъ изъ 220 бывшихъ на лицо днемъ... Смѣна происходитъ на разсвѣтѣ... Во второй линіи ко мнѣ присоединяется человѣкъ шестьдесятъ... При переходѣ у Диксмюдъ моя рота вновь пополняется. У общаго резерва я нахожу уже почти всѣхъ своихъ людей; эта хао-

32) Стр. 149-154.

тическая ночь стоила мнѣ 20-ти человѣкъ. Къ моему большому удивленію деморализація, происшедшая ночью, прошла. Небольшая часть людей еще находилась въ подавленномъ состояніи духа, но большинство... уже забыло пережитыя тревоги. Опасность далеко и они смѣются»[33].

На слѣдующій день рота Пинге возвращается въ боевую линію и попадаетъ подъ бомбардировки. «Мой лейтенантъ насчиталъ въ одинъ часъ 253 чемодана или шрапнели и ни одного раненаго... (Большія потери понесли сосѣди-бельгійцы). На порогѣ смерти эгоизмъ человѣка столь силенъ, что думаешь о несчастьи сосѣда только для того, чтобы порадоваться, что самъ избѣжалъ его. Духъ моихъ людей падаетъ съ каждымъ часомъ... Сосѣдняя рота несетъ отъ непріятельскаго огня большія потери. Въ моей же, по какому то чуду, ни одинъ человѣкъ не оцарапанъ. Но духъ упалъ; безъ огневого баража мы сыграли бы печальную роль въ случаѣ нѣмецкой атаки. Однако, довольно искры, чтобы опять вспыхнуло мужество; этихъ мало подвижныхъ Бретонцевъ можно поднять однимъ удачнымъ словомъ. Но какъ трудно угадать его, и, главное, претворить въ дѣло»[34].

Уклонившіеся — это люди болѣе слабые, но пока держатся храбрые, войсковая часть еще

---

33) Стр. 155-157.
34) Стр. 163-166.

живетъ. Этихъ храбрецовъ можетъ быть немного, но благодаря имъ цѣлое еще существуетъ, а противникъ имѣетъ дѣло съ этимъ цѣлымъ. Ему вѣдь не видно того, что происходитъ у другого. Бой съ нимъ продолжается.

Но можетъ наступить минута, когда все цѣлое, т. е. вся войсковая часть отказывается отъ боя, когда она залегаетъ и не въ состояніи подняться или когда она отступаетъ или даже панически бѣжитъ, когда даже тѣ храбрые, которые долго противились инстинкту самосохраненія, не выдержали внутренней борьбы и побѣждены этимъ инстинктомъ, — тогда конецъ боя на-лицо.

Здѣсь мы уже входимъ въ область коллективной психологіи; зависимость отъ нея явленій боя мы будемъ разбирать нѣсколько далѣе. Сейчасъ же мы постараемся отвѣтить на одинъ вопросъ, неправильный отвѣтъ на который, по нашему мнѣнію, являлся до сей поры главной причиной крайней малочисленности изслѣдованій психологическаго характера среди трудовъ профессіоналовъ военнаго дѣла. Я говорю о чрезвычайно распространенномъ мнѣніи, что правда о войнѣ можетъ понизить боеспособность арміи.

Такъ ли это?

3. — Безъ объективнаго изученія психической природы войны нельзя познать ея «внутренней» стороны.

Прислушаемся къ голосу тѣхъ, кто фактически дрался на фронтѣ; среди же таковыхъ избе-

ремъ французскихъ бойцовъ, то-есть тѣхъ, которые исполнили свой долгъ передъ Родиной до конца и при этомъ дали ей побѣду.

«Всѣ мы — творцы неправды», пишетъ одинъ изъ такихъ бойцовъ, попавшій послѣ 19-ти мѣсячнаго пребыванія въ боевыхъ линіяхъ въ тыловыя армейскія части [35]. « Мы разсказываемъ то, что мы видѣли, или плохо или невѣрно. Это неизбѣжное слѣдствіе нашего самодовольства и неспособности вмѣстить правду. То, что мы не записали сразу, отмираетъ въ нашей памяти. Замѣченное нами деформируется по мѣрѣ того, какъ вовлекается въ потокъ нашей рѣчи. Если мы будемъ молчать, то придутъ другіе, которые будутъ искажать факты въ еще большей степени, чѣмъ мы. Безпрепятственно станутъ они орудовать искаженными ими фактами и тогда эти факты обратятся въ ихъ рукахъ въ опасное орудіе. Они изобразятъ войну въ радующихъ глазъ краскахъ [36]. Мы, которые видѣли войну такой, какой она есть на дѣлѣ, уродливой и сѣрой, не сохраняемъ ли убѣжденіе, что Наполеоновскія сраженія представляли собою величественныя картины? Мы вѣримъ въ это только потому, что тѣ, кто фактически дрался тогда, позволили тѣмъ,

35) Max Deauville : « La Boue des Flandres ». Ed. Maurice Lamartin. Bruxelles, 1922.
36) Стр. 120-121.

кто не видѣлъ вблизи самую борьбу, разсказывать сказки. Этимъ участникамъ было выгодно принять обликъ героевъ разукрашеннаго прошлаго. Они обрѣтали ореолъ путешественника, побывавшаго въ неизвѣданныхъ чудесныхъ странахъ. Будемъ осторожны. Вокругъ насъ уже вырастаетъ цѣлая фаланга лжеучителей, и если, къ несчастью, одинъ изъ таковыхъ обладаетъ талантомъ, онъ возбудитъ у нашихъ потомковъ желаніе видѣть вновь эпоху подобную только что нами пережитой. Онъ ускоритъ ея возвращеніе [37]. Будемъ честными въ нашихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ. Отдадимъ себѣ отчетъ въ чувствахъ, которыя вызываютъ наши разсказы. Будемъ помнить о той уродливой и грустной дѣйствительности, среди которой протекала наша борьба. Будемъ помнить о страданіяхъ, которыя мы испытывали и о страхѣ, который насъ потрясалъ... Даже въ предвидѣніи возможности и въ будущемъ призыва со стороны Родины новаго поколѣнія солдатъ къ защитѣ оружіемъ ея независимости и чести, нужно ли дразнить воображеніе этихъ солдатъ обманчивыми обликами славы и геройства? Если они будутъ знать, какъ ужасна и отвратительна война, если они будутъ знать, что она принесетъ имъ смерть или надломитъ ихъ душу, и если они все таки пойдутъ на фронтъ, не дѣлая себѣ иллюзій и не утѣшая себя ложны-

37) Стр. 121-122.

ми ожиданіями — развѣ заслуга этихъ людей станетъ отъ этого меньше?»

Только что приведенныя слова могутъ привести къ заключенію, что «правда» о войнѣ дѣйствительно можетъ ослабить духъ Арміи. Въ самомъ дѣлѣ, не часто ли докторъ скрываетъ отъ больного неминуемость скораго смертельнаго исхода его болѣзни для того, чтобы облегчить ему послѣдніе дни его жизни? Для меня несомнѣнно, что вѣками выработавшаяся въ военной средѣ традиція пріукрашать войну, представляя ее рядовому бойцу не такой, какая она есть, имѣетъ за собой практическія основанія. Но я позволю себѣ утверждать также, что для успѣха въ войнахъ современныхъ передовыхъ народовъ между собою, такое примитивное средство, какъ искаженіе и скрываніе «правды» о войнѣ является не только средствомъ недѣйствительнымъ, но иногда даже и опаснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ «доброе» старое время профессіональныхъ армій, когда сраженія представляли только очень рѣдкіе эпизоды кампаній, причемъ продолжительность ихъ измѣрялась всего лишь нѣсколькими часами, солдатъ можно было держать какъ бы съ повязкою на глазахъ. Но сейчасъ, когда война ведется всѣмъ народомъ, когда она можетъ затянуться на годы, когда сраженіе столь раздвинулось во времени и пространствѣ, что заполнило собою всю операцію, — можно ли скрыть ту правду, которую неминуемо увидитъ воочію каждый бо-

ецъ съ первыхъ же выстрѣловъ? Не опасно ли, что паденіе духа отъ разрушенныхъ иллюзій увеличитъ ту моральную депрессію, которую испытываетъ рядовая масса людей при вступленіи въ зону опасности? Не опасно ли, что среди бойцовъ появится въ такихъ условіяхъ тенденція къ другой крайности: видѣть все въ черномъ? Что это такъ, свидѣтельствуется фактомъ громового успѣха, который получилъ во Франціи напечатанный въ концѣ войны романъ Барбюсса «Огонь»[38].

Что представляетъ собою «правда», разсказанная Барбюссомъ, читатель можетъ увидѣть изъ анализа этой книги, сдѣланнаго Жаномъ Нортонъ Крю[39]. «Что это — наивность? незнаніе? или наглость? — спрашиваетъ себя этотъ изслѣдователь. Дѣйствительно, книга Барбюсса представляетъ собою наслоеніе ужасовъ и мерзостей — при этомъ, по большей части выдуманныхъ. Въ основѣ ея лежитъ тенденціозная пропаганда противъ войны, питающаяся изъ тѣхъ же источниковъ какъ и та пропаганда, которая велась въ томъ же 1917 году Ленинымъ и его сателлитами со скрытой цѣлью превращенія внѣшней войны во внутреннюю. Несомнѣнно, что книга Барбюсса является однимъ изъ проявленій народной

38) Henri Barbusse : « Le feu ». (Journal d'une escouade) ». Roman. Ed. E. Flammarion. Paris, 1917.

39) См. стр. 557-565 его труда « Témoins ».

усталости отъ затянувшейся тяжелой войны. Опасность ея заключалась не только въ томъ, что она находила отзвукъ въ патологической соціальной психикѣ того періода войны, но также и въ томъ, что она создавала соблазнъ для рядовыхъ бойцовъ, познавшихъ несоотвѣтствіе между тѣмъ представленіемъ о войнѣ, которое внушалось имъ сверху (bourrage de crânes) и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности, увидѣть въ ней скрывавшуюся отъ нихъ правду.

«350 тысячъ проданныхъ экземпляровъ "Огня" — развѣ это не признакъ одобренія?», пишетъ Жанъ Нортонъ Крю [40]. «Я слишкомъ хорошо знаю причины этого успѣха, чтобы послѣдній повліялъ на измѣненіе моей оцѣнки. Въ одинъ изъ дней 1917 года, на фронтѣ, мнѣ пришлось вступить въ споръ по поводу "Огня" съ однимъ капитаномъ офицеромъ-профессіоналомъ, все время находившимся въ окопахъ и потому мало читавшимъ, который сталъ ярымъ поклонникомъ Барбюсса. Я ему процитировалъ рядъ абсурдовъ, напечатанныхъ въ книгѣ. "Конечно", отвѣтилъ онъ, "тамъ много неточностей, но какъ долго вколачивали въ мозги людей, остающихся въ тылу, совершенно искаженную картину нашей жизни; Барбюссъ рисуетъ какъ разъ обратное [41]

40) Стр. 565.

41) Это — вѣчная логическая ошибка, которая такъ затрудняетъ познаніе истины. Очень часто пред-

тѣмъ разсказамъ и статьямъ, которые насъ прямо раздражаютъ; это не плохо, чтобы въ концѣ концовъ услыхали бы иной перезвонъ колоколовъ". Я сталъ говорить ему о другихъ книгахъ настоящихъ бойцовъ, которыя уже появились къ этому времени въ печати; я указалъ на авторовъ лучшихъ изъ нихъ, на Женевуа, Линтіе, Ружонъ, Вассаль, Галтье-Буассіеръ. Онъ не былъ знакомъ ни съ одной изъ нихъ».

Интересно вспомнить здѣсь, какими мѣрами Главнокомандующій Французской Арміей генералъ Петенъ спасъ въ 1917 году Французскую Армію отъ разложенія. Онъ потребовалъ отъ офицеровъ, чтобы въ этотъ критическій періодъ духа Арміи офицеры неотлучно находились бы при солдатахъ и установили бы съ ними самыя близкія отношенія. Генералъ Петенъ правильно разсчиталъ, что въ такомъ случаѣ солдату легче получить отъ своего офицера разъясненіе мучающихъ его душу вопросовъ. А къ этому времени въ средѣ французскаго офицерства уже установилось правильное пониманіе необходимости знать всю «правду» о войнѣ, что свидѣтельствуется хотя бы перечисленными въ отвѣтѣ Жа-

---

полагаютъ, что послѣднюю нужно искать въ противоположности только что совершенной ошибки. Въ 99 случаяхъ изъ 100 это приводитъ къ новой ошибкѣ. Въ основѣ такой тенденціи лежитъ психическое настроеніе, обуславливаемое ассоціаціей противоположностей.

на Нортонъ Крю заблудившемуся капитану авторами. Получивъ моральную поддержку со стороны своего ближайшаго боевого руководителя и такого же, какъ самъ солдатъ, страдальца, солдатъ успокоился и съ новыми силами повелъ борьбу противъ нѣмцевъ.

Гибель Русской Арміи въ 1917 году представляетъ собою противоположный примѣръ. Ни въ одной изъ воюющихъ Европейскихъ армій не была такъ глубока и широка пропасть между представленіями о войнѣ, господствующими въ высшихъ штабахъ, и той дѣйствительностью, которая непосредственно ощущалась бойцами. Съ началомъ революціи, въ силу общихъ соціальныхъ причинъ, началось разслоеніе и между солдатскимъ составомъ и строевымъ офицерствомъ. Это разслоеніе все росло; когда же произошло непродуманное и неудачное выступленіе генерала Корнилова, это разслоеніе дошло до степени ярой вражды. Предоставленный себѣ русскій солдатъ, много менѣе культурный, нежели французскій, легко сталъ добычей большевицкой пропаганды, «правда» которой была еще дальше отъ истины, чѣмъ «правда» Барбюсса.

Такимъ образомъ, прежнее мнѣніе объ опасности вскрытія истины о войнѣ должно быть нынѣ пересмотрѣно, даже въ отношеніи чисто практическихъ мѣропріятій по созиданію вооруженной силы и по воспитанію солдатскаго состава.

Возьмемъ хотя бы область вожденія войскъ.

Въ настоящую эпоху расползшагося на огромныя пространства сраженія, управленіе войсками производится почти исключительно на основаніи донесеній. И вотъ что приходилось наблюдать въ минувшую войну, особенно въ ея началѣ. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ происходилъ разрывъ во взаимномъ пониманіи между войсками и высшими штабами. Когда первые доносили правду, вторые считали, что войска не дѣлаютъ всего, что могутъ и должны сдѣлать. Со стороны этихъ штабовъ устанавливалась система командованія «съ запросомъ», типичнымъ примѣромъ котораго является руководство нашими первыми операціями въ Восточной Пруссіи, Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнымъ фронтомъ генераломъ Жилинскимъ. Въ другихъ нашихъ высшихъ штабахъ происходило, можетъ быть, и менѣе рѣзко выраженное, однако, то же самое. Какъ часто приходилось мнѣ слышать такое разсужденіе: войска всегда выполняютъ меньше, чѣмъ имъ приказываютъ, слѣдовательно нужно «запрашивать» съ нихъ больше и тогда они выполнятъ то, что дѣйствительно требуется. Это заблужденіе получило столь широкое распространеніе у насъ, что многіе изъ высшихъ начальниковъ считали предъявленіе войскамъ непосильныхъ требованій признакомъ начальнической энергіи. Войскамъ пришлось дорого заплатить за эту систему «запросовъ». Наши неудачи въ Восточной Пруссіи могутъ послужить отличной ил-

люстраціей. Но послѣ первыхъ же жестокихъ уроковъ данныхъ дѣйствительностью, войска приспособились и въ нихъ выработалась своего рода система, если не назвать прямо «ложныхъ», то во всякомъ случаѣ «условныхъ» донесеній. Напримѣръ: пѣхота брошена днемъ въ атаку на неразрушенную проволоку; атака, конечно, неудачна; командиръ полка, чтобы избѣжать приказанія вновь повторить эту безнадежную атаку, доноситъ: стрѣлки залегли и рѣжутъ проволоку. Онъ разсчитываетъ на то, что непониманіе высшими штабами реальностей современнаго боя, помѣшаетъ имъ понять всю сказочность подобнаго донесенія. Другой примѣръ: замѣтивъ, что доблестныя и успѣшныя атаки не оцѣниваются на верху въ томъ случаѣ, если донесенія о нихъ не сопровождаются описаніемъ мифическихъ штыковыхъ свалокъ и кавалерійскихъ шоковъ, болѣе ловкіе командиры быстро установили въ своихъ донесеніяхъ своего рода трафаретъ, напоминающій батальныя картины временъ давно минувшихъ.

Вышеуказанный моральный разрывъ между высшими штабами и войсками представляетъ собою явленіе, наблюдавшееся во всѣхъ арміяхъ. Вотъ что пишетъ Жанъ Нортонъ Крю [42] про то же явленіе во французской арміи. «Спросите бойцовъ и они приведутъ вамъ примѣры непонима-

42) Стр. 17-21.

нія штабами того, что въ дѣйствительности происходило на фронтѣ. Я могу самъ разсказать слѣдующій небольшой примѣръ. Около 10-го января 1917 года 133-я дивизія, въ которой я былъ унтеръ-офицеромъ, заняла у Вердена секторъ между Безанво и фермой де Шамореттъ. Этотъ участокъ мѣстности былъ отбитъ у непріятеля 25 дней передъ этимъ. Мое отдѣленіе находилось на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, поддерживая связь съ сосѣдней дивизіей. Но я не могъ занять указанной мнѣ позиціи, ибо окопъ, нарисованный на планѣ Штаба Корпуса и протягивавшійся по обрыву, въ дѣйствительности не существовалъ. Наши предшественники получили послѣ атаки 15-го декабря 1916 года категорическое приказаніе построить этотъ окопъ въ теченіе недѣли. Несчастные пытались это выполнить. Однако, хотя они и закончили всѣ указанныя имъ траншейныя работы въ болѣе легкомъ грунтѣ, здѣсь они не смогли справиться съ осыпями замерзшаго щебня, затвердѣвшаго, какъ бетонъ. Нужно вспомнить, какъ сурова была та зима. При нашемъ вступленіи на позицію эта несуществующая траншея была намъ сдана, какъ существующая, объяснивъ намъ, что требованія корпуса со словами «во что бы то ни стало» такъ часто повторялись, что пришлось донести о ней, какъ о будто бы законченной, въ расчетѣ закончить ее, когда температура упадетъ и станетъ возможнымъ рыть. Но морозы продолжались. Каждую ночь я шелъ со сво-

имъ отдѣленіемъ на назначенное намъ мѣсто; мы ковыряли кирками — намъ удавалось согрѣться, но результатомъ нашей работы были лишь горсти отколотаго щебня. Въ февралѣ насъ смѣнили, а траншея продолжала существовать лишь въ воображеніи тѣхъ, кто нанесъ ее на свой планъ. Впослѣдствіи, изъ чтенія разсказовъ о войнѣ, я узналъ о гнѣвѣ прибывшаго на смѣну новаго штаба корпуса и этотъ окопъ былъ, наконецъ, построенъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что вопросъ идетъ здѣсь не о какой нибудь незначущей траншеѣ, а о важнѣйшемъ участкѣ позиціи; на опушкѣ лѣса де Каріеръ, на смычкѣ двухъ дивизій, образовалось пустое пространство въ 200 метровъ шириной, безъ единой траншеи и безъ, хотя бы, единой заставы. Такъ продолжалось болѣе трехъ недѣль и штабъ корпуса объ этомъ не зналъ. Кто въ этомъ виноватъ? Войсковая часть, пославшая ложное донесеніе? Тѣ, кто получаютъ ложныя донесенія обыкновенно сами вызываютъ ихъ непосильными требованіями. Штабъ корпуса разсуждалъ чисто по школьному теоретическому трафарету, вмѣсто того, чтобы посчитаться съ реальностями обстановки. Тогда бы онъ учелъ: что стоятъ большіе морозы и грунтъ замерзъ; что солдаты, находящіеся на позиціи, плохо снабжены; что у нихъ будутъ отморожены ноги; что успѣхъ работы можетъ быть настолько малъ, что поставленная задача непосильна даже для нео-

слабленныхъ людей; что можно предъявлять войскамъ лишь выполнимыя требованія и во всякомъ случаѣ должно принимать мѣры для облегченія положенія ихъ. Штабъ корпуса, разсуждавшій иначе, и вызвалъ ложное донесеніе, которое могло бы привести къ катастрофѣ. Этого не случилось, но произошелъ скандалъ другого рода: дивизія потеряла громадное число людей съ отмороженными ногами и ея кадры оказались истощены вслѣдствіе плохого снабженія».

«...Можно утверждать», заключаетъ свои наблюденія Жанъ Нортонъ Крю, «что войска изъ страха передъ начальствомъ, какъ правило, обманываютъ его. Наполеонъ, котораго очень боялись, былъ и наиболѣе обманываемъ. Этотъ небывалый человѣкъ понималъ это, но онъ такъ былъ увѣренъ въ своей способности понимать дѣйствительную обстановку, что примирился съ этой тенденціей, лишь бы только его боялись. Традиція обманывать начальниковъ усилилась съ тѣхъ поръ и, можетъ быть, это единственная привычка мирнаго обученія, которая осталась и на войнѣ».

Вотъ послѣдствія устарѣлой, примитивной точки зрѣнія, полагавшей, что скрываніемъ истинной психической сущности боя можно сохранить духъ арміи на высшемъ уровнѣ.

«Намъ кажется», писалъ уже полвѣка тому назадъ генералъ М. И. Драгомировъ, « что настало наконецъ время трезваго отношенія и къ

военнымъ событіямъ: Агамемноны, Ахиллесы и другіе болѣе или менѣе красивые эпическіе герои должны сойти со сцены и уступить мѣсто обыкновеннымъ людямъ, съ ихъ великими доблестями и съ ихъ подчасъ унизительными слабостями; съ ихъ самоотверженіемъ, доходящимъ до того, чтобы положить голову за други своя, — и съ ихъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ, доводящими до стремленія уложить (руками непріятеля) того ближняго, который имъ не пришелся по сердцу; съ ихъ способностью взбираться подъ пулями и гранатами на вертикальныя стѣны безо всякой посторонней подмоги, и съ ихъ обычаемъ давать иногда тылъ и бѣжать безъ оглядки, изъ за одного того, что какому-нибудь негодяю вздумается крикнуть : «мы обойдены».

«Дѣло отъ этого выиграетъ: оно всегда выигрываетъ отъ правды. Въ теоріи не будутъ ограничиваться всеизвиняющей фразой: — «это случайность», а будутъ задаваться вопросомъ о томъ, какъ нужно вести и организовать войска, дабы они возможно менѣе поддавались неблагопріятнымъ случайностямъ»[43].

Пониманіе «внутренней» стороны войны возможно лишь послѣ того, какъ вся правда о войнѣ будетъ вскрыта. Истинное же представленіе о войнѣ, какъ мы это установили въ предыдущей главѣ, возможно только тогда, когда оно явится

---

43) Драгомировъ. «Разборъ Войны и Мира», стр. 6.

синтезомъ познанія «внѣшней» и «внутренней» сторонъ ея явленій.

4. — Субъективный психоанализъ и методы его использованія.

Минувшая міровая война дала въ распоряженіе изслѣдователя войны небывалый по своимъ размѣрамъ и качеству матеріалъ для психоанализа бойца. Въ числѣ призванныхъ въ ряды войскъ культурныхъ государствъ оказались люди самой высокой интеллектуальной квалификаціи. Многіе изъ послѣднихъ до своего превращенія въ солдатъ были профессорами въ Университетахъ. Хорошо знакомые съ методами научнаго анализа, они примѣнили это свое умѣнье для сужденія о тѣхъ явленіяхъ и событіяхъ войны, непосредственными участниками или свидѣтелями которыхъ они оказались.

Не нужно, однако, закрывать глаза на то, что правильное использованіе всѣхъ этихъ многочисленныхъ воспоминаній и записей требуетъ колоссальной подготовительной работы. Начало таковой положено въ неоднократно уже мною цитированномъ трудѣ Жана Нортона Крю. Однако, онъ касается только трудовъ, напечатанныхъ на французскомъ языкѣ. Необходимо же продолжить такую работу и надъ мемуарной литературой, составленной на другихъ языкахъ. Только послѣ тщательной провѣрки степени достовѣр-

ности каждаго изъ мемуаровъ и степени правдивости каждаго изъ мемуаристовъ, можно приступить къ использованію отобраннаго матеріала. Здѣсь опять работа разобьется на нѣсколько стадій. Первой изъ нихъ будетъ картотечная классификація и только послѣдняя изъ этихъ стадій будетъ заключаться въ подведеніи обобщающихъ выводовъ.

Однако, эти выводы будутъ нуждаться въ болѣе объективной провѣркѣ, нежели свѣрка показаній однихъ свидѣтелей съ показаніями другихъ.

Начало такому, вполнѣ объективному методу провѣрки было положено русскимъ докторомъ Шумковымъ. Собирая сейчасъ же послѣ Русско-Японской войны 1904-1905 г. г. данныя изъ пережитаго ея участниками опыта, онъ производилъ рядъ работъ по изученію физіологическихъ измѣненій, происходящихъ въ человѣкѣ подъ воздѣйствіемъ опасности, угрожающей ему въ бою. Докторъ Шумковъ совершенно правильно видѣлъ въ этихъ физіологическихъ измѣненіяхъ тѣ объективные показатели, которые помогутъ ввести въ область субъективнаго психоанализа экспериментальную провѣрку.

Къ великому сожалѣнію, попытка доктора Шумкова окончилась неудачно. За исключеніемъ единичныхъ лицъ, на его работу никто изъ военныхъ ученыхъ не обратилъ вниманія. Въ средѣ же представителей гражданской науки дѣло окон-

чилось даже небольшимъ скандаломъ. На засѣданіи представителей нашего медицинскаго міра, на которомъ докторъ Шумковъ готовился выступить съ докладомъ, еще до начала такового былъ заявленъ протестъ противъ того, чтобы въ средѣ культурнаго общества читались доклады о такомъ варварскомъ актѣ, какъ война. Докладъ Шумкова былъ сорванъ и его работа ушла въ небытіе.

Разсказанный только что случай съ докторомъ Шумковымъ, несмотря на всю свою возмутительность, является, тѣмъ не менѣе, весьма показательнымъ. Въ уродливой формѣ въ немъ выявилось то нежеланіе изучать войну, которымъ проникнуто и до сей поры большинство гражданскихъ ученыхъ учрежденій. Послѣдствія на-лицо. Въ теченіе четырехъ лѣтъ почти весь культурный міръ корчился въ судорогахъ войны, и вотъ прошло съ той поры 20 лѣтъ, и ни одного, хотя сколько нибудь серьезнаго научнаго изслѣдованія по военной психологіи еще не сдѣлано.

Указываемая мною выше обработка данныхъ психоанализа, требующая столь громадныхъ усилій и средствъ, сможетъ быть осуществлена лишь тогда, когда хотя бы одно ученое учрежденіе въ мірѣ признаетъ необходимость существованія въ числѣ наукъ, изучающихъ соціальную жизнь, и соціологіи войны. Только съ началомъ созиданія послѣдней возможно будетъ раціонально поставить сборъ, классификацію и разработку ма-

теріала, заключеннаго въ мемуарахъ о минувшей войнѣ, а также и богатѣйшаго опыта, накопленнаго всей военной исторіей. Здѣсь умѣстно сравненіе. Современная жизнь настолько усложнилась, что каждое большое зданіе строится по спеціальному заданію. Домъ для мелкихъ квартиръ строится иначе, чѣмъ домъ для роскошныхъ; фабрика духовъ проектируется иначе, чѣмъ автомобильный заводъ. Оспаривать этого никто не будетъ. Какъ же не понять того, что при созданіи военной психологіи нужно прежде всего, тоже, разработать планъ, въ которомъ найдутъ свое размѣщеніе всѣ стадіи работы, и будетъ ясно видно, что послѣдняя изъ этихъ стадій, которая можетъ привести уже къ утилитарнымъ выводамъ, возможна только какъ завершеніе другихъ стадій безъ непосредственнаго утилитарнаго значенія. Такая работа будетъ наиболѣе раціонально исполнена, если налицо будетъ главный заказчикъ: Соціологія Войны.

5. — «Психика толпы» въ явленіяхъ войны.

Разсматривая психическую сторону явленій войны, мы остановились пока въ нашихъ разсужденіяхъ лишь на области индивидуальной психологіи. Между тѣмъ, человѣкъ воюетъ не въ одиночку, вслѣдствіе чего данныя индивидуальной психологіи не могутъ дать исчерпывающаго объясненія не только поведенія массъ, но и самихъ

индивидуумовъ, составляющихъ эти массы. Такимъ образомъ мы вынуждены войти въ область коллективной психологіи, несмотря на чрезвычайно малую ея научную обслѣдованность. Наибольшіе шаги сдѣланы въ этой области лишь для изученія законовъ, управляющихъ «психологической» толпой.

Подъ словомъ т о л п а подразумѣвается въ обыкновенномъ смыслѣ собраніе индивидовъ, какова бы ни была ихъ національность, профессія или полъ и каковы бы ни были случайности, вызвавшія это собраніе, но съ психологической точки зрѣнія это слово получаетъ совершенно другое значеніе. При извѣстныхъ условіяхъ собраніе людей представляетъ особыя черты и свойства. Поэтому, въ психологическомъ смыслѣ слово т о л п а получаетъ значеніе собранія людей, подчиняющагося особымъ законамъ.

Безъ сомнѣнія, одного факта случайнаго нахожденія вмѣстѣ многихъ людей недостаточно еще для того, чтобы это собраніе пріобрѣло характеръ толпы въ психологическомъ смыслѣ слова; для этого нужна наличность нѣкоторыхъ условій.

Въ извѣстные моменты, напримѣръ, даже шести человѣкъ достаточно, чтобы образовать толпу въ психологическомъ смыслѣ слова, между тѣмъ, какъ въ другое время сотни человѣкъ, случайно собравшихся вмѣстѣ, при отсутствіи необходимыхъ условій, не образуютъ толпы.

«Психологическая толпа» имѣетъ свои особенныя черты, хотя временныя, но совершенно опредѣленныя. Нельзя смотрѣть на толпу, какъ на собраніе нѣкотораго числа людей, недостатки и достоинства которыхъ суммируются. Между тѣмъ, это мнѣніе раздѣлялъ даже Спенсеръ, который опредѣлялъ толпу, какъ сумму или, вѣрнѣе сказать, среднее умственныхъ и нравственныхъ качествъ, составляющихъ ее индивидовъ[44].

Тутъ ближе подходитъ не механическое представленіе, а химическое. Подобно тому, какъ въ химіи отъ соединенія двухъ газовъ можно получить жидкость, такъ точно и свойства индивидовъ толпы не просто механически суммируются. Изслѣдованія по коллективной психологіи показываютъ, что индивидуумы, составляющіе толпу, пріобрѣтаютъ какъ бы коллективную душу, которая заставляетъ ихъ чувствовать, думать и дѣйствовать, какъ единое одухотворенное существо; и хотя эти индивидуумы могутъ быть несходны между собой ни по уму, ни по свойствамъ характера и пр., но въ дѣйствіяхъ ихъ получается полное единство. Сознательная личность теряется, моральныя и умственныя особенности индивидуума исчезаютъ, и онъ становится частицей одного цѣлаго: одухотворенной толпы.

Потеря индивидуальности выражается тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе собраніе людей перешло въ

---

44) Спенсеръ. «Психологія», VII.

«психологическую» толпу, и при полномъ объединеніи толпа можетъ представить чувства столь преувеличенныя въ томъ или другомъ направленіи, что составляющіе ее люди кажутся потерявшими всю свою индивидуальность.

Люди хотя и очень разнятся по своей культурѣ и своему воспитанію, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, одни и тѣ же чувства, инстинкты и страсти.

Въ психологически объединившейся толпѣ обобщающимъ элементомъ является не разумъ, а чувства и инстинкты.

Вслѣдствіе этого, для ускоренія превращенія всякаго сборища людей (въ томъ числѣ и организованнаго — напримѣръ, роты) въ «психологическую» толпу требуется три условія:

1. Уничтоженіе главнѣйшихъ препятствій къ слитію индивидуумовъ въ толпу, то есть уничтоженіе ихъ индивидуальности (разумъ и воля).

2. Объединеніе индивидуумовъ однимъ чувствомъ или инстинктомъ.

3. Увеличеніе воспріимчивости человѣка ко внушенію, то есть усиленіе взаимодѣйствія чувствъ.

Обстановка, окружающая человѣка въ бою, какъ разъ создаетъ эти три условія.

1. Боевая обстановка стремится парализовать разсудочныя способности бойца.

Это какъ нельзя болѣе способствуетъ исчезновенію сознательной личности, что является од-

нимъ изъ благопріятныхъ условій для образованія «психологической» толпы.

2. Овладѣть сознаніемъ бойца съ все большей и большей силой стремится инстинктъ самосохраненія.

Это имѣетъ слѣдствіемъ оріентированіе чувствъ и мыслей бойцовъ въ опредѣленномъ направленіи, что составляетъ тоже одно изъ условій для объединенія толпы въ одно духовное цѣлое.

Вліяніе боевой обстановки въ этомъ отношеніи тѣмъ сильнѣе, что инстинктъ самосохраненія принадлежитъ къ однимъ изъ могущественныхъ факторовъ въ эмоціональной природѣ человѣка. Чувство страха, какъ показываетъ изслѣдованіе жизни общества, составляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ объединителей толпы въ психологическое цѣлое.

3. Внутреннее состояніе человѣка въ бою есть борьба двухъ противоположныхъ стремленій.

Въ силу этого, въ тѣхъ случаяхъ, когда положительное стремленіе одержитъ окончательно верхъ надъ отрицательнымъ, оно тоже послужитъ ферментомъ для полнаго объединенія толпы. Вѣдь бороться со столь сильнымъ инстинктомъ, какъ инстинктъ самосохраненія, можетъ только чувство, обладающее крайнимъ могуществомъ. Поэтому, самая побѣда положительнаго

стремленія надъ отрицательнымъ тоже будетъ имѣть слѣдствіемъ одностороннее оріентированіе чувствъ и мыслей бойцовъ, т. е. объединеніе ихъ въ психологическую толпу.

4. Внутренняя борьба, переживаемая бойцомъ, въ силу своей напряженности, имѣетъ слѣдствіемъ то, что до окончательнаго волевого кризиса, большая часть бойцовъ находится въ состояніи нерѣшительности, вниманіе ихъ разсѣяно, разумъ затуманенъ, т. е. въ состояніи полной духовной пассивности; это состояніе соотвѣтствуетъ психическому состоянію человѣка въ гипнозѣ. Подобное состояніе представляетъ самыя благопріятныя условія для внушенія. Очевидно, что внушеніе можетъ проявляться легче всего въ томъ случаѣ, когда оно проникаетъ въ психическую сферу, при отсутствіи сопротивленія со стороны «я» субъекта или, по крайней мѣрѣ, при пассивномъ отношеніи послѣдняго къ предмету внушенія.

Такимъ образомъ, духовное состояніе человѣка въ бою представляетъ самую благопріятную почву для усиленной воспріимчивости человѣка внушенію, а послѣднее есть главный дѣятель въ объединеніи толпы въ одно цѣлое. Отсюда же мы видимъ, что бой представляетъ условія, въ которыхъ психологическій законъ духовнаго единства толпы можетъ проявиться съ наибольшей силой.

Группы бойцовъ, какъ бы прочно онѣ ни были организованы, все болѣе и болѣе стремятся превратиться въ психологическую толпу, причемъ, съ теченіемъ боя (т. е. съ увеличеніемъ опасности) стремленіе это все увеличивается. Съ того момента, когда, въ какомъ либо очагѣ боя, это объединеніе бойцовъ въ психологическую толпу произошло, начинается періодъ, который мы можемъ назвать «психологическимъ кризисомъ».

Періодъ боя до этого кризиса въ психологическомъ отношеніи тоже есть область явленій коллективной психологіи; но разница въ этомъ отношеніи съ критическимъ періодомъ значительна. Человѣкъ подчиняется воздѣйствію массы и въ началѣ боя, но это воздѣйствіе доходитъ, сравнительно съ кризисомъ, до меньшаго предѣла — индивидуальность бойца не поглощена совершенно массой; боецъ переживаетъ тяжелую внутреннюю борьбу. Между тѣмъ, во время кризиса боя, боецъ внутренней борьбы уже не переживаетъ, онъ тотчасъ же подчиняется тѣмъ импульсамъ, которые получаетъ.

Драма боя заставляетъ отдѣльныхъ людей отказываться отъ боя. Слабые не въ состояніи выдержать; плоть говоритъ въ нихъ слишкомъ сильно, и они уклоняются отъ боя. Но идея «спасти себя» не имѣетъ еще объединяющей силы. Еще въ душѣ сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ стремленіе къ побѣдѣ уравновѣшиваетъ отрицательное

чувство. Въ минуту же психологическаго кризиса боя всякое чувство, независимо отъ того, носитъ ли оно положительный или отрицательный характеръ, героическое ли оно или представляетъ проявленіе низкой трусости, — это чувство общеобязательно для объединившихся въ толпу индивидовъ, такъ какъ толпа всецѣло подчиняется закону духовнаго единства. Отсюда видно, что характерная черта психологическаго кризиса въ очагѣ боя — это его р ѣ ш и т е л ь н о с т ь.

Періодъ психологическаго броженія можетъ тянуться очень долго. Это, конечно, зависитъ отъ предѣла нравственной упругости, которая присуща данному бойцу, и отъ напряженія опасности. Толпа возбуждена, но сила, двигающая ее, какъ бурное море, еще не получила импульса; котелъ находится подъ давленіемъ, но паровой кранъ еще не открытъ; куча пороха лежитъ на виду, но еще никто не извлекъ искры, чтобы взорвать ее. Наконецъ, обстановка боя даетъ толчекъ — порохъ взрывается. Происходитъ психологическій кризисъ. Вполнѣ понятно, этотъ кризисъ с к о р о т е ч е н ъ. Въ самомъ дѣлѣ, свойствомъ «массоваго» бойца является немедленное воплощеніе въ дѣйствіе всякаго возбужденія, съ другой же стороны, толпа неспособна къ проявленію настойчивой воли, а если въ кризисѣ боя не будетъ достигнута немедленно побѣда, то послѣдуетъ пораженіе.

Разсудочность человѣка въ бою подъ влія-

ніемъ опасности уменьшена, но все таки она можетъ быть не вполнѣ уничтожена, въ кризисъ же боя разсудочность бойца падаетъ до нуля, но зато сила чувствъ, вслѣдствіе податливости массоваго бойца внушенію, получаетъ страшное напряженіе. Въ силу этого кризисъ боя носитъ совершенно с т и х і й н ы й характеръ. Безсознательность бойца, страшная сила чувства, которую способенъ проявить только индивидъ толпы, придаютъ явленіямъ кризиса боя силу и характеръ стихіи.

6. — Возрастающая роль въ современной войнѣ факторовъ «соціальной психологіи».

Въ предыдущія эпохи, когда огнестрѣльное оружіе не играло столь рѣшающей роли, какъ теперь, боевыя столкновенія производились въ компактныхъ строяхъ, и поле сраженія было малыхъ размѣровъ. Поэтому, если послѣднее и представляло собою нѣсколько очаговъ боя, то, во всякомъ случаѣ, число ихъ было ограниченное, и эти очаги боя, кромѣ того, были столь близки другъ отъ друга, что кризисъ въ одномъ изъ нихъ (т. е. частный), легко превращался въ общій; присутствіе значительныхъ сосредоточенныхъ массъ ускоряло и облегчало наступленіе психологическаго кризиса и въ то же время в ы з ы в а л о е г о ч р е з в ы ч а й н о р ѣ з к о е в ы р а ж е н і е.

Съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія, бой все болѣе и болѣе расползается въ пространствѣ.

Прежнее компактное расположеніе войскъ превратилось, если можно такъ выразиться, въ «пунктирное»; занятіе позиціи основывается на занятіи ряда опорныхъ пунктовъ, которые составляютъ основу боевого расположенія. Эти опорные пункты распредѣлены не только по фронту. Поле современнаго сраженія обнимаетъ цѣлый раіонъ, усѣянный опорными пунктами, причемъ фронтъ позиціи или главная линія обороны обозначается только тѣмъ, что эти опорные пункты расположены чаще.

Въ силу подобнаго расчлененія, самое сраженіе распадается на громаднѣйшее число боевыхъ очаговъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, — очаговъ, иногда удаленныхъ другъ отъ друга. По мѣрѣ развитія боя, по мѣрѣ того, какъ онъ становится все упорнѣе, въ дѣло вводится все большее число войскъ, очаговъ боя образуется все больше, а промежутки между ними уменьшаются. Вліяніе опасности и массы становится все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, наступаетъ минута, когда психологически почва настолько подготовлена, что малѣйшій толчекъ неминуемо вызоветъ кризисъ; чаша страданія, переживаемаго бойцомъ, настолько переполнена, что нужна только послѣдняя капля, чтобы содержимое пролилось. Этимъ толчкомъ въ подобную минуту об-

щаго назрѣванія боя и можетъ послужить кризисъ въ одномъ изъ главныхъ очаговъ боя.

Но здѣсь мы вступаемъ уже въ совершенно неизвѣданную область коллективной психологіи.

Человѣкъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ другихъ людей не только въ толпѣ. Человѣческій коллективъ можетъ быть и другого вида, нежели толпа. Напримѣръ: лица, исповѣдующіе одну и ту же религію, члены одной и той же политической партіи, постоянные читатели одной и той же газеты, ученые принадлежащіе къ одной и той же школѣ и т. п. Лица, входящія въ составъ каждой изъ вышеуказанныхъ группировокъ, могутъ не видѣть и не слышать другъ друга, даже совершенно не знать другъ друга, какъ, напримѣръ, читатели одной и той же газеты, и все таки они образуютъ какое-то своеобразное духовное объединеніе. Тардъ примѣнилъ для этого французское слово « public ». По-русски слово «публика» отвѣчаетъ скорѣе понятію случайно собравшейся толпы (напр. — театральная публика). Поэтому я считаю, что слово «общество» здѣсь болѣе примѣнимо.

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ различіемъ въ психологическомъ отношеніи между «толпой» и того рода объединеніемъ, которое мы только что обозначили словомъ «общество», я отсылаю къ работамъ Тарда. Здѣсь же я ограничусь лишь указаніемъ на самыя рѣзкія черты различія.

Толпа достигшая психическаго объединенія, какъ мы говорили выше, крайне импульсивна и легко поддается возбужденію; разсудочное начало въ ней отсутствуетъ, она живетъ исключительно чувствами; послѣднія могутъ достигнуть въ индивидахъ толпы такого высокаго напряженія, на которое тотъ же индивидъ, взятый внѣ толпы, неспособенъ. Поэтому толпа способна и на величайшій героизмъ и на величайшее преступленіе. Атрофированіе въ толпѣ разсудочнаго начала приводитъ къ тому, что толпа, составленная изъ Ньютоновъ, Кантовъ, Менделѣевыхъ, и имъ равныхъ не будетъ отличаться отъ толпы сапожниковъ.

Толпу съ полнымъ правомъ можно сравнить съ неразумнымъ ребенкомъ.

Въ психически объединенномъ «обществѣ» нѣтъ такого приниженія индивидуальности, какъ въ толпѣ. Разсудочная способность индивидуума тоже сохранена. Поэтому «общество», составленное изъ Ньютоновъ, Кантовъ и Менделѣевыхъ, сохраняетъ все свое превосходство надъ обществомъ сапожниковъ. Если толпа живетъ исключительно чувствами, то общество руководится по преимуществу идеями. Правда, тутъ нужно оговориться: для того, чтобы идея получила руководящую силу въ обществѣ, эта идея должна быть ему не только понятна, но и пріемлема; это значитъ то, что элементъ чувствъ не исключается изъ психики общества; однако, это

не уменьшаетъ коренного различія между обществомъ и толпой. Если выше я уподобилъ толпу неразумному ребенку, то общество можно приравнять ко взрослому человѣку, сознающему свои поступки. Несравненно большая разсудочность общества дѣлаетъ его менѣе способнымъ къ проявленію высшаго героизма, чѣмъ толпа. Вмѣстѣ съ этимъ, общество не способно и на столь интенсивную вспышку гнѣва, какъ толпа. Но это не мѣшаетъ обществу быть болѣе упорнымъ въ своихъ добрыхъ и злыхъ намѣреніяхъ. Если толпа измѣнчива, общество упорно въ своихъ настроеніяхъ.

Общество управляется общественнымъ мнѣніемъ и роль его руководителей не носитъ такого абсолютнаго характера, какъ роль вожака толпы.

Если мы внимательно вглядимся въ ходъ всемірной исторіи, то мы легко убѣдимся, что появленіе формы человѣческаго коллектива въ видѣ «общества» соотвѣтствуетъ высшему развитію соціальной жизни. И въ древніе, и въ средніе вѣка мы найдемъ уже «общественныя» человѣческія объединенія. Но эти общества непремѣнно создаются черезъ «толпу», такъ какъ только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія стало возможно достаточно широкое общеніе между людьми безъ необходимости непосредственной близости. Полное же развитіе «общественныхъ» формъ человѣческаго объединенія стало возмож-

нымъ лишь со времени великой французской революціи, вызвавшей чрезвычайное развитіе прессы. Развитіе техники, давшей при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, автомобилей, телеграфа, телефона, радіопередачи, почты, а нынѣ и летательныхъ аппаратовъ, возможность быстраго и обширнѣйшаго общенія между людьми, дало въ XIX и XX вѣкахъ толчокъ къ интенсивному развитію «общественныхъ» объединеній рѣшительно во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни. Роль и проникновеніе этой формы человѣческаго объединенія въ культурныхъ государствахъ столь велики, что измѣняется и самая соціальная психика, которая все болѣе теряетъ черты психики «толпы» и пріобрѣтаетъ характеръ психики «общества».

Если мы обратимся теперь къ интересующей насъ непосредственно сферѣ войны, то нельзя не замѣтить полной аналогіи. Чрезвычайное развитіе огнестрѣльнаго оружія изгоняетъ съ поля боя «толпы». Развитіе авіаціи, совершающееся на нашихъ глазахъ, еще болѣе содѣйствуетъ «опустѣнію» полей страженія.

Чтобы оцѣнить всю степень происшедшаго измѣненія во внѣшнемъ видѣ боя, нужно только мысленно сопоставить батальныя картины, изображающія сраженія Наполеоновской эпохи, съ тѣмъ, что пришлось видѣть въ минувшую войну. Полотно современнаго художника-баталиста можетъ вмѣстить въ себѣ лишь изображеніе одного

изъ небольшихъ очаговъ боя, на тысячи и тысячи которыхъ разбивается современное сраженіе.

Вышеуказанное измѣненіе внѣшней формы боя соотвѣтствуетъ столь же радикальному измѣненію во внутреннемъ его строеніи, т. е. психологіи боя.

Психическій процессъ прежняго боя не могъ протекать иначе, какъ слѣдуя законамъ психики толпы.

Въ современномъ сраженіи «толпы» не играютъ той роли, какъ раньше. Если онѣ и образуются въ различныхъ очагахъ боя, то, во-первыхъ, эти «толпы» могутъ представлять собою лишь небольшія части войскъ, во-вторыхъ, эти очаги разрознены между собою во времени и пространствѣ. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о прежней подавляющей роли толпы. Слѣдовательно, и законы, которымъ подчиняется психическій процессъ современнаго боя, не исчерпываются одними законами «психологической» толпы.

Та же техника, которая дала современное огнестрѣльное оружіе, дала и богатыя и мощныя средства связи. Раздѣленныя между собой пространствомъ, войсковыя части, разрозненные очаги, на которые разбилось современное сраженіе, даже распылившіеся по полю сраженія бойцы могутъ быть объединены между собою. Но это объединеніе не создается, какъ прежде, «видимостью», другъ друга, т. е. непосредственнымъ чув-

ствомъ. Это объединеніе «умовое»; каждая, даже небольшая группа бойцовъ должна сознательно выполнять задачу, которая, какъ бы незначительна или мала она ни была, составляетъ логическое звено сложнаго плана дѣйствій, созданнаго умомъ старшихъ начальниковъ и разработаннаго ихъ штабами. Несомнѣнно, что и въ прежнихъ бояхъ, напримѣръ, въ бояхъ Суворова и Наполеона, «умовое» руководство тоже было на-лицо. Но въ виду главенствующаго значенія законовъ психологіи толпы, оно принимало несравненно болѣе ограниченный характеръ, нежели теперь. Центръ своего личнаго руководства боемъ и Суворовъ, и Наполеонъ должны были переносить въ область чувствъ тѣхъ массъ, которыя толпились на тогдашнихъ поляхъ битвъ. Несомнѣнно, что и въ нынѣшнее время такого рода управленіе будетъ также имѣть мѣсто, но это будетъ требоваться по преимуществу отъ строевыхъ командировъ. «Единство толпы», которое составляетъ характерную особенность маленькихъ полей сраженій прежнихъ эпохъ, теперь не существуетъ. Возможны только, какъ мы говорили выше, лишь небольшія скопленія войскъ въ отдѣльныхъ очагахъ боя. Поэтому психологическіе законы толпы могутъ вліять лишь на каждый изъ этихъ очаговъ боя въ отдѣльности, но теченіе всего сраженія, взятаго во всемъ его цѣломъ, должно подчиняться еще какимъ то другимъ, болѣе сложнымъ законамъ. Дѣйствительно, если мы внимательно

всмотримся во внутреннюю структуру боя, то мы увидимъ существенное различіе.

Сраженія прежнихъ эпохъ рѣзко дѣлятся на два періода: подготовительный и рѣшительный. Въ первый періодъ войска въ массахъ сводятся и сближаются для удара; этотъ періодъ измѣряется нѣсколькими часами и рѣдко захватываетъ два дня. Второй періодъ чрезвычайно быстротеченъ. Онъ представляетъ собою рѣзко очерченный моральный кризисъ для всего боя.. Это тотъ періодъ, въ который, по словамъ Наполеона, происходитъ « l'événement ».

Въ современномъ сраженіи рѣзкаго психологическаго дѣленія между подготовительнымъ и рѣшительнымъ періодами сраженія нѣтъ. Если есть различіе между началомъ и концомъ сраженія, которое длится недѣлями, то лишь въ томъ, что кризисы въ отдѣльныхъ очагахъ боя въ конечномъ его періодѣ учащаются, такъ какъ утомленныя многодневной борьбой части войскъ морально изнашиваются.

Отсутствіе рѣзко выраженнаго кризиса въ современныхъ сраженіяхъ отражается и на ходѣ самой войны; война современныхъ культурныхъ народовъ не можетъ быть рѣшена исходомъ одного сраженія, какъ это имѣло мѣсто во времена Наполеона. Если примѣнить любимое большевиками слово «ударность», то можно сказать, что «ударность» потеряла въ стратегіи современной большой войны свое прежнее исчерпывающее

значеніе и выросло значеніе «изнашиванія» и «истощенія».

7. — Необходимость созданія вспомогательной науки въ видѣ «психологіи войны».

Какой же общій выводъ нужно сдѣлать изъ всего изложеннаго выше?

Выводъ этотъ таковъ:

Соціологія войны требуетъ для своего обоснованія не только большой работы въ области индивидуальной психологіи, но еще болѣе обширной работы въ области коллективной военной психологіи. При этомъ рамки послѣдней должны быть раздвинуты и охватывать не только изученіе психики «толпы», но и всю область явленій, для которой мы не можемъ найти болѣе подходящаго наименованія, какъ «соціальная психика».

Въ чемъ должна заключаться работа въ этой, пока не обслѣдованной, области? Опять обширнѣйшій матеріалъ лежитъ сокрытымъ въ трудахъ по Военной Исторіи. Для того, чтобы найти его потребуется тщательная разработка и картотечная классификація.

Однимъ словомъ, здѣсь прійдется произвести работу, аналогичную съ той, на которую мы указывали выше, говоря о разработкѣ индивидуальной военной психологіи. Однако, въ самыхъ методахъ использованія собраннаго матеріала между индивидуальной и коллективной военной

психологіей будетъ нѣкоторая разница. Первая удѣлитъ большое вниманіе психоанализу, иначе говоря «качественной» сторонѣ наблюдаемаго явленія; коллективная же психологія, въ особенности въ ея части, изучающей «соціальную психологію», можетъ удѣлить большое вниманіе «количественному измѣренію изучаемаго явленія». Имѣя дѣло не съ отдѣльными индивидуумами, а съ ихъ массой, она можетъ широко использовать методъ статистическій и при помощи послѣдняго чаще, чѣмъ въ индивидуальной психологіи, находить выявленія «закона большого числа».

Параллельно съ вышеуказанной разработкой Военно-Историческаго метода, созданіе «спеціальной военной психологіи» требуетъ составленія ряда монографій. Работы послѣдняго рода ждетъ опытъ, пережитый человѣчествомъ въ 1914-1918 г. г. Къ такимъ монографическимъ работамъ должно быть приступлено безотлагательно, пока пережитыя впечатлѣнія еще свѣжи. Скромная попытка такого рода сдѣлана авторомъ въ его трудѣ «Russian Army in the World War», напечатанномъ Carnegie Endowment for International Peace [45].

Въ послѣднихъ двухъ главахъ этой книги авторъ пытается сдѣлать эскизъ процесса разложе-

---

45) Yale University Press. New-Haven. Connecticut. USA. 1931.

нія Русской арміи, приведшаго къ большевизму[46]. Но авторъ сознаетъ, что этотъ абрисъ долженъ быть значительно расширенъ анализомъ первоисточниковъ. Таковые же существуютъ въ изобиліи. Упомянемъ хотя бы о такъ называемыхъ «военно-цензурныхъ отчетахъ», которые изо дня въ день внимательно слѣдили за малѣйшими оттѣнками измѣненій въ настроеніи войскъ. Внимательный анализъ хотя бы этого первоисточника требуетъ многотомной монографіи, которая несомнѣнно явилась бы цѣннѣйшимъ вкладомъ въ «соціальную психологію». Индивидуальная военная психологія должна разсматриваться лишь какъ вспомогательный отдѣлъ «военной психологіи», которая въ основной своей части не можетъ быть иной, какъ «психологіей соціальной».

Невыполненіемъ этого основного, по нашему мнѣнію, положенія и грѣшатъ всѣ тѣ мало-

---

46) На эту же тему, авторъ представилъ письменный докладъ («**La désintégration de l'Armée Russe en 1917**») на XIII-мъ Международномъ Соціологическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ въ сентябрѣ 1937 г.

Примѣромъ того, насколько идеи соціологическаго изслѣдованія войны все еще не интересуютъ подавляющее большинство представителей общей соціологіи, можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ розданномъ участникамъ конгресса печатномъ сборникѣ резюме представленныхъ на Конгрессъ письменныхъ докладовъ, вышепоименованный докладъ автора былъ напечатанъ въ существенно извращенномъ видѣ.

численныя попытки создать военную психологію, которыя были до сихъ поръ сдѣланы.

Война создаетъ условія, при которыхъ дѣятельность людей каждаго изъ воюющихъ народовъ связывается между собою гораздо тѣснѣе, нежели въ мирное время. Поэтому сколько нибудь обобщающіе выводы, сдѣланные въ одной только области индивидуальной военной психологіи неминуемо осуждены на односторонность.

Однако, только что указанная опасность односторонности, которая грозитъ индивидуальной военной психологіи въ томъ случаѣ, когда она попытается приписать своимъ выводамъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ они этого заслуживаютъ, грозитъ также и всей военной психологіи. Явленія психической стороны войны, которую должна изслѣдовать военная психологія, протекаютъ не только въ духовной, но и въ матеріальной обстановкѣ. При этомъ взаимная зависимость между духовной и матеріальной стороной каждаго явленія войны настолько тѣсна, что онѣ органически н е р а з ъ е д и н и м ы. Напримѣръ: наличіе лучшаго вооруженія повышаетъ духъ арміи, обладающей имъ и понижаетъ духъ противоположной стороны; такой же моральный эффектъ производитъ и осознанное численное превосходство.

Какъ часто приходится встрѣчать у военныхъ писателей, желающихъ выдѣлить первостепенное значеніе духовнаго элемента на вой-

нѣ, упущеніе этой тѣсной, неразъединимой, взаимной зависимости между духовной и матеріальной сторонами явленій войны. Не избѣгъ подобной ошибки даже такой выдающійся военный ученый, какъ генералъ М. И. Драгомировъ. Для доказательства главенствующаго значенія духовнаго элемента въ арміи, онъ противопоставляетъ духовный элементъ матеріальному: храбраго бойца съ менѣе совершеннымъ оружіемъ — трусу съ лучшимъ оружіемъ. Ошибка подобнаго противопоставленія заключалась въ томъ, что наличіе отличнаго вооруженія вовсе не обязательно должно совпадать съ трусостью. Наоборотъ, какъ мы только что говорили выше, наличіе лучшаго вооруженія, при умѣніи владѣть имъ, не только ведетъ къ повышенію духа войскъ, но и къ пониженію такового же у непріятеля. Результатомъ подобнаго ошибочнаго разсужденія явился слѣдующій парадоксъ: мы, которые гораздо болѣе говорили до 1914 года о главенствующемъ значеніи духовнаго элемента въ войскахъ, нежели нѣмцы, выступили на войну съ артиллерійскимъ вооруженіемъ нашихъ дивизій въ два раза болѣе слабымъ, чѣмъ таковое въ германскихъ полевыхъ дивизіяхъ — и этимъ самымъ понизили духъ нашихъ войскъ — понизили вѣру въ свою непобѣдимость.

Вотъ почему, хотя военная психологія и изслѣдуетъ важнѣйшую сторону явленій войны, ея выводы не могутъ почитаться окончательными.

Таковые могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда духовная сторона явленій войны будетъ вновь возсоединена съ матеріальной стороной. Если принять выводы, сдѣланные военной психологіей за тезу, а выводы, полученные изъ изученія матеріальной стороны, за антитезу, то окончательный выводъ можетъ быть только синтезомъ (обобщеніемъ), а **не противопоставленіемъ.**

Отсюда слѣдуетъ, что военная психологія, даже въ широко раздвинутыхъ рамкахъ, можетъ быть лишь вспомогательной наукой для соціологіи войны, являющейся высшей синтетической наукой о войнѣ. А потому, если, съ одной стороны, созданіе соціологіи войны требуетъ скорѣйшаго созданія психологіи войны, то, съ другой стороны, послѣдняя сможетъ получить правильныя руководящія начала только при достаточномъ развитіи соціологіи войны.

ГЛАВА IV.

СТАТИСТИКА ВОЙНЫ.

1. — Зарожденіе «Военной Статистики» и первая попытка создать «Статистику войны».

Само собой разумѣется, что соціологія войны должна использовать весь богатый арсеналъ методовъ, который такъ плодотворно уже примѣняютъ болѣе развитыя отрасли науки объ обществѣ.

На первомъ мѣстѣ среди этихъ методовъ нужно поставить методъ статистическій, позволяющій примѣнять **количественное** измѣреніе многихъ изъ **качественныхъ** измѣненій, происходящихъ внутри общества. Отыскивая, при помощи этого метода проявленіе закона большого числа, изслѣдователь получаетъ возможность выяснить объективный ходъ соціальныхъ явленій.

Просматривая перечисленіе кафедръ военныхъ наукъ въ старой Русской Императорской Военной Академіи, мы увидимъ, что въ ней существовала, въ теченіе полувѣка до Міровой Вой-

ны кафедра по «Военной Статистикѣ». Таковая была создана по иниціативѣ профессора этой Академіи Д. Милютина. Однако, если читатель заинтересуется — какъ опредѣлялась той же Академіей задача вышепоименованной науки, то въ послѣднихъ программахъ этого учрежденія, онъ прочтетъ слѣдующее: цѣлью курса Военной Статистики является изученіе силъ и средствъ Россіи и сопредѣльныхъ съ нею Государствъ, со стратегическимъ обзоромъ тѣхъ частей, которыя могутъ стать раіономъ дѣйствія въ случаѣ войны.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ аналогичнымъ тому, которое мы обнаружили уже въ военно-исторической наукѣ. Основная задача, которую должна была обслуживать Высшая военная школа (каковой по существу дѣла и являлась наша Военная Академія) заключалась въ томъ, чтобы подготовить своихъ учениковъ къ веденію будущей войны. Поэтому, Военная статистика съузила свое поле научнаго изысканія однимъ только изученіемъ средствъ для веденія будущей войны, находящихся въ нашемъ распоряженіи, а также тѣхъ, которыя находятся въ рукахъ вѣроятныхъ противниковъ. Такой курсъ проходился во всѣхъ прочихъ (кромѣ Русской) Высшихъ Военныхъ Школахъ, именуясь, съ большимъ правомъ, «Военной Географіей» и «свѣдѣніями о военномъ могуществѣ иностранныхъ государствъ». Такимъ образомъ, починъ профессора ген. Д. А. Милютина, создать спеціальную во-

енную науку въ видѣ «Военной Статистики», былъ извращенъ его преемниками, введенными въ заблужденіе тѣмъ, что напечатанный въ видѣ диссертаціи трудъ Д. А. Милютина представлялъ собою лишь монографію, посвященную приложенію статистическихъ методовъ къ изученію въ 1847-48 г. г., потенціальной военной мощи Пруссіи. Войны 1866 и 1870 г. г. подтвердили всѣ предсказанія Милютина и его восторженные послѣдователи, загипнотизированные его замѣчательной военно-административной дѣятельностью въ качествѣ военнаго министра эпохи великихъ реформъ Александра II, недостаточно оцѣнили его научную заслугу, которая заключалась въ примѣненіи статистическаго метода въ области военной науки.

Ограниченіе кругозора официальной военной науки одними только рамками науки о веденіи войны, привело къ тому, что новые ростки «Военной Статистики» появились внѣ полей обрабатываемыхъ Высшей Военной Школой. Такимъ росткомъ является книга капитана Австро-Венгерскаго Ген. Штаба — Отто Берндта, подъ заглавіемъ — «Число на войнѣ»[1]. Отмѣтимъ здѣсь, что появленію этой книги въ свѣтъ помогло обстоятельство не имѣющее ничего общаго съ во-

---

1) Otto Berndt : « Der Zahl im Kriege ». Statistische Daten aus der neueren Kriegsgeschichte in graphischer Darstellung. Wien. 1897. Verlag von G. Freintag und Berndt.

енной наукой. Отецъ автора этой книги былъ однимъ изъ крупныхъ издателей Вѣны, вслѣдствіе чего, въ вопросѣ о напечатаніи этой книги отпадало самое трудно-преодолимое препятствіе: стремленіе издателя окупить свое изданіе. Не знаю каковы были коммерческіе результаты напечатанія книги капитана Отто Берндта, но одно можно сказать, — что она не обратила на себя того научнаго вниманія, которое она заслуживала.

Объектомъ статистическаго изслѣдованія Отто Берндта являются войны XIX-го столѣтія. Изучая число и продолжительность войнъ, численность армій въ наиболѣе крупныхъ операціяхъ, длину операціонныхъ линій и величину маршей, численность потерь въ важнѣйшихъ сраженіяхъ и осадахъ, онъ обнаружилъ нѣкоторую закономѣрность въ явленіяхъ войны. Въ особенности интересны его изслѣдованія о потеряхъ въ бою. Тутъ онъ намѣчаетъ новый методъ изслѣдованія явленій боя, который по нашему мнѣнію обѣщаетъ быть чрезвычайно плодотворнымъ для соціологическаго изслѣдованія войны.

Не всѣ выводы Отто Берндта пріемлемы; какъ всякій первый изслѣдователь, проникшій въ неизвѣданную еще область, онъ часто блуждаетъ. Однако, общее направленіе, взятое имъ, вѣрно и намъ остается лишь слѣдовать его примѣру.

Одна только таблица 66-я его книги, въ которой графически нанесены проценты потерь убитыми и ранеными («кровавыя» потери) сторонъ

дравшихся въ главныхъ сраженіяхъ Семилѣтней войны и войнъ первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка, открываетъ передъ соціологическимъ изученіемъ войны широкіе горизонты.

Прежде всего бросается въ глаза, что только въ двухъ сраженіяхъ изъ приведенныхъ Отто Бернтомъ, побѣдитель понесъ потери превышающія 25%. Этими сраженіями являлись Цорндорфъ и Асперпъ. Но, въ обоихъ случаяхъ побѣда, приписываемая въ первомъ случаѣ Пруссакамъ, а во второмъ — Австрійцамъ, является весьма условной. Столкнувшіяся подъ Цорндорфомъ въ 1757 году Прусская и Русская арміи «разбились другъ о друга»: Фридриху не удалось нанести сколько нибудь рѣшительнаго пораженія русской арміи, которая сохранила за собой поле сраженія. Правда, къ концу боя русская армія была отрѣзана отъ своего пути отступленія, но Фридрихъ II-й, за истощеніемъ своихъ войскъ, не могъ воспользоваться этимъ [2].

Столь же условную побѣду одержали въ 1809 году Австрійцы надъ Наполеономъ подъ Асперномъ. Хотя, въ результатѣ этого сраженія Наполеону и пришлось отвести большую часть своихъ войскъ, переправившихся черезъ Дунай, обратно, тѣмъ не менѣе, «побѣдитель» его —

2) Статья профессора ген. А. К. Баіова во 2-мъ томѣ «Исторіи Русской Арміи и Флота», стр. 31, изд. «Образованіе», Москва, 1911 г.

эрцгерцогъ Карлъ, настолько самъ «разбился», что не только не помѣшалъ этой обратной переправѣ, но даже не смогъ оттѣснить французскихъ аръергардовъ, зацѣпившихся на сѣверномъ берегу Дуная.

Вотъ почему можно установить, что для сраженій второй половины XVIII и всего XIX вѣка предѣломъ наибольшей моральной упругости войскъ, послѣ котораго они не способны уже къ побѣдѣ, являются кровавыя потери въ 25%.

Насколько противорѣчитъ этотъ выводъ обыденному представленію о непобѣжденныхъ войскахъ, дравшихся до послѣдняго человѣка! «Слова Полибія», — пишетъ Арданъ дю Пикъ въ своемъ классическомъ психоанализѣ сраженія у Каннъ, «большая часть осталась на мѣстѣ, защищаясь доблестно до послѣдней крайности — освящены задолго до Полибія; побѣжденные утѣшаются мыслью о своей храбрости, а побѣдители никогда не оспариваютъ ихъ. Къ несчастью, цифры на лицо».

Разсматривая взаимоотношенія кровавыхъ потерь побѣдителя и побѣжденнаго, Отто Берндтъ пишетъ: «въ Семилѣтнюю войну, такъ же какъ и въ войнахъ Наполеона, побѣдитель терялъ убитыми и ранеными меньше, чѣмъ побѣжденные

---

3) «Изслѣдованіе боя», — Русскій переводъ, стр. 21.

(для Семилѣтней войны — 14% и 19%, для Наполеоновскихъ войнъ — 12% и 19%). Въ большихъ же войнахъ второй половины XIX столѣтія, проценты кровавыхъ потерь побѣдителя и побѣжденнаго сравниваются. Въ первую половину франко-прусской войны 1870-71 г. г. — % потерь у побѣдителя даже превышаетъ таковой у побѣжденнаго (нѣмцы 10%, французы 9%). Въ войну 1866 г. это взаимоотношеніе остается еще прежнимъ — 7 : 9, но это обусловливается большимъ качественнымъ превосходствомъ прусскаго ружья, иначе же это соотношеніе оказалось бы подобнымъ тому, которое установлено для 1859 г. (8% побѣдитель и 8½ побѣжденный). Такимъ образомъ, можно считать вѣрнымъ предположеніе, что въ современныхъ войнахъ, при равномъ вооруженіи сторонъ, побѣдитель будетъ нести въ среднемъ, по крайней мѣрѣ такія же кровавыя потери, какъ и побѣжденный».

Фактъ одержанія побѣды стороной, понесшей большія относительно кровавыя потери нежели побѣжденный, приводитъ Отто Берндта къ заключенію, что воздѣйствіе потерь на сражающуюся армію имѣетъ не столько матеріальное, сколько моральное значеніе. «Моральный эффектъ равнаго процента потерь для каждаго изъ сражающихся далеко не одинаковъ. Тѣ же размѣры потерь подавляютъ духъ одного и вызываютъ болѣе быстрый процессъ моральнаго раз-

ложенія нежели у другого, а тогда, этотъ другой и становится побѣдителемъ...»

«Фактъ, что одинаковыя потери въ различныхъ условіяхъ обстановки дѣйствуютъ по разному, есть послѣдствіе многообразныхъ причинъ. Прежде всего боеспособность войскъ, затѣмъ — физическое и моральное состояніе войскъ ко времени боя, искусство и мудрость полководческаго управленія, срокъ времени въ теченіе котораго понесены потери, наконецъ — формы боя (наступленіе или оборона), меньшая или большая устойчивость и энергія командованія..... всѣ эти данныя обуславливаютъ моральный эффектъ потерь, а слѣдовательно, вліяютъ на положительный или отрицательный исходъ боя».

«Въ сложномъ переплетѣ многочисленныхъ частныхъ успѣховъ и неудачъ частныхъ боевыхъ столкновеній изъ которыхъ неизбѣжно складывается большое сраженіе, воздѣйствіе потерь въ различныхъ частяхъ одной и той же арміи не будетъ одинаково — и вѣсы судьбы долго будутъ колебаться. Но, по мѣрѣ того, какъ этотъ чрезвычайно сложный комплексъ частныхъ боевыхъ столкновеній начинаетъ принимать все болѣе и болѣе однородный характеръ, стрѣлка вѣсовъ начнетъ склоняться все болѣе опредѣленно на одну изъ сторонъ циферблата; на полѣ сраженія для каждаго изъ враговъ это выразится въ общемъ движеніи колебавшагося до этой поры

фронта — впередъ или назадъ, и начнетъ обрисовываться побѣда или пораженіе».

«Перечисляя данныя обуславливающія способность войскъ выдерживать большой процентъ потерь, мы поставили на первомъ мѣстѣ ихъ боеспособность. Можно считать не подлежащимъ спору, что въ отношеніи способности переносить потери войсковыя части представляютъ собой великое разнообразіе. Въ то время, какъ одна часть даже послѣ большого % потерь продолжаетъ оставаться боеспособной, другая — дойдя до этого же уровня потерь, является разбитой. Отборныя войска, ударныя единицы, выдерживаютъ гораздо большія потери нежели войска низшихъ категорій. Въ этомъ отношеніи очень показательно слѣдующее: въ первый періодъ Франко-Прусской войны 1870-71 г. г., когда сражались только регулярныя войска, средній (для обѣихъ сторонъ) % потерь въ сраженіяхъ этого періода измѣряется числомъ 9½; во второй же періодъ этой войны, когда на французской сторонѣ дрались почти исключительно наскоро сформированныя ополченія, упоминаемый нами процентъ падаетъ до 3-хъ. Сраженія у Коморна и Темешвара въ войну 1848-49 г. г. противъ Венгерскихъ инсургентовъ вызываютъ тоже очень маленькій средній % кровавыхъ потерь, а именно: 1½. Другіе примѣры только подтверждаютъ это правило».

«Безъ опасенія впасть въ крупную ошибку,

можно сдѣлать и обратный выводъ: на основаніи размѣровъ выдерживаемыхъ войсковой частью % потерь судить о ея боеспособности...»

«Психическія свойства народа, массы котораго составляютъ толщу арміи, тоже обуславливаютъ размѣры потерь, которыя эта армія способна выдерживать. И здѣсь встрѣчается нѣкоторое разнообразіе. Такъ, напримѣръ большинство сраженій въ которыхъ русскіе дрались противъ равноцѣннаго врага, являются очень для нихъ кровопролитными: Цорндорфъ — 43%, Кунерсдорфъ — 43%, Аустерлицъ — 15%, (Прейсишъ) Эйлау — 28%, Фридландъ — 24%, Бородино — 31%, Варшава — 18%, Инкерманъ — 24%, Первая Плевна — 28%, Вторая Плевна — 28%, Третья Плевна — 17%, и т. д. Напротивъ, вездѣ, гдѣ дерутся Итальянцы мы всегда встрѣчаемъ небольшія потери. Они проиграли сраженіе у Санта Лючія потерявъ 2%, у Кустоццы[4] 1.2%, у Мортары 2,2%, у Новарры 5%... Можно найти нѣкоторое объясненіе этому явленію въ особенностяхъ театра военныхъ дѣйствій, однако, видѣть въ этомъ послѣднемъ исчерпывающее объясненіе — нельзя»[5].

---

4) Въ 1848 г.

5) Отто Берндтъ. Стр. 151, 152.

2. — Углубленіе этой попытки разработкой статистики потерь въ бояхъ съ 1618 по 1905 г. г.

Хотя, какъ я говорилъ выше, работа Отто Берндта не обратила на себя того вниманія спеціалистовъ, котораго она заслуживала, тѣмъ не менѣе она нашла себѣ достойнаго послѣдователя. Таковымъ явился Гастонъ Бодартъ [6]. Трудъ этого австрійскаго ученаго посвященъ спеціальному статистическому изслѣдованію потерь въ бояхъ трехъ столѣтій — съ 1618 г. по 1905 г. включительно. Въ это изслѣдованіе включены не только главныя сраженія (какъ это сдѣлано Отто Берндтомъ), но и всѣ менѣе значительные бои въ которыхъ общія потери [7] для обѣихъ сторонъ не менѣе 1000 человѣкъ для сухопутныхъ столкновеній и 500 для морскихъ. Это привело Гастона Бодарта къ изученію 1700 боевъ.

«Поля сраженій являются вѣхами міровой исторіи», такъ начинаетъ свой трудъ Гастонъ Бодартъ [8]. «Остановка и дальнѣйшее развитіе, паденіе и разрушеніе цѣлыхъ государствъ, существованіе цѣлыхъ народовъ, предрѣшаются на этихъ поляхъ...»

---

6) Dr. Gaston Bodart : « Militaer - historisches Kriegs-Lexicon (1618-1905) ». Wien und Leipzig, 1908. Verlag C. W. Stern.

7) Т. е. убитыми и ранеными, пропавшими безъ вѣсти и плѣнными.

8) Стр. 33-44.

«Исторія должна нестираемыми буквами вписывать на своихъ скрижаляхъ эти главныя сраженія. Задачей военной исторіи является возстановить для потомства общій ходъ и детали этихъ сраженій, а также и другихъ менѣе важныхъ боевъ. Военно-статистическое изслѣдованіе задается совершенно спеціальной задачей: оно должно привести въ порядокъ и точно установить тотъ числовой матеріалъ, который способствуетъ количественному измѣренію различныхъ сторонъ и явленій войны. Среди этого матеріала особое значеніе пріобрѣтаютъ численность сражавшихся войскъ и ихъ потерь...»

«Однако, и послѣ установленія съ наибольшей точностью этихъ необходимѣйшихъ для Исторіи чиселъ, работа статистика не оканчивается. Тутъ начинается спеціальная область военной статистики, которая нуждается въ сборѣ многочисленныхъ, самихъ по себѣ кажущихся совершенно незначительными деталей, а также, въ подробнѣйшемъ анализѣ составныхъ частей вышеупомянутыхъ главныхъ чиселъ...»

«Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ для статистики распредѣленіе общей цифры потерь на категоріи убитыхъ и раненыхъ, т. е. к р о в а в ы я п о т е р и — съ одной стороны, и категоріи плѣнныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ — съ другой. Процентъ кровавыхъ потерь представляетъ собой наиболѣе объективный показатель дѣйствительности оружія, боеспособ-

ности войскъ и мужества съ которымъ они сражались, а также упорства боя».

«Особаго вниманія статистики заслуживаютъ кровавыя потери офицерскаго и генеральскаго состава, т. к. онѣ являются лучшимъ повѣрочнымъ коэфиціентомъ для сужденія объ общей величинѣ кровавыхъ потерь арміи. Взаимоотношеніе процента офицерскихъ и солдатскихъ потерь въ рамкахъ одной и той же національности, мало измѣняется. Въ виду же того, что первыя болѣе точно устанавливаются изъ именныхъ списковъ, онѣ помогаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствуютъ точныя данныя о солдатскихъ потеряхъ, приблизительному ихъ опредѣленію. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда данныя о потеряхъ арміи искажены, офицерскія потери даютъ возможность ввести въ эти искаженія соотвѣтствующія поправки».

«Въ настоящемъ трудѣ составитель», пишетъ далѣе Гастонъ Бодартъ, « и задался цѣлью съ помощью всевозможныхъ источниковъ установить численность войскъ и потери ихъ въ важнѣйшихъ сраженіяхъ, бояхъ, осадахъ и т. п., начиная съ 1618 г. до нашихъ дней; расположивъ эти данныя въ хронологическомъ порядкѣ, онъ сопоставляетъ ихъ затѣмъ между собою, дабы обнаружить существующія закономѣрности».

«Эта задача оказалась далеко не легкой. Многіе историки, особенно XVII и XVIII вѣковъ, въ цѣляхъ прославленія своихъ соплеменниковъ пре-

уменьшаютъ численность своихъ силъ и преувеличиваютъ силы врага. Въ еще большей мѣрѣ извращается истина въ вопросѣ о потеряхъ. Уже съ самыхъ давнихъ временъ полководцы одержавшіе побѣду проявляютъ склонность къ преувеличенію потерь побѣжденнаго врага, какъ въ людяхъ, такъ и въ матеріальной части; преуменьшая одновременно таковыя у себя, они стремятся создать картину наиболѣе полной побѣды. Побѣжденные же поступаютъ обратно; значительно уменьшая свои потери и сильно преувеличивая потери побѣдившаго врага, они стараются создать впечатлѣніе, что одержанная надъ ними побѣда была меньше и при этомъ куплена несоотвѣтственно большой цѣной крови».

«Истинные размѣры потерь остаются поэтому долго неизвѣстными и данныя о нихъ проникаютъ въ печать лишь много лѣтъ спустя».

«За послѣдніе тридцать лѣтъ во всѣхъ крупныхъ государствахъ предприняты военно-историческія изысканія, основывающіяся на тщательномъ изученіи архивовъ. Эти работы способствуютъ проникновенію луча истины во многія до сихъ поръ темныя мѣста Исторіи. Многочисленныя официальныя изданія, касающіяся войнъ «новѣйшаго времени» (1815 по 1905 г. г.) уже обладаютъ качествами достаточно объективнаго научнаго изслѣдованія и не боятся вскрывать даже непріятную правду».

«Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ не такъ, ес-

ли мы пожелаемъ проникнуть въ глубь Исторіи и, удаляясь отъ 1815 г., будемъ приближаться къ 1500. За исключеніемъ войнъ за Австрійское Наслѣдство и Семилѣтней, мы найдемъ въ Исторіи другихъ войнъ XVIII столѣтія большіе пробѣлы. Когда же коснемся войнъ XVII вѣка, то мы должны съ сожалѣніемъ констатировать, что даже нѣкоторыя изъ главныхъ сраженій 30-лѣтней войны, а также эпохи Людовика XIV покрыты мракомъ неизвѣстности и выдающіеся историки, попытавшіеся проникнуть въ эту область, пришли къ противорѣчащимъ другъ другу выводамъ».

«...Можно было бы предположить, что время, когда въ Европѣ царствовало величайшее военное напряженіе, а именно, въ эпоху революціонныхъ (1792-1801 г. г.) и Наполеоновскихъ (1805-1815 г. г.) войнъ, вызвавшее богатѣйшую военную литературу на всѣхъ языкахъ, предоставитъ военному статистику обильный числовой матеріалъ. Увы, это не такъ. Любознательный изслѣдователь періода 1792-1815 г. г. встрѣтитъ большія затрудненія, частью вслѣдствіе хаоса во французской отчетности, частью вслѣдствіе предвзятости и шовинизма составителей французскихъ документовъ».

«Тѣмъ съ большимъ интересомъ нужно отнестись къ появившемуся недавно труду французскаго архивиста A. Martinien : «Tableaux

des officiers tués ou blessés pendant les guerres de 1805 à 1815 ».

«Составитель этой работы потрудился надъ возстановленіемъ именныхъ списковъ французскихъ офицеровъ убитыхъ или раненыхъ въ знаменитыхъ походахъ 1805-1815 г. г. Только что упомянутые списки составлены по полкамъ и заключаютъ въ себѣ 60.000 именъ».

«Кропотливая работа Мартиніена позволяетъ теперь точно установить кровавыя офицерскія потери, по крайней мѣрѣ для французской стороны; а это, въ свою очередь, даетъ ключъ къ правильной, хотя и приближенной оцѣнкѣ кровавыхъ потерь солдатскаго состава французской арміи».

«Многія данныя о потеряхъ, которыя повторялись 100 лѣтъ въ трудахъ даже выдающихся историковъ, подлежатъ нынѣ переоцѣнкѣ на основаніи данныхъ труда Мартиніена».

«Только что сказанное, мы пояснимъ на примѣрѣ особенно интересномъ для насъ — австрійцевъ. Возьмемъ изъ труда Мартиніена данныя о французскихъ офицерскихъ потеряхъ въ трехъ главнѣйшихъ сраженіяхъ, разыгравшихся на австрійской территоріи: Аустерлицъ 2-го декабря 1805 г., Асперн 22-23 мая 1809 г., Ваграмъ 5-6 іюля 1809 г. Французы потеряли убитыми и ранеными: подъ Аустерлицемъ — 14 генераловъ и 605 штабъ и оберъ-офицеровъ; подъ Асперномъ — 22 генерала и 905 штабъ и оберъ-офицеровъ;

подъ Ваграмомъ — 42 генерала и 1762 штабъ и оберъ-офицера. Принятыя до сихъ поръ цифры о кровавыхъ потеряхъ Наполеоновской арміи въ этихъ сраженіяхъ таковы: подъ Аустерлицемъ — 6.800, подъ Асперномъ — 42.000, подъ Ваграмомъ — 23.000. Если эти цифры вѣрны, то выходитъ, что въ кровавыхъ потеряхъ понесенныхъ французской арміей офицеры составляли: подъ Аустерлицемъ — 9,5%, подъ Асперномъ — 2,4%, подъ Ваграмомъ — 8%. Это сразу же указываетъ на неправдоподобность цифръ».

«Трудно допустить, чтобы блестящая и полная побѣда, которая была одержана Наполеономъ подъ Аустерлицемъ, была куплена столь исключительно большой по своимъ размѣрамъ цѣной офицерскихъ потерь (десятая часть всѣхъ кровавыхъ потерь). Сомнѣніе въ томъ, что одержаніе Наполеономъ Аустерлицкой побѣды потребовало столь высокой жертвенности офицерскаго состава, усиливается, если вспомнить, что въ 1805 г. французская армія во всѣхъ отношеніяхъ превосходила арміи ея враговъ. Нельзя также предполагать, что штурмъ Праценскихъ высотъ потребовалъ отъ французовъ большихъ офицерскихъ потерь. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, можно съ большимъ основаніемъ считать, что относительные размѣры офицерскихъ потерь французской арміи подъ Аустерлицемъ не отличаются отъ таковыхъ въ большинствѣ крупныхъ сраженій этой эпохи, а именно, 5-6 % общаго чи-

сла убитыхъ и раненыхъ; эта цифра остается постоянной для французской арміи за періодъ отъ Семилѣтней войны до новѣйшихъ временъ. Руководствуясь этой средней величиной, и принявъ офицерскія потери за коэфиціентъ, мы получимъ, что общія кровавыя потери Наполеона подъ Аустерлицемъ должны исчисляться въ круглыхъ цифрахъ около 10.000 человѣкъ. Послѣднее доводитъ процентъ кровавыхъ потерь французской арміи подъ Аустерлицемъ до 15%, процента не представляющаго чего либо необыкновеннаго для Наполеоновскихъ войнъ и который его тогдашнія войска хорошо переносили».

«Исходя изъ аналогичнаго основанія, намъ кажется, что французскія потери въ Ваграмскомъ сраженіи сильно преуменьшены. Хотя и не можетъ быть сомнѣнія въ превосходствѣ командованія на французской сторонѣ, но въ то же время нужно имѣть въ виду, что въ качественномъ отношеніи дравшаяся противъ французовъ Австрійская армія не уступала имъ; храбрость, съ которой она дралась, свидѣтельствуется ея потерями (750 офицеровъ и 20.000 солдатъ)...»

«...Вслѣдствіе этого, гораздо правдоподобнѣе опредѣлить общую цифру потерь Наполеона подъ Ваграмомъ, исходя изъ положенія, что офицерскія потери французской арміи составляютъ въ среднемъ 5-6 % этой величины. Это приводитъ насъ къ 30.000, вмѣсто 23.000».

«Иначе обстоитъ дѣло съ потерями при ата-

кѣ укрѣпленной позиціи Австрійцевъ подъ Асперномъ. Относительная незначительность французскихъ офицерскихъ потерь (2,4%) никакъ не вяжется съ небывалымъ упорствомъ боевъ. Какимъ образомъ могло бы случиться, что французское офицерство въ сраженіи, въ которомъ непобѣдимый до сей поры въ полевомъ бою полководецъ принужденъ былъ къ отступленію, проявило меньше геройства, чѣмъ въ кровавыхъ походахъ 1805, 1806, 1807 и 1808 г. г.? Гораздо правильнѣе считать, что французскія офицерскія потери подъ Асперномъ не отходятъ отъ своего нормальнаго процента (5%-6%), а слѣдовательно, считать повторяемую до сей поры общую цифру кровавыхъ потерь въ 42.000 сильно преувеличенной. Для того, чтобы усумниться въ ней, нужно еще обратить вниманіе на то, что она превосходитъ половину численности всѣхъ сражавшихся подъ Асперномъ французскихъ войскъ — что мало вѣроятно. Несомнѣнно, что приводя эту цифру, Австрійскіе источники зашли слишкомъ далеко въ своемъ желаніи прославить побѣду надъ Наполеономъ и почти удвоили число франц. потерь. Таковыя же, какъ явствуетъ изъ нашего анализа, не могли быть больше австрійскихъ (23.000)».

«Изъ вышеприведенныхъ трехъ примѣровъ видно, что провѣрка размѣровъ общихъ кровавыхъ потерь при помощи коэфиціента офицерскихъ потерь оказываетъ большую помощь для

вскрытія истины въ вопросѣ важнѣйшаго количественнаго измѣренія результатовъ боя. Поэтому, является чрезвычайно желательнымъ, чтобы трудъ г-на Мартиніена нашелъ продолжателей и были бы опубликованы списки французскихъ офицерскихъ потерь въ войнахъ съ 1643 по 1805 г. г. и съ 1815 по 1896 г. г. Столь же желательно, чтобы примѣръ г-на Мартиніена нашелъ подражателей въ другихъ государствахъ и въ архивахъ этихъ послѣднихъ были произведены подобныя же изысканія».

Я привелъ эту выдержку изъ вступленія къ труду Гастона Бодарта, чтобы показать, какъ велика та работа, которая была имъ произведена. Несомнѣнно, что она гораздо глубже и полнѣе, нежели работа Отто Берндта.

Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ нужно отнестись къ выводамъ Бодарта. Таковыхъ въ его трудѣ много и мы упомянемъ здѣсь для иллюстраціи лишь о нѣкоторыхъ.

«Проценты кровавыхъ потерь подвергались въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій значительнымъ колебаніямъ и показываютъ, — что до послѣдней войны на Востокѣ Азіи (русско-японская война 1904-1905 г. г.) они замѣтно шли на пониженіе».

«Сравнительное изученіе 30 главнѣйшихъ сраженій XVI вѣка показываетъ, что, въ среднемъ, кровавыя потери измѣрялись у побѣдителя 10%, а у побѣжденнаго — 40%. Оно пока-

зываетъ также, что число убитыхъ значительно превышало число раненыхъ и что весьма мало было число взятыхъ плѣнныхъ. Съ начала XVI-го столѣтія главную часть армій — французской, итальянской, испанской и венеціанской — составляли наемники - профессіоналы (швейцарцы, ландскнехты). Бои рѣшались рукопашной схваткой, кончавшейся избіеніемъ побѣжденнаго. Пощада давалась только рыцарямъ, людямъ благороднаго происхожденія или генераламъ, за которыхъ можно было получить хорошій выкупъ. Прочій людъ безпощадно уничтожался».

«Другую причину кровавости (среднее для обѣихъ сторонъ — 25%) тогдашнихъ главныхъ боевъ нужно искать въ томъ, что многія изъ войнъ этой эпохи носили религіозный или классовый характеръ, а такія войны, какъ извѣстно, всегда болѣе жестоки нежели войны національныя или расовыя. Сраженія крестьянскихъ войнъ (1524-25 г. г.) оканчивались большей частью полнымъ истребленіемъ крестьянскихъ ополченій; сраженія же и боевыя столкновенія гугенотскихъ войнъ во Франціи были несравненно болѣе жестокими, нежели войны, ведшіяся въ то же время Франціей противъ Испаніи и Германской Имперіи...»

«Сравнительное изученіе 30 важнѣйшихъ сраженій Тридцатилѣтней войны (1618-1648 г. г.) даетъ намъ кровавыя потери у побѣдителя въ 15% и у побѣжденнаго въ 30%. Одновременно,

съ уменьшеніемъ общей кровавости боевъ по сравненію съ предшествующей эпохой, начинаетъ расти численность плѣнныхъ».

«Веденіе войны становится еще болѣе гуманнымъ въ эпоху Людовика XIV. Число захватываемыхъ плѣнныхъ еще возрастаетъ. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи у Гогенштедта (13 августа 1704 г.) побѣжденные французы потеряли 15.000 убитыми и ранеными и 15.000 плѣнными. Средній процентъ кровавыхъ потерь въ сраженіяхъ этой эпохи (1648-1715 г. г.) измѣряется у побѣдителя 11%, а у побѣжденнаго — 23%».

«Во время Сѣверной войны (1700-1721 г. г.) и войны за Польское Наслѣдство (1732-1733 г. г.) этотъ процентъ измѣняется незначительно. Въ важнѣйшихъ же сраженіяхъ, столь обильной ими эпохи, Фридриха II, процентъ кровавыхъ потерь побѣдителя остается около цифры 11% и лишь уменьшается для побѣжденныхъ до 17%. Численность же захватываемыхъ плѣнныхъ часто превышаетъ численность кровавыхъ потерь (Россбахъ 5-го ноября 1757 г., Лейтенъ 5-го декабря 1757 г.)».

« Во время войнъ франц. революціи (1792-1801 г. г.) проценты кровавыхъ потерь продолжаютъ падать; онъ исчисляется у побѣдителя въ 9%, а у побѣжденнаго — въ 16%. Но въ Наполеоновскую эпоху (1805-1815 г. г.) этотъ процентъ повышается и нѣсколько даже превосходитъ эпоху Людовика XIV. Побѣдитель теряетъ

теперь 15%, а побѣжденный — 20%. Столь высокій средній процентъ кровавыхъ потерь не встрѣчается ни въ одну изъ послѣдующихъ войнъ XIX вѣка, даже въ Сѣверо-Американской гражданской войнѣ. Объясненіе высокаго процента кровавыхъ потерь въ Наполеоновскихъ сраженіяхъ нужно искать въ томъ, что ни одинъ изъ полководцевъ, бывшихъ послѣ него, не смогъ потребовать отъ своихъ войскъ столь большого боевого напряженія. Этотъ великій полководецъ сумѣлъ довести боеспособность созданной имъ французской арміи до столь высокаго уровня, что она смогла вести чрезвычайно кровавые бои (Аустерлицъ — 15,3%, Ауэрштедтъ — 25%, Эйлау — 31,4% [9], Аспернъ — 29% [10], Ваграмъ — 20%, Албуэра — 44% [11], Бородино — 27% [12], Березина 30% [13])».

«...Войны новѣйшаго времени менѣе кровопролитны, чѣмъ Наполеоновскія. Среднія кровавыя потери для обѣихъ дравшихся сторонъ въ

---

9) Сраженіе со спорнымъ результатомъ. (Прим. Н. Н. Г.).

10) Сраженіе проигранное французами. (Прим. Н. Н. Г.).

11) Сраженіе проигранное французами. (Прим. Н. Н. Г.).

12) Сраженіе со спорнымъ результатомъ. (Прим. Н. Н. Г.).

13) Сраженіе проигранное французами. (Прим. Н. Н. Г.).

сраженіяхъ Русско-Турецкой войны 1828-1829 г. г., Русско-Польской войны 1830-31 г. г., Сѣверо-Американской войны 1861-65 г. г., исчисляются въ 14%; такія же потери для сраженій въ Австро-Итальянскую войну 1848-49 г. г., такъ же, какъ и во время усмиренія Венгерскаго возстанія, измѣряются лишь 4%; Крымская война (1853-56 г. г.) повышаетъ разсматриваемый нами процентъ до 12%. Въ итальянскія же войны этотъ % опять падаетъ: въ 1859 г. онъ падаетъ до 9,5%, а въ 1866 г. — до 8%. Франко-Прусская война 1870-71 г. г. даетъ (среднее за 20 сраженій) только 7,5%. Русско-Турецкая война 1877-78 г. г. вновь повышаетъ процентъ до 14%, въ то время какъ Англо-Бурская война роняетъ его до 5%».

«Появившіяся до настоящаго времени въ печати данныя для Русско-Японской войны (1904-1905 г. г.) позволяютъ съ нѣкоторой вѣроятностью утверждать, что потери побѣдителя въ среднемъ измѣряются 12%, а побѣжденнаго — 16%. Если только что названная нами война на Дальнемъ Востокѣ, несмотря на примѣненіе несравненно болѣе дальнобойнаго и болѣе могущественнаго огнестрѣльнаго оружія и даетъ, къ счастью, меньшій относительно размѣръ процента кровавыхъ потерь, чѣмъ въ эпоху Фридриха II и Людовика XIV, тѣмъ не менѣе она показываетъ колоссальный ростъ въ современную эпоху абсолютнаго числа потерь. Въ Мукденскомъ сраже-

ніи таковое достигаетъ 140.000, но это обусловливается тѣмъ что и численность участвовавшихъ въ сраженіи людей достигла небывалыхъ размѣровъ (610.000)...».

Интересно здѣсь сопоставить вышеприведенные выводы Г. Бодарта съ выводами Отто Берндта. Послѣдній тоже пришелъ къ заключенію, что, съ теченіемъ времени, смертоносность (% кровавыхъ потерь) сраженій уменьшается[14] и что усовершенствованное оружіе, измѣняя пріемы борьбы, не ведетъ къ увеличенію % кровавыхъ потерь[15].

Надъ этими выводами Отто Берндта, напечатанными въ 1897 году, много смѣялись. Въ особенности насмѣхались надъ ними публицисты гражданской печати.

Г. Бодартъ, предпринявшій болѣе подробное и обширное статистическое обслѣдованіе войны, пришелъ, какъ мы видѣли, къ тѣмъ же выводамъ.

Минувшая великая Европейская война какъ будто бы ярко показала несостоятельность выводовъ Берндта и Г. Бодарта. Однако, даже небольшія попытки дѣйствительно научно разобраться въ этомъ вопросѣ показываютъ, что кажущееся для обыденнаго мнѣнія совершенно яс-

14) «Der Zahl im Kriege».
15) Тамъ же, стр. 159.

нымъ и простымъ, на дѣлѣ не является таковымъ. Въ «Милитеръ Вохенъ Блатъ»[16] были напечатаны статьи германскаго генерала Маркса подъ заглавіемъ «Потери нашей пѣхоты въ 1870 и въ 1914 годахъ». Работа эта произведена на основаніи кропотливаго изслѣдованія Исторій отдѣльныхъ германскихъ пѣхотныхъ полковъ, принимавшихъ участіе въ этихъ войнахъ. Для сравненія имъ взяты первые рѣшительные бои кампаній 1914 и 1870 годовъ. Для 1870 года онъ беретъ (въ зависимости отъ того, въ какомъ изъ сраженій впервые дрался соотвѣтствующій пѣхотный полкъ): Вертъ, Шпихернъ, Коломбэ, Віонвилль, Гравелотъ или Бомонъ. Для 1914 года — Монсъ (для полковъ первой германской арміи), Намюръ (для второй), Ретель для саксонскихъ полковъ 3-й арміи и т. д. Для русскаго фронта: Гумбинненъ и Танненбергъ. То есть, не отдѣльныя стычки и столкновенія въ началѣ войны, а дѣйствительно первый, въ каждую изъ этихъ кампаній, рѣшающій бой, въ которомъ принялъ участіе соотвѣтствующій пѣхотный полкъ германской арміи.

Всего онъ даетъ цифры для 82 прусскихъ и двухъ баварскихъ полковъ, принимавшихъ участіе въ обѣихъ этихъ войнахъ. Казалось бы, что

16) « Militaer Wochenblatt », № 15, 1937. Seiten 903-908. « Die Verluste unserer Infanterie in den Erst-Schlachten 1870 und 1914 », von General-Leut. a. D. Marks.

масштабъ обѣихъ этихъ войнъ настолько несоизмѣримъ, сила оружія настолько возросла (вмѣсто французскаго ружья Шаспо — современная винтовка Лебеля и хоть и мало, но все таки по нѣсколько пулеметовъ на полкъ, не говоря уже объ артиллеріи), что сопоставленіе потерь должно было бы оправдать широко распространенное мнѣніе о гораздо большей кровопролитности современныхъ боевъ, по сравненію съ войнами XIX вѣка.

Цифры, однако, говорятъ совсѣмъ другое.

Оказывается, что потери этихъ 84 полковъ въ первыхъ ихъ бояхъ въ 1870 и 1914 годахъ составили: для франко-прусской войны, примѣрно, 44½ тысячи человѣкъ, а для кампаніи 1914 года только 25½ тысячъ. То есть потери 1914 года почти на четыре девятыхъ меньше потерь 1870 года...

Методъ изслѣдованія генерала Маркса и безусловная его добросовѣстность исключаютъ возможность ошибки. Къ тому же постояннымъ его читателямъ извѣстна его исключительная непредвзятость и стремленіе добиться истины, несмотря на наличіе получившихъ силу закона предразсудковъ.

Выходитъ поэтому, что среднія потери пѣхотнаго полка въ первомъ его бою въ 1870 году составили на кругъ около 530 человѣкъ, а въ 1914 году только 300. Выводъ совершенно

неожиданный. Да и самъ генералъ Марксъ откровенно сознается, что приступая къ своимъ подсчетамъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ въ совершенно обратномъ результатѣ.

Между прочимъ, очень любопытно, что, при сопоставленіи даваемыхъ имъ цифръ потерь въ 1914 году (въ первыхъ бояхъ каждаго пѣхотнаго полка), онѣ нѣсколько выше для нашего фронта, по сравненію съ французскимъ. Такимъ образомъ, для Гумбиннена, на кругъ, потери каждаго изъ пѣхотныхъ полковъ даютъ 340, вмѣсто средней въ 300 человѣкъ. Выводъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что для сравненія имъ взято 6 полковъ изъ общаго числа 84, то есть цифра примѣрно отвѣчавшая соотношенію кадровыхъ пѣхотныхъ полковъ на обоихъ фронтахъ.

Иными словами выводы генерала Маркса сводятся къ тому, что въ первыхъ крупныхъ сраженіяхъ 1914 года германская пѣхота несла почти въ два раза меньшія потери, чѣмъ въ 1870 году.

Профессоръ полковникъ А. А. Зайцовъ въ своей статьѣ «Странныя, но, какъ будто, вѣрныя цифры»[17], такъ оцѣниваетъ этотъ фактъ: «Намъ кажется, что отвѣтъ надо искать въ совершенно иной роли артиллеріи въ современномъ бою по

17) Напечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ» № 110 (декабрь 1937 г.). Изд. Главн. Правл. Заруб. Союза Русскихъ воен. Инвалидовъ во Франціи. Парижъ.

сравненію съ войнами XIX столѣтія. Очень было бы интересно, если бы было возможно сопоставить потери пѣхоты въ первыхъ бояхъ, напримѣръ, у нѣмцевъ и у насъ или у французовъ и у нѣмцевъ. Это сопоставленіе можетъ быть подтвердило бы высказываемое нами предположеніе о роли и значеніи артиллерійской поддержки пѣхоты въ современномъ бою».

Несомнѣнно, что для полученія исчерпывающихъ выводовъ изслѣдованія, подобныя работѣ ген. Маркса, должны быть продѣланы и въ другихъ арміяхъ. Но уже сама по себѣ эта работа интересна, какъ показатель того, къ какимъ неожиданнымъ, съ точки зрѣнія обыденнаго представленія о войнѣ, выводамъ можетъ привести статистическое обслѣдованіе опыта Великой Европейской войны.

Сравненіе трудовъ Бодарта и Берндта очень поучительно, ибо наглядно показываетъ, какъ необходимо скорѣйшее превращеніе этихъ одиночныхъ попытокъ статистическаго изслѣдованія войны въ спеціальную науку. Только въ этомъ случаѣ можно будетъ приблизиться къ выясненію «закона большого числа», а слѣдовательно, приблизиться къ пониманію закономѣрностей войны.

Поясню эту мысль примѣромъ.

Разсматривая вопросъ о значеніи численнаго превосходства для одержанія побѣды, Отто Берндтъ приходитъ къ слѣдующему заключе-

нію: въ 78 главныхъ сраженіяхъ (Семилѣтней войны и войнъ XIX вѣка) пять разъ силы сражавшихся были равны; въ остальныхъ 73 сраженіяхъ — 40 разъ побѣдилъ сильнѣйшій числомъ, а 33 раза слабѣйшій[18].

Изучая тотъ же самый вопросъ для главныхъ сраженій XVII, XVIII и XIX вѣковъ, Гастонъ Бодартъ приходитъ къ нѣсколько иному выводу. Въ 201 главномъ сраженіи, разыгравшемся въ этотъ трехвѣковой періодъ времени, въ 10 случаяхъ силы сражающихся сторонъ были равны; въ остальныхъ же 191 сраженіи — 97 разъ побѣдилъ сильнѣйшій числомъ, а 94 раза — слабѣйшій [19].

Этотъ выводъ какъ бы подсказываетъ, что численное превосходство не имѣетъ особаго значенія для исхода боя, въ то время, какъ выводъ Отто Берндта показываетъ, — что таковое давало побѣду въ четырехъ случаяхъ изъ семи.

Тщательное разслѣдованіе этого расхожденія обѣщаетъ быть очень полезнымъ для уразумѣнія тѣхъ процессовъ, которые составляютъ нвутреннюю сущность боя. Я и предполагаю въ другомъ трудѣ вернуться къ такому изученію. Здѣсь я ограничусь лишь разсмотрѣніемъ этого вопроса съ методологической точки зрѣнія, т. е.

---

18) «Der Zahl im Kriege», S. 143, 144.
19) «Kriegs - Lexicon», S. 821, 822.

того, что непосредственно интересуетъ настоящую главу.

Съ перваго же взгляда видно, что различіе между выводами Отто Берндта и Гастона Бодарта можетъ происходить вслѣдствіе различія въ отрѣзкахъ времени, взятыхъ каждымъ изъ этихъ статистиковъ; при этомъ, въ то время, какъ у Отто Берндта этотъ отрѣзъ не является непрерывнымъ (Семилѣтняя война, а затѣмъ XIX вѣкъ безъ Англо-Бурской войны), у Гастона Бодарта взято время съ 1618 по 1905 годъ безъ перерывовъ.

Во вторыхъ, при самомъ рѣшеніи вопроса о томъ, какія сраженія должны считаться главнѣйшими, Отто Берндтъ и Гастонъ Бодартъ руководились различными точками зрѣнія. Первый рѣшалъ этотъ вопросъ съ политико-стратегической точки зрѣнія, второй же исходилъ исключительно изъ статистическихъ данныхъ: онъ отнесъ въ категорію главныхъ сраженій тѣ, въ которыхъ общія потери обѣихъ сторонъ убитыми, ранеными, безъ вѣсти пропавшими и плѣнными превосходили 10.000.

Мнѣ кажется, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что методъ принятый Гастономъ Бодартомъ болѣе подходитъ для статистическаго изслѣдованія войны, нежели методъ Отто Берндта. Это наводитъ насъ на мысль о томъ, что самая возможность подобнаго изученія требуетъ не только сбора матеріаловъ, но и разработки спе-

ціальныхъ методовъ, иначе говоря, созданія **особой науки по статистикѣ войны.**

3. — Печальное состояніе статистическихъ данныхъ по минувшей міровой войнѣ.

Отсутствіе подобной науки особенно рѣзко сказывается на использованіи опыта минувшей Міровой войны. Прежде всего оно нашло свое непосредственное отраженіе въ отсутствіи научной постановки регистраціи необходимаго для военнаго статистика матеріала.

Въ какомъ хаотическомъ состояніи находятся военно-статистическія данныя, касающіяся Русской Арміи, указано въ моемъ спеціальномъ трудѣ «The Russian Army in the World War»[20]. Къ нему я отсылаю интересующихся болѣе подробными данными, здѣсь же приведу только два, взятыхъ изъ этого труда, примѣра.

Казалось бы, что установить численность Дѣйствующей Арміи въ минувшую войну не должно было представить особой трудности. А, между тѣмъ, въ дѣйствительности, выяснить таковую для русской арміи трудно. Трудность эта проистекаетъ не столько отъ утери многочислен-

---

20) Изданіе New-Hawen; Yale University Press. London : Humphrey Milford : Oxford University Press. For the Carnegie Endowment for International Peace : Division of Economics and History. 1931.

ныхъ документовъ, а главнымъ образомъ, отъ того, что надлежаще поставленнаго учета численности арміи не было. Подобно тому, какъ и въ дѣлѣ отчетности о потеряхъ, войсковыя части были завалены перепиской объ ихъ численномъ составѣ, но вся эта чрезвычайно объемистая отчетность была поставлена настолько кустарно, что привела къ полному расхожденію данныхъ о численности арміи по свѣдѣніямъ строевыхъ штабовъ и по свѣдѣніямъ интендантства. Различіе между этими двумя категоріями свѣдѣній оказалось столь велико, что вызвало особую переписку между Ставкой и Военнымъ Министерствомъ. Въ октябрѣ 1916 г. Начальникъ Генеральнаго Штаба пишетъ по этому поводу Дежурному Генералу Ставки: «Во время послѣдняго посѣщенія Ставки, Военный Министръ получилъ отъ Полевого Интендантства свѣдѣнія о числѣ состоящихъ на довольствіи людей въ Дѣйствующей Арміи и на театрѣ войны, а именно:

Сѣверный фронтъ..	2.127.000
Западный фронтъ..	1.651.000
Юго-Западный фронтъ..	3.640.000
Кавказская армія..	851.000
Итого..	8.269.000

«Согласно же полученнымъ отъ фронтовъ свѣдѣніямъ, въ Дѣйствующей Арміи насчитывалось къ 1-му сентября 1916 г.:

На Сѣверномъ фронтѣ..	1.808.000
На Западномъ фронтѣ..	1.553.000
На Юго-Западномъ фронтѣ..	2.439.000
Въ Кавказской Арміи..	391.000
Итого..	6.191.000

«Въ виду сего, Военный Министръ проситъ разъясненія получающейся разницы между этими свѣдѣніями, достигающей 2.078.000 нижнихъ чиновъ, съ установленіемъ изъ какихъ именно категорій нижнихъ чиновъ складывалась эта разница».[21]

Вскорѣ послѣ февральской революціи на Совѣщаніи 30-го Марта 1917 года въ Ставкѣ вновь возникъ вопросъ о разницѣ въ свѣдѣніяхъ строевыхъ штабовъ о численности войскъ. На этомъ совѣщаніи было признано, что свѣдѣнія интендантства о числѣ состоящихъ на довольствіи «въ значительной степени оказывались основанными на теоретическихъ расчетахъ».

Съ цѣлью провѣрить правильность интендантскаго учета по распоряженію генерала Алексѣева была произведена 20-го апрѣля (3-го мая), 1917 года, однодневная перепись. Эта перепись выяснила, что наличное количество довольствовавшихся въ Дѣйствующей Арміи въ этотъ день

21) «Труды Комиссіи по обслѣдованію санитарныхъ послѣдствій войны 1914-1920 г. г.». Выпускъ I-й, стр. 136.

отъ интендантства исчислялось въ 9.050.924. Это число на 2.200.000 превосходило численность Дѣйствующей Арміи, согласно исчисленіямъ войсковыхъ штабовъ.

Еще большія и скажемъ даже непреодолимыя трудности встрѣтитъ изслѣдователь въ вопросѣ о потеряхъ Русской арміи въ минувшую войну.

Одинъ изъ главныхъ совѣтскихъ изслѣдователей вопроса о потеряхъ въ войну 1914-17 г. г., г. Л. И. Сазоновъ, въ распоряженіи котораго находился весь сохранившійся въ Россіи матеріалъ по интересующему насъ вопросу, пришелъ къ слѣдующему печальному заключенію[22]: «Установленіе точной цифры потерь вообще, а также выясненіе по различнымъ категоріямъ ихъ, т. е. убитыми, ранеными, контуженными, плѣнными и пропавшими безъ вѣсти, представляетъ громадныя затрудненія въ виду отсутствія соотвѣтствующаго, хотя бы и сырого, но достаточно полнаго и достовѣрнаго матеріала».

Матеріалы, нужные для исчисленія потерь, сосредоточивались во время войны въ Петроградѣ. Демагогическая большевистская власть, игравшая на невѣжествѣ толпы, смотрѣла сквозь пальцы какъ эти цѣнные историческіе матеріалы

22) Статья «Потери Россіи въ войну 1914-1918 г. г.», напечатанная въ I-мъ выпускѣ «Трудовъ Комиссіи по обслѣдованію санитарныхъ послѣдствій войны 1914-1920 г. г.», стр. 161.

расхищались, уничтожались и перебрасывались съ мѣста на мѣсто. Въ конечномъ итогѣ, часть этихъ остатковъ, касавшаяся дѣятельности Главнаго военно-санитарнаго Управленія, была перевезена въ разрозненномъ видѣ въ Москву, ставшую столицей союза совѣтскихъ республикъ.

Но и безъ этихъ привходящихъ обстоятельствъ изученіе потерь Русской Арміи въ міровую войну было бы очень труднымъ; безпримѣрное количество бойцовъ, переходы цѣлыхъ областей въ руки непріятеля, длительность войны — все это являлось само по себѣ факторомъ, до крайности затруднявшимъ сборъ нужныхъ данныхъ. Если прибавить къ этому многочисленность инстанцій, занимавшихся регистраціей потерь (кромѣ органовъ армейскаго управленія этимъ дѣломъ занимались — Красный Крестъ, Земскій и Городской Союзы и многія другія учрежденія) и въ то же время отсутствіе однообразной, стройной и научно-продуманной системы этой регистраціи, то станетъ вполнѣ понятно сомнѣніе въ самой возможности точнаго опредѣленія потерь въ личномъ составѣ нашей арміи въ войну 1914-17 г. г.[23].

Въ интересахъ дальнѣйшихъ попытокъ военно-исторической разработки первичныхъ матеріа-

---

23) Статья В. И. Бинштока — «Военныя потери Россіи въ войну 1914-1919 г. г.», напечатанная въ I-мъ выпускѣ «Трудовъ Комиссіи по обслѣдованію санитарныхъ послѣдствій войны 1914-1920 г. г.», стр. 142.

ловъ, хранящихся сейчасъ въ Россіи, считаемъ полезнымъ сообщить слѣдующія данныя.

По окончаніи гражданской войны, когда большевистская власть нѣсколько опомнилась отъ кроваваго угара, въ который она ввергла несчастную Россію, учетъ военныхъ потерь, какъ за время міровой войны, такъ и за время гражданской и Польско-Совѣтской войнъ, былъ порученъ Отчетно-Статистическому отдѣлу Командnаго Управленія Всероссійскаго Главнаго Штаба, впослѣдствіи Штаба Рабоче-Крестьянской красной Арміи или въ сокращенномъ видѣ Р. К. К. А., причемъ учетъ потерь и выдача справокъ по красной арміи были возложены на 1-ю часть Отдѣла, находившуюся первоначально въ Москвѣ, а затѣмъ съ 1921 г. переведенную въ Петроградъ, а по прежней Русской Арміи — на 2-ю часть Отдѣла, находившуюся въ Петроградѣ. На эту 2-ю часть Отдѣла была возложена громадная работа по провѣркѣ и сличенію сохранившихся донесеній войсковыхъ начальниковъ и штабовъ съ картотекой въ 18.000.000 именныхъ карточекъ. 9.000.000 изъ этихъ карточекъ было заведено въ теченіе самой войны учрежденіями, непосредственно вѣдавшими эвакуаціей и учетомъ потерь; около 9.000.000 такихъ же карточекъ поступило отъ учрежденій Краснаго Креста, Союзовъ Земствъ и Городовъ, со свѣдѣніями о лицахъ, находившихся въ различнаго рода лазаретахъ и госпиталяхъ поименованныхъ организацій. Среди

милліоновъ этихъ карточекъ имѣется много совершенно непригодныхъ для статистической обработки, такъ какъ многія карточки содержатъ лишь фамилію лица, находившагося на излѣченіи, безъ указанія на принадлежность его къ той или иной войсковой части, а также безъ указанія времени и мѣста раненія и пр. Разработка этого карточнаго матеріала требуетъ большого состава сотрудниковъ, а между тѣмъ, штатъ Отдѣла былъ сокращенъ до минимума.

Изъ всей работы, выпавшей на долю 2-й части О. С. Отдѣла [24] только небольшая часть въ настоящее время закончена. На основаніи сохранившихся подлинныхъ донесеній войсковыхъ начальниковъ и ихъ штабовъ, составлены сводныя вѣдомости на чиновъ, выбывшихъ изъ рядовъ арміи по причинамъ раненія, контузій, смерти, безвѣстнаго отсутствія и пр. Общіе итоги потерь, полученные при этомъ первоначальномъ подсчетѣ, слѣдуетъ считать, по мнѣнію самого Отдѣла, безусловно неточными и преуменьшенными по сравненію съ дѣйствительной убылью.

Конечно, причиной неточности подобной работы является то, что большое количество донесеній войсковыхъ начальниковъ и ихъ штабовъ пропало при хаосѣ переживавшемся Русской Арміей во время революціи и въ особенности послѣ

---

24) Отчетно-Статистическаго Отдѣла.

захвата власти партіей большевиковъ. Но имѣется еще и другая чрезвычайно существенная причина, мѣшающая выясненію настоящихъ итоговъ потерь по различнымъ категоріямъ, а именно: невозможность расшифровать категорію «безъ вѣсти пропавшихъ». Въ эту категорію попало очень много убитыхъ и раненыхъ, оставленныхъ своими частями; въ эту категорію часто включались и попавшіе въ плѣнъ. По совершенно правильному мнѣнію О. С. Отдѣла, необходимо сопоставить «фронтовой» матеріалъ съ матеріалами центральнаго управленія по эвакуаціи населенія (Центроэвака) въ отношеніи военно-плѣнныхъ и кромѣ того, съ матеріаломъ объ эвакуированныхъ, находившихся въ санитарныхъ учрежденіяхъ на излѣченіи (вышеуказанные 9.000.000). Однако, и послѣ завершенія этой работы, итоги потерь все таки будутъ страдать неполнотой. Матеріалы объ эвакуированныхъ, хотя и дополняютъ существеннымъ образомъ цифры потерь ранеными, контуженными и больными, но число оставшихся на поляхъ сраженій останется не выясненнымъ. Между тѣмъ, донесенія войскъ и штабовъ являются именно въ этомъ отношеніи наиболѣе неполными и неточными, и это не по причинѣ нежеланія, а потому, что переживаемый войсковой частью въ этихъ случаяхъ кризисъ лишаетъ ее фактической возможности составить точное донесеніе. Стоитъ только представить себѣ обстановку подобную той, въ которой находились

доблестныя войска центральныхъ корпусовъ арміи генерала Самсонова въ періодъ катастрофы или обстановку кампаніи 1915 г., когда наша армія безъ снарядовъ и патроновъ отступала изъ Галиціи, Польши и Литвы, заливая каждую пядь земли своей кровью.

Вотъ почему не подлежитъ сомнѣнію, что значительное число убитыхъ и раненыхъ ускользнуло изъ учета, уменьшая весьма значительно цифры, которыя могутъ быть установлены даже послѣ самаго основательнаго изученія сохранившагося въ Россіи матеріала.

4. — Трудность использованія этихъ данныхъ вслѣдствіе отсутствія однообразной номенклатуры.

Приведенные выше примѣры относятся къ Россіи, единственной странѣ въ которой, какъ я указывалъ выше, въ Высшей Военной Школѣ существовала кафедра «военной статистики».

Въ другихъ странахъ положеніе обстоитъ лучше, хотя бы потому, что онѣ не подверглись послѣ войны столь разрушительной революціи какъ Россія. Даже въ Германіи, тоже пережившей послѣ окончанія войны критическіе часы, революціонные элементы не проявили столько вандализма въ разрушеніи культурныхъ цѣнностей, въ томъ числѣ и архивовъ.

Тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что многіе соціологическіе выводы не смогутъ быть сдѣла-

ны съ полной научной достовѣрностью вслѣдствіе того, что для регистраціи статистическихъ данныхъ о войнѣ не было установлено надлежащаго научнаго фундамента.

Для поясненія мысли укажу хотя бы на тотъ разнобой, который существовалъ для опредѣленія боевой силы арміи.

Одни исчисляли ее тысячами людей, состоявшихъ въ арміи, подобно тому какъ это дѣлалось въ давно минувшіе вѣка [25]; другіе — оцѣнивали боевую силу арміи числомъ батальоновъ, оставаясь въ этомъ отношеніи на уровнѣ идей эпохи Наполеона; и только немногіе доросли до современнаго масштаба оцѣнки числомъ линейныхъ дивизій съ учетомъ въ видѣ коэфиціента ихъ артиллерійской мощи.

Тѣ которые пытались исчислять боевую силу армій тысячами людей, пытались ввести въ видѣ корректива исчисленіе однихъ только бойцовъ. Но и въ этомъ вопросѣ проявилось такое различіе пониманія составителей вѣдомостей, что нерѣдко изслѣдователь не въ состояніи разобраться. Насколько велико было различіе въ толкованіи, что такое «боецъ», можно убѣдиться изъ сравненія двухъ документовъ; оба они

---

25) См., напримѣръ, пар. 3, заключенной въ 1892 году между Россіей и Франціей военной конвенціи. Мой трудъ: «Планъ войны». Изд. Гл. Правленія Зарубежнаго Союза Русскихъ военныхъ инвалидовъ; 1936 г. Стр. 19.

исходятъ изъ той же инстанціи. Авторъ одного изъ нихъ — ген. М. В. Алексѣевъ, начальникъ штаба Государя Императора Николая II; авторъ другого — временный замѣститель ген. М. В. Алексѣева — ген. В. І. Гурко.

Въ концѣ 1915 г., въ одной изъ своихъ записокъ нач. шт. Верховнаго Главнокомандующаго ген. М. В. Алексѣевъ пишетъ:

«Представляется совершенно необходимымъ приступить хотя и къ сложной, но неизбѣжной работѣ. Полевой Интендантъ говоритъ, что кормитъ отъ 5.000.000 до 6.000.000 ртовъ на фронтѣ, не считая внутреннихъ округовъ. Бойцовъ мы набираемъ около 2.000.000. Если таково дѣйствительное соотношеніе, то мы приходимъ къ непозволительному выводу, что одного бойца обслуживаютъ два тыловыхъ человѣка. По нашей, даже тяжелой, организаціи тыла должно на 3-4 бойца быть одинъ тыловой служащій. Это соотношеніе, если оно оправдается, будетъ только офиціальнымъ. Дѣйствительность превзойдетъ эти разсчеты, ибо каждая войсковая часть имѣетъ свои негласные склады, обслуживаемые людьми изъ строя; каждая часть имѣетъ не мало людей въ пути, посланными за покупками, съ разбитой повозкой, въ различныхъ мастерскихъ. Все это создаетъ безотрадную картину нашего положенія. Намъ изъ центра говорятъ, что дали для арміи 14 милліоновъ, убыло ихъ 6, что армія располагаетъ 8-ю милліонами, а мы все продол-

жаемъ просить, въ виду некомплекта въ строевыхъ частяхъ пѣхоты. Необходимо потребовать отъ армій и фронтовъ свѣдѣнія, связанныя съ интендантскими данными, о числѣ состоящихъ на довольствіи: а) въ строевыхъ частяхъ, показавъ отдѣльно войсковые штабы, управленія, учрежденія (лазареты и госпиталя), б) въ штабахъ и управленіяхъ принадлежащихъ арміямъ и фронтамъ, в) въ тыловыхъ учрежденіяхъ и войскахъ по категоріямъ, г) въ организаціяхъ, питающихся попеченіемъ интендантства».

«Повторяю, что свѣдѣнія должны быть, хотя приблизительно, согласованы съ интендантскими данными о числѣ состоящихъ на довольствіи. Сборъ этихъ свѣдѣній укажетъ, куда нужно будетъ обратить усилія, чтобы въ массѣ самой арміи извлечь укомплектованія и уменьшить различныя тыловыя учрежденія».

9-го февраля 1917 г. временно исполняющій должность Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ген. В. І. Гурко, отвѣчая на записку, поданную Государю Императору членами Государственной Думы, по вопросу объ укомплектованіи Русской Арміи, пишетъ: ...«Увеличеніе числа бойцовъ армій за счетъ тыловыхъ частей признается и самой Арміей существенно важнымъ и для достиженія этого уже ранѣе принимались и нынѣ принимаются самыя рѣшительныя мѣры, однако, по условіямъ, въ которыхъ войскамъ приходится жить и дѣйствовать и кото-

рыхъ быстро, теперь же, измѣнить нельзя, — это мѣропріятіе примѣняется съ большимъ трудомъ. Недостатокъ желѣзныхъ, шоссейныхъ и даже хорошихъ грунтовыхъ дорогъ, вынуждаетъ насъ имѣть, кромѣ боевой арміи, еще цѣлыя арміи тыловыхъ частей, обслуживающія боевыя арміи и едва справляющіяся со своей задачей, въ особенности въ періодъ распутицы и во время интенсивныхъ боевъ. Однако, указанныя въ запискѣ цифры соотношенія численнаго состава тыловыхъ и боевыхъ войскъ на фронтахъ, не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности: по имѣющимся въ Штабахъ свѣдѣніямъ, строевые нижніе чины фронта, считая ополченіе, но безъ запасныхъ частей, составляли на 1-е декабря минувшаго года 65% всего числа войскъ (съ частями вспомогательнаго назначенія), состоящихъ на фронтахъ, и дальнѣйшее существенное увеличеніе числа бойцовъ за счетъ тыла, безъ серьезнаго улучшенія техническихъ и перевозочныхъ средствъ, совершенно невозможно безъ ухудшенія санитарнаго состоянія войскъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что отвѣтъ генерала В. І. Гурко рѣзко расходится въ опредѣленіи численности «боевого элемента» арміи съ тѣмъ, что писалъ годъ передъ этимъ генералъ М. В. Алексѣевъ. А между тѣмъ, оба въ моментъ высказыванія ими своихъ взглядовъ[26]

26) Тамъ же, стр. 111-112.

занимали одинъ и тотъ же наивысшій постъ Генеральнаго Штаба, а именно, Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Казалось бы, что единство точки зрѣнія должно было быть обезпечено. А между тѣмъ, генералъ Алексѣевъ предполагаетъ, что боевой элементъ составляетъ въ Русской Арміи въ 1916 г. лишь 35%, а обслуживающій элементъ 65%; генералъ Гурко утверждаетъ какъ разъ обратное, а именно, что боевой элементъ составляетъ въ 1916 г. 65%, а обслуживающій только 35%. Причину подобнаго расхожденія слѣдуетъ искать въ томъ — на что мы уже указывали: самый порядокъ исчисленія «живой силы арміи» по существу дѣла не былъ у насъ установленъ. Генералъ Алексѣевъ это сознавалъ, въ чемъ можно убѣдиться читая первую строку приведенной выше записки: «Представляется совершенно необходимымъ приступить хотя и къ сложной, но неизбѣжной работѣ...»

Согласно порядку, принятому въ нашей арміи еще въ мирное время, всѣ чины нашей арміи дѣлились на «строевыхъ» и «нестроевыхъ». Это дѣленіе, имѣвшее значеніе для порядка прохожденія службы и преимуществъ за нее предоставляемыхъ, являлось совершенно устарѣлымъ и негоднымъ для современныхъ оперативныхъ расчетовъ. Вслѣдствіе этого, въ теченіе войны въ подсчетахъ Штабовъ появилась новая рубрика — «штыковъ», но это нововведеніе, появившееся

само собой, еще болѣе запутало дѣло, т. к. артиллеристы и пулеметчики не могли считаться «штыками», а потому исключались изъ числа «бойцовъ». Отсутствіе регулированія сверху вопроса объ учетѣ людской силы приводило къ величайшему разнобою; такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ штабовъ армій исключили изъ числа «штыковъ» всѣхъ унтеръ-офицеровъ, а другіе — нѣтъ. Къ довершенію всей этой путаницы, многіе штабы начали пользоваться отсутствіемъ правильно поставленной «бухгалтеріи живой силы арміи» для того, чтобы «пугать» высшіе штабы и Ставку малочисленностью своихъ бойцовъ. Вотъ почему я думаю, что размѣры «боевого элемента» Дѣйствующей Арміи, указанные въ запискѣ ген. Алексѣева, являются меньше дѣйствительной его численности. Съ другой стороны, исчисленіе генерала Гурко, какъ основанное на совершенно устарѣломъ дѣленіи чиновъ арміи на «строевыхъ» и «нестроевыхъ», является преувеличеннымъ. На основаніи своей работы въ должности Начальника Штаба VII Арміи, и произведенныхъ мною тогда фактическихъ повѣрокъ, я могу высказать предположеніе, что въ концѣ 1914 года «боевой элементъ» составлялъ около 75% численности «Дѣйствующей Арміи» въ концѣ же 1916 г. это взаимоотношеніе измѣнилось и «боевой элементъ» составлялъ лишь 50%.

Приведенными выше примѣрами я хотѣлъ

наглядно показать читателю, что для того, чтобы использовать накопившійся послѣ минувшей большой войны богатѣйшій статистическій матеріалъ, необходима громадная работа по соотвѣтствующей его обработкѣ. Чрезвычайное разнообразіе въ пониманіи основныхъ наименованій номенклатуры (напримѣръ, — «боецъ») требуетъ прежде всего внимательнаго анализа самыхъ наименованій. Въ условіяхъ современнаго боя рѣшеніе многихъ вопросовъ не такъ просто, какъ это кажется сразу. Въ самомъ дѣлѣ, если не можетъ быть сомнѣній, что пулеметчикъ и «прислуга» при орудіяхъ — бойцы, то къ таковымъ же должны быть причислены и подносчики патроновъ, и «прислуга» при зарядныхъ ящикахъ. Но возникаетъ вопросъ, въ какую категорію отнести докторовъ и санитарный персоналъ обслуживающихъ войска первой линіи и подвергающихся почти такой же опасности, какъ войска. Возникаетъ также вопросъ, куда отнести чиновъ обозовъ 1 разряда. Не входя въ дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса, я настаиваю лишь на одномъ: вопросъ о томъ — кого надлежитъ относить въ категорію бойцовъ, долженъ подвергнуться самой тщательной разработкѣ и въ этой разработкѣ должны быть учтены не только оперативныя потребности, но и возможности послѣдующей работы, посвященной болѣе глубокому изученію явленій войны — въ данномъ случаѣ

науки, которой мы присваиваемъ наименованіе «Статистики войны».

5. — Младенческое состояніе попытокъ статистическаго изученія минувшей міровой войны.

Изученіе попытокъ статистическаго изслѣдованія войны 1914-1918 г. г. на западно-европейскихъ театрахъ наглядно показываетъ въ сколь младенческомъ состояніи находится эта область познанія.

Казалось бы, что сохранившійся во французскихъ, британскихъ и нѣмецкихъ архивахъ числовой матеріалъ, не растрепанный революціей, какъ это имѣло мѣсто въ Россіи, долженъ былъ бы привлечь большое число изслѣдователей. Къ сожалѣнію этого нѣтъ. Дѣйствительно заслуживающія вниманія такія попытки сдѣланы пока лишь представителями военно-медицинскаго вѣдомства. Въ числѣ таковыхъ нужно назвать прежде всего двѣ.

Во-первыхъ, небольшая работа французскаго доктора Тубера [27];

---

27) Médecin inspecteur général Toubert : « Etudes statistiques des pertes subies par les Français pendant la guerre 1914-1918 ». Charles Lavauzelle et Co. Paris, 1925.

Во-вторыхъ — германскій военно-медицинскій отчетъ, напечатанный въ 1934 г.[28].

Обѣ эти статистическія работы преслѣдуютъ задачу изученія результатовъ дѣятельности санитарной службы. Но даже изучая эти труды, совершенно спеціальнаго предназначенія, можно убѣдиться въ томъ, какъ много могло бы дать статистическое обслѣдованіе явленій войны, произведенное съ болѣе широкой и общей точки зрѣнія.

Такъ, напримѣръ, въ брошюрѣ д-ра Тубера приведены два ряда графиковъ: одинъ — указывающій пропорціональное взаимоотношеніе потерь отъ разнаго вида оружія; второй — разсматривающій колебанія кривыхъ раненій и отравленій газами въ зависимости отъ тактическаго характера операціи. Оба эти графическія изслѣдованія интересны въ методологическомъ отношеніи. Они намѣчаютъ новые пути военно-статистическаго изслѣдованія; поэтому мы и остановимъ на нихъ вниманіе читателя.

Первый рядъ своихъ графиковъ д-ръ Туберъ начинаетъ разсмотрѣніемъ процентовъ раненыхъ артиллерійскимъ снарядомъ, пулей (ружейной

---

28) Sanitaetsbericht über das Deutsche Heer (Deutsches Feld- und Besaetzungsheer) im Weltkriege 1914-1918. III Band. Berlin. 1934.

или пулеметной) и прочими видами оружія въ войнахъ, предшествовавшихъ 1914 году. Вотъ его выводы, выраженные въ таблицѣ:

	% раненыхъ		
	осколками арт. снарядовъ.	ружейными пулями	прочими видами оружія, а также пострадвшіе отъ несчастныхъ случаевъ.
Крымская война 1854-55 (французская армія)..	43%	54%	3%
Франко-Прусская война 1870-71 г. (французская армія)..	25%	70%	5%
(нѣмецкая армія).. ..	9%	90%	1%
Русско-Японская война 1904-05 г. (японская армія).. ..	8,5%	85%	6,5%
(русская армія).. ..	14%	86%	

Затѣмъ, онъ продолжаетъ такое же сравненіе для французской арміи въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ операцій минувшей Міровой войны:

	% раненыхъ.		
	осколками арт. снарядовъ.	ружейными пулями	прочими видами оружія и пострадавшіе отъ несчастныхъ случаевъ*).
1914 годъ....	75%	23%	2%
Энъ - Шампань (апр. 1917 г.)..	74%	21%	5%
Фландрія (іюнь 1917 г.)..	78%	10%	12%
Верденъ (авг. 1917 г.)..	77%	7%	16%
Энъ-Мальмезонъ (окт. 1917). .	77%	17%	6%
Пикардія-Морейль-Мондидье (мартъ 1918 г.)..	52%	34%	14%
Энъ-Шато-Тьерри (май 1918 г.)..	56%	32%	12%
Операціи 3-й, 4-й, 6-й и 10-й армій (іюль 1918 г.).	68%	24%	8%
Операціи 1-й и 5-й армій (въ сент., октябрѣ и ноябрѣ 1918 г.)...	56%	28%	16%

*) Въ эту графу попали и отравленные газами. (Примѣчаніе Н. Н. Г.)

Самъ д-ръ Туберъ высказываетъ на основаніи этихъ двухъ таблицъ заключеніе, что, если въ войнахъ, предшествующихъ 1914 году, главнымъ поражающимъ факторомъ былъ ружейный огонь, то въ войну 1914-1918 г. г. таковымъ стала артиллерія. Я считаю, что при большемъ углубленіи по намѣченному д-ромъ Тубером пути, возможно прійти къ еще болѣе интереснымъ выводамъ, но для этого требуется иная группировка цифрового матеріала, а также болѣе подробный анализъ этого послѣдняго въ зависимости отъ данныхъ тактической обстановки.

Д-ръ Туберъ сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи въ графикахъ приведенныхъ имъ на стр. 12 и 13 своей книжки. Объясняя эти графики, онъ пишетъ [29]:

«Въ наступательныхъ сраженіяхъ съ ограниченной цѣлью (Верденъ — августъ 1917 г., Мальмезонъ — октябрь 1917 г.), легче всего поддающихся схематизаціи, дни, непосредственно предшествующіе атакѣ, отмѣчаются сравнительно медленнымъ и ровнымъ подъемомъ кривой раненыхъ и подъемомъ вверхъ наканунѣ или за день до атаки кривой отравленныхъ газами. Въ день самой атаки происходитъ рѣзкій большой скачекъ вверхъ кривой раненыхъ въ то время, какъ кривая отравленныхъ газами падаетъ. Въ первые дни послѣ атаки кривая раненыхъ

29) Стр. 14.

круто спускается, но менѣе быстро, чѣмъ она росла. Въ этомъ спускѣ встрѣчается рядъ перебоевъ, сопровождающихся подъемами, обуславливающимися контръ-атаками; кривая же отравленныхъ газами продолжаетъ снижаться».

«Количество раненыхъ, принимая за единицу исчисленія дивизію, численная величина которой подвержена меньшимъ измѣненіямъ, нежели болѣе крупныхъ войсковыхъ соединеній (корпуса или арміи), было спеціально изучено въ операціяхъ Шампани (сентябрь 1915 г.), Соммы (іюль 1916 г.), Суассона (апрѣль 1917 г.), Вердена (августъ 1917 г.), Мальмезона (октябрь 1917 г.). Въ самой атакѣ дивизіи, штурмовавшія на рѣшительныхъ участкахъ, имѣли въ среднемъ 560 раненыхъ, съ максимумомъ для наиболѣе пострадавшихъ дивизій въ 1.200. Дивизіи на второстепенныхъ участкахъ атаки имѣли въ среднемъ 384 раненыхъ».

«Въ день, слѣдующій за днемъ штурма, среднее число раненыхъ опускается для дивизій на рѣшительныхъ участкахъ до 500, а для дивизій на второстепенныхъ участкахъ — до 300».

Переходя затѣмъ къ заключенію о сраженіяхъ затяжного характера, д-ръ Туберъ пишетъ:

«Кривая раненыхъ не представляетъ собою рѣзко выраженной картины. Она состоитъ изъ иглъ или болѣе или менѣе возвышенныхъ плато, которыя, однако, не достигаютъ высотъ кривой наступательныхъ сраженій, но которыя зато

имѣютъ болѣе широкую базу, обнимающую 4-5 дней. Взятая въ цѣломъ кривая раненыхъ возрастаетъ довольно быстро, но зато падаетъ медленно, со скачками вверхъ, отмѣчающими послѣднія фазы борьбы. Кривая отравленныхъ газами не имѣетъ обыкновенно большихъ колебаній и всегда остается много ниже кривой раненыхъ. Однако, критическіе моменты боя вызываютъ въ кривой отравленныхъ газами острія вверхъ или даже широкія плато, которыя пересѣкаютъ кривую раненыхъ въ мѣстахъ ея пониженія»[30].

Попытка д-ра Тубера, какъ мы уже говорили выше, открываетъ новое широкое поле изученія войны и, въ особенности, боя. Но для плодотворности подобной работы требуется, съ одной стороны, детализировать анализъ, а, съ другой — его расширить.

Детализація анализа должна привести къ изученію потерь, понесенныхъ арміей въ сраженіи, распредѣливъ ихъ не только по днямъ, но также и по «боевымъ очагамъ». Современное же сраженіе распадается на тысячи такихъ очаговъ, а потому настоящее военно-статистическое изученіе каждаго изъ сраженій требуетъ очень тщательнаго его тактическаго анализа.

Расширеніе примѣненія методовъ д-ра Тубера заключается въ томъ, чтобы изученіе вести не только для одной стороны, но одновремен-

---

30) Туберъ, стр. 14 и 15.

но и для другой. Только въ этомъ случаѣ можно будетъ подойти къ полному пониманію языка цифръ. Возьмемъ для примѣра приведенныя выше цифры Тубера для Франко-Прусской войны 1870-71 г. г. Изъ нихъ мы видимъ, что въ то время, какъ французская армія теряетъ отъ артиллерійскаго огня 25%, а отъ ружейнаго — 70%, нѣмецкая армія теряетъ отъ артиллерійскаго огня всего 9%, а отъ ружейнаго — 90%. Это различіе объясняется не только тѣмъ, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ наступающими въ сраженіяхъ были нѣмцы, но и тѣмъ, что нѣмецкая армія обладала лучшей артиллеріей, а французская — лучшимъ ружьемъ (Шаспо).

Для того, чтобы убѣдиться, сколь большія различія существуютъ въ пропорціяхъ раненыхъ артиллеріей и ружейнымъ огнемъ, я сошлюсь на цитированное мною вмѣстѣ съ работой Тубера нѣмецкое изслѣдованіе [31].

Это послѣднее, устанавливая статистику раненій въ Германской арміи, даетъ для періода 1914-1917 г. г. слѣдующія среднія цифры: раненые ружейной (пулеметной, револьверной) пулей — 54,2%, раненые артиллерійскимъ снарядомъ — 45,8%.

Эта пропорція немного измѣняется при уче-

---

31) Sanitaetsbericht über das Deutsche Heer (Deutsches Feld- und Besaetzungsheer) im Weltkriege 1914-1918. III Band. Berlin. 1934.

тѣ ранъ на трупахъ убитыхъ. Среди убитыхъ 41,7% было поражено ружейными пулями и 58,3% — артиллерійскими снарядами.

Что же касается пораненій холоднымъ оружіемъ, то таковыхъ было очень мало и они становятся все болѣе рѣдкими къ концу войны. Для всей войны одинъ раненый холоднымъ оружіемъ приходится на 111 человѣкъ съ огнестрѣльными ранами, причемъ въ 1914 г. это взаимоотношеніе выражалось какъ 1 къ 55, а въ 1918 году — какъ 1 къ 318.

Для сравненія, составители разсматриваемаго нами отчетнаго германскаго труда приводятъ данныя о раненыхъ Арміи противоположной стороны:

Арміи:	раны:		
	пулей	артиллерійскимъ снарядомъ	холоднымъ оружіемъ
Германская.. ..	54,2	45,8	?
Британская.. .. .	39,0	60,7	?
Американская.. ..	28,4	70,4	?
Французская:			
а) періодъ позиціонной войны (до 1917 г. включительно).....	16,0	76,0	0,32
б) періодъ маневренной войны (1918 годъ) .	30,0	58,0	0,58

Эти расхожденія цифръ могутъ навести на чрезвычайно интересные въ научномъ отношеніи выводы; для этого требуется, какъ я уже говорилъ выше, очень тщательное аналитическое ихъ изученіе. Однако, при такомъ изученіи мы натолкнемся на громадныя затрудненія вслѣдствіе младенческаго состоянія, или вѣрнѣе сказать, отсутствія «статистики войны», какъ науки.

6. — Необходимость созданія вспомогательной науки въ видѣ «Статистики войны».

Это приводитъ насъ къ заключенію аналогичному тому, которое было высказано въ концѣ прошлой главы. Тамъ мы говорили, что для успѣшности психологическаго анализа войны необходимо созданіе спеціальной науки, въ видѣ «Психологіи войны» — здѣсь же мы утверждаемъ, что примѣненіе статистическаго метода для изученія войны можетъ дать полные и богатые результаты лишь въ томъ случаѣ, если получитъ должное развитіе спеціальная наука въ видѣ «Статистики войны».

Роль этой науки будетъ заключаться въ подробномъ изученіи примѣненія военно-статистическихъ методовъ при изслѣдованіи различныхъ эпохъ и войнъ, а также различныхъ категорій явленій и процессовъ войны. Это потребуетъ не только всесторонняго изученія характера и до-

стовѣрности источниковъ, но также и самаго обстоятельнаго изслѣдованія, какое пониманіе вкладывалось составителями первичныхъ документовъ въ примѣняемую въ нихъ номенклатуру. Одновременно съ этимъ, статистика войны должна установить на будущее время возможно болѣе однообразную номенклатуру. Правда, на этомъ пути «статистика войны» встрѣтитъ большія затрудненія. Установленныя въ каждой Арміи номенклатуры (напримѣръ, дѣленіе на комбатантовъ и не комбатантовъ) имѣютъ въ своемъ основаніи чисто практическія потребности оперативной или административной службы. Трудно расчитывать на то, чтобы въ условіяхъ столь напряженной и нервной работы, какъ оперативная служба, военачальники и ихъ штабы думали о чемъ либо другомъ, кромѣ одержанія побѣды; поэтому, психологически естественно, что они не согласятся ни на какое мѣропріятіе, которое можетъ, хотя бы въ самой ничтожной долѣ затруднить ихъ работу. Вотъ почему расчитывать на примѣненіе для учета нужныхъ для статистики войны пріемовъ, успѣшно примѣняемыхъ въ мирной жизни, не приходится. Но все таки, нѣкоторое однообразіе въ номенклатурѣ и способахъ учета установить можно. Это, къ счастью, наиболѣе исполнимо во всѣхъ областяхъ санитарной службы. Въ самомъ дѣлѣ, нужная для успѣха военной статистики классификація и номенклатура можетъ быть безъ всякой помѣхи въ функціони-

рованіи санитарной службы, принята въ медицинскомъ вѣдомствѣ. А это позволитъ поставить на надлежащую научную высоту статистику потерь, являющуюся наиболѣе нужной для соціологіи войны частью статистики.

Мы видѣли выше, на примѣрѣ попытки французскаго доктора Тубера, сколь многообѣщающимъ является подробный анализъ войсковыхъ потерь въ зависимости отъ тактической обстановки въ которой онѣ были понесены. Первымъ шагомъ на этомъ пути является установленіе для каждой отдѣльной войсковой части посуточной вѣдомости, съ указаніемъ ея мѣстонахожденія и характера боевыхъ дѣйствій. Къ этой вѣдомости должны быть приложены поименные списки офицерскихъ потерь (тоже посуточные). Какъ ни велика эта работа, однако, составленіе ея сейчасъ же послѣ войны, вполнѣ возможно, ибо каждая войсковая часть этими свѣдѣніями еще обладаетъ.

Эта работа является первымъ и необходимымъ этапомъ для болѣе сложной обработки потерь по образовавшимся въ сраженіи боевымъ очагамъ.

Отсутствіе пониманія необходимости такой предварительной работы привело къ тому, что возможности полнаго использованія богатѣйшаго опыта Міровой войны уже утеряны.

Подобное явленіе крайне обидно. Если человѣчеству еще долго не суждено исключить войну изъ обихода международныхъ отношеній,

то нужно, по крайней мѣрѣ, принять всѣ мѣры для того, чтобы пережитый кровавый опытъ могъ быть изслѣдованъ во всѣхъ деталяхъ. А для этого настоятельно необходимо, чтобы во всѣхъ областяхъ дѣятельности арміи, подлежащей учету, послѣдній руководился бы не только узко утилитарными оперативными задачами, но также давалъ возможность и статистической обработки цифровыхъ данныхъ съ чисто научными цѣлями. Здѣсь мы опять касаемся вопроса о необходимости скорѣйшаго созданія науки о войнѣ (соціологіи войны), которая одна только сможетъ предъявить военной статистикѣ тѣ требованія, которыя не позволятъ ей остаться въ узкихъ рамкахъ науки о веденіи войны, а помогутъ ей превратиться въ спеціальную научную доктрину.

Такимъ образомъ, и въ области примѣненія статистическаго метода для соціологическаго изученія войны, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, что и при примѣненіи психоанализа.

Если «статистика войны» нужна для «соціологіи войны», то, въ свою очередь, послѣдняя нужна для первой. Отсюда выводъ: созданіе обѣихъ наукъ должно идти рука объ руку и одновременно.

ГЛАВА V.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Обрисовавъ въ первой главѣ основную задачу соціологіи войны, я коснулся въ послѣдующихъ главахъ вопросовъ о матеріалѣ и методахъ необходимыхъ для созиданія этой новой науки.

Изъ этихъ главъ ясно видно, что основная трудность такого созиданія заключается въ требуемой для этого громаднѣйшей переработкѣ матеріала, собиравшагося человѣчествомъ для иного заданія. Сложность этой переработки такова, что требуетъ для своей успѣшности не только дополнительной разработки накопленныхъ Военной исторіей матеріаловъ, но и примѣненія самой военно-исторической наукой новыхъ методовъ изслѣдованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, настоятельно требуется также созданіе вспомогательныхъ наукъ, въ видѣ психологіи войны и статистики войны.

Перечисленныя только что работы требуютъ, въ свою очередь, существованія «соціологіи войны». Создается, какъ бы, ложный кругъ. Выходъ

изъ него возможенъ только одновременнымъ продвиженіемъ работы во всѣхъ вышеперечисленныхъ областяхъ. Параллельно со сборомъ, классификаціей и систематизированіемъ матеріала, параллельно съ разработкой методовъ, необходимо теперь же приступить къ работамъ по самому соціологическому изслѣдованію войны. Для поясненія своей мысли я сдѣлаю одно сравненіе. Печатанію точныхъ и подробныхъ картъ всегда предшествуетъ составленіе картъ на основаніи маршрутныхъ съемокъ. Несомнѣнно, что эти карты приблизительны. Можетъ случиться, что мѣстами онѣ окажутся ошибочными. Но безъ нихъ не могутъ быть сняты точныя карты, ибо послѣднее требуетъ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ и расчетовъ, основанныхъ хотя бы на очень приблизительномъ знаніи мѣстности. Такъ точно и въ разсматриваемомъ нами случаѣ, для того, чтобы организовать наиболѣе продуктивный сборъ матеріаловъ, для того, чтобы создать наиболѣе правильную классификацію и регистрацію этого матеріала, для того, чтобы установить наиболѣе соотвѣтствующіе методы для обработки этихъ матеріаловъ, необходимо наличіе хотя бы небольшого знанія свойствъ и особенностей объекта изученія. Послѣднее можетъ быть достигнуто лишь первичнымъ изслѣдованіемъ. Пусть участь такого первичнаго изслѣдованія будетъ подобна участи лѣсовъ, которые воздвигаются при постройкѣ зданія. Хотя они потомъ и убира-

ются, — тѣмъ не менѣе, они необходимы. Подобный методъ, который правильнѣе всего назвать методомъ «рабочихъ гипотезъ», съ успѣхомъ примѣняется во всѣхъ сложныхъ наукахъ. Нѣтъ причинъ искать другихъ путей для соціологическаго изслѣдованія войны. Нужно указать здѣсь только одно — крайняя сложность внутренняго строенія войны, не позволитъ сразу же создать рабочую гипотезу, объемлющую въ себѣ всѣ явленія войны. Прійдется и здѣсь идти значительно болѣе медленнымъ путемъ, а именно — путемъ построенія частичныхъ рабочихъ гипотезъ. Это, въ свою очередь, приводитъ къ примѣненію монографическаго метода, т. е. къ цѣлокупному изученію каждаго изъ главныхъ явленій войны.

Дабы выдѣлить въ глазахъ читателя особое значеніе для начальной разработки соціологіи войны этого метода, я напомню, что еще Огюстъ Контъ утверждалъ, что однимъ изъ основныхъ законовъ управляющихъ соціальной жизнью является законъ, названный имъ « Consensus ».

Согласно этому закону всякое измѣненіе какой либо одной стороны соціальнаго явленія неминуемо вызываетъ измѣненіе всѣхъ остальныхъ его сторонъ. Исходя изъ этого же положенія, упомянутый мною выше Вильберто Парету, разсматривая вопросы методологіи соціологіи, съ особенной настойчивостью указываетъ на слѣдующую крайне распространенную ошибку въ этой области знанія. Весьма часто, разсужденія о со-

ціальныхъ явленіяхъ построены на односторонемъ представленіи о причинной связи. Согласно такому представленію одно изъ явленій принимается за причину, вызывающую другое явленіе, какъ слѣдствіе. Въ дѣйствительности, подобное взаимоотношеніе между явленіями соціальной жизни встрѣчается рѣдко. Какъ правило, факторы соціальной жизни тѣсно взаимно связаны. Напримѣръ, свойства членовъ общественнаго соединенія вліяютъ на форму послѣдняго и обратно — форма общественнаго соединенія облегчаетъ или затрудняетъ опредѣленное поведеніе входящихъ въ него членовъ, т. е. вліяетъ на развитіе или атрофированіе нѣкоторыхъ личныхъ свойствъ этихъ членовъ. Вотъ почему, представленіе о простой (односторонней) причинной связи не можетъ быть положено въ основаніе изученія явленій общественной жизни. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда изслѣдователи это дѣлали, они неминуемо приходили или къ «примитивному» или къ «кинематографическому» построенію соціальной жизни.

Подъ словомъ «примитивное построеніе», Парету понимаетъ слѣдующее. Возьмемъ для примѣра какое либо общество. Его характеръ и установившееся въ немъ внутреннее равновѣсіе зависитъ отъ географическихъ условій (А); отъ экономической обстановки (Б); политическихъ формъ (В); религіозныхъ вѣрованій (Г); отъ уровня этическаго и научнаго развитія (Д)

и другихъ данныхъ (Ж). Всѣ эти данныя являются «перемѣнными» и тѣсно другъ отъ друга зависящими. Вслѣдствіе измѣнчивости этихъ данныхъ, внутреннее равновѣсіе, устанавливающееся во всякомъ обществѣ, не можетъ быть «статическимъ»; оно неизбѣжно является «динамическимъ», и постоянно измѣняется, переходя изъ состоянія

$А^1$, $Б^1$, $В^1$, $Г^1$, $Д^1$, $Ж^1$,.... къ состоянію

$А^2$, $Б^2$, $В^2$, $Г^2$, $Д^2$, $Ж^2$,

$А^3$, $Б^3$, $В^3$, $Г^3$, $Д^3$, $Ж^3$, и т. д.

«Примитивное» представленіе разсуждаетъ иначе. Оно принимаетъ одну изъ перемѣнныхъ (А, или Б, или другую.....) за причину и разсматриваетъ прочія слагаемыя въ зависимости отъ одной этой перемѣнной. Этимъ путемъ разсужденія и создались многочисленныя, противорѣчащія другъ другу, соціологическія системы; каждая изъ нихъ стремится объяснить весь ходъ соціальнаго процесса или только географическими условіями, или расою, или экономикой, или политикой и т. д. Въ результатѣ такого метода неизбѣжно создавались односторонніе теоріи, съ неоправдывающимися общими выводами, съ предвзятыми анализами и съ лже-системами. Какая жестокая борьба происходила и продолжаетъ происходить между представителями такого «примитивнаго» соціологическаго мышленія!...

Подъ словомъ «кинематографическаго» построенія, нужно понимать случай, когда соціологъ основываетъ свое разсужденіе на анализѣ

измѣненій въ каждомъ изъ ряда слагаемыхъ; сначала онъ разсматриваетъ превращенія А въ A^1 и A^2.... затѣмъ Б и въ $Б^1$ и $Б^2$..... и т. д., производя изученіе каждаго ряда независимо отъ изученія хода измѣненій въ другихъ рядахъ. Такой методъ не дополненный синтезомъ, т. е. цѣлокупнымъ изученіемъ интересующаго явленія, приводитъ къ «кинематографическимъ» теоріямъ, носящимъ наименованіе эволюціонныхъ. Ошибочность подобныхъ теорій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда начертанная ими схема эволюціи кажется вѣрной — заключается въ ихъ поверхностности. По существу же дѣла, онѣ не могутъ дать ни одного вѣрнаго общаго вывода внѣ рамокъ изучаемаго ими историческаго процесса. Онѣ не могутъ привести насъ къ открытію истинной закономѣрности и дать намъ представленіе о самомъ существѣ соціальныхъ процессовъ.

Для того, чтобы избѣгнуть этихъ невѣрныхъ путей, Парету настаиваетъ на томъ, что соціологія должна ставить цѣлью своихъ изысканій не отыскиваніе односторонней причинной связи между явленіями общественной жизни, а ихъ взаимную функціональную зависимость. Представленіе о «причинѣ» и «слѣдствіи» должно быть замѣнено понятіями «перемѣнной» и «функціи». Конечно, и при подобномъ изученіи прійдется начать съ послѣдовательнаго изученія функціональной связи каждой изъ перемѣнныхъ съ каждой изъ прочихъ. Но подобный анализъ долженъ быть не-

премѣнно законченъ синтетическимъ изученіемъ всего процесса, взятаго въ цѣломъ. Въ этой заключительной и главной стадіи изслѣдованія, вниманіе ученаго должно быть сосредоточено на тѣхъ проявленіяхъ взаимной зависимости перемѣнныхъ, которыя являются наиболѣе постоянными. Это приведетъ насъ къ установленію послѣдовательныхъ приближенныхъ обобщеній. Въ противоположность «примитивныхъ» соціологическимъ теоріямъ, эти эмпирическія обобщенія не будутъ претендовать на всеобщность, а лишь на приблизительную вѣрность въ рамкахъ данной исторической эпохи. Они будутъ отличаться также и отъ «кинематографическихъ» теорій тѣмъ, что облегчатъ пониманіе внутренней стороны развитія основныхъ соціальныхъ процессовъ. Въ этомъ отношеніи рекомендуемая Парету методологія соціологическаго изученія можетъ быть сведена къ слѣдующимъ тремъ основнымъ положеніямъ:

1. Признаніе с л о ж н о й взаимной зависимости явленій и сторонъ соціальной жизни, вмѣсто п р о с т о й односторонней. Вслѣдствіе этого, перенесеніе центра вниманія на изслѣдованіе ф у н к ц і о н а л ь н о й ихъ зависимости.

2. Цѣлокупное изученіе главныхъ явленій соціальной жизни вмѣсто обособленнаго изученія одного изъ факторовъ этой жизни, произвольно принимаемаго за причину.

3. Отказъ отъ установленія, сразу же, общихъ законовъ, ограничиваясь для начала лишь тѣмъ, чтобы путемъ послѣдовательныхъ эмпирическихъ приближеній подойти къ пониманію столь сложной по своему строенію соціальной жизни и еще болѣе сложной ея динамики.

Перечисленнымъ только что тремъ основнымъ положеніямъ наиболѣе отвѣчаетъ монографическій методъ работы, который, какъ разъ, и позволяетъ цѣлокупное изученіе соціальныхъ явленій и соціальныхъ процессовъ. На первомъ мѣстѣ въ ряду подобныхъ монографій по первичному соціологическому изученію войны, является соціологическое изслѣдованіе боя, этого центральнаго и специфическаго явленія войны.

Возвращаясь къ сравненію подобныхъ первичныхъ работъ съ «лѣсами», которые воздвигаются при постройкѣ большихъ сооруженій, напомню, что эти «лѣса» оказываются полезными лишь въ томъ случаѣ, если одновременно съ ними ведется и постройка самаго сооруженія. Такъ же точно, и упомянутыя только что мною «монографическія изслѣдованія» будутъ имѣть цѣнность не сами по себѣ, а лишь въ связи съ обширной работой по созиданію Соціологіи войны съ непосредственно связанными съ ней спеціальными науками.

Такая работа можетъ быть выполнена лишь коллективными усиліями по заранѣе тщательно

разработанному плану. Такъ вѣдь и поступаютъ теперь, когда возводятся какія либо большія постройки. Ни одному архитектору не прійдетъ мысль придерживаться методовъ постройки нашихъ старыхъ помѣщичьихъ усадьбъ, когда къ дому, по мѣрѣ надобности, пристраивались комнаты.

Поэтому, въ заключеніе настоящаго труда, я могу лишь повторить сказанное въ концѣ первой главы.

Только съ учрежденіемъ спеціальнаго научнаго института или, по крайней мѣрѣ, кафедры по соціологіи войны, хотя бы въ одномъ изъ университетовъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ соціологическій факультетъ, можно будетъ считать, что произведенъ реальный починъ научнаго изученія войны, какъ явленія соціальной жизни человѣчества.

Трудно ожидать, что это приблизитъ человѣчество къ тому миру, за который такъ горячо ратуютъ пацифисты. Одно только можно утверждать, — ходить около пропасти съ открытыми глазами менѣе рискованно, нежели съ завязаными глазами.

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ

ПРОФЕССОРА ГЕНЕРАЛА Н. Н. ГОЛОВИНА.

На русскомъ языкѣ:

1. ИЗСЛѢДОВАНІЕ БОЯ; ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СВОЙСТВЪ ЧЕЛОВѢКА, КАКЪ БОЙЦА. — СПБ. 1907 г. Диссертація на званіе экстраординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академіи. — 192 стр. и 11 чертежей.
2. ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСШАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА. — СПБ. 1910 г. Изд. Императорской Николаевской Военной Академіи. Диссертація на званіе ординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академіи. — 234 стр. и два чертежа.
3. ВЫСШАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА. — СПБ. 1912 г. 126 стр. и одинъ чертежъ.
4. ВВЕДЕНІЕ ВЪ КУРСЪ ТАКТИКИ. — СПБ. 1912г. 1-е и 2-е изданія Общества ревнителей военныхъ знаній; напечатано по указанію Почетнаго Президента этого Общества Великаго Князя Николая Николаевича. — 38 стр.
5. СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА; ОПЕРАТИВНАЯ СЛУЖБА. — Изд. Императорской Николаевской Военной Академіи. — СПБ. 1912 г. 171 стр. и 4 чертежа.

6. ОПЫТЪ ПРИМѢНЕНІЯ ПРИКЛАДНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНІЯ ТАКТИКѢ НА МЛАДШЕМЪ КУРСѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛ. ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ. — СПБ. 1912 годъ. 170 стр..
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И ЛЕКЦІЙ. СПБ. 1913 г. — 180 стр.

7. СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА; РАЗВѢДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА. — Издано большевиками безъ разрѣшенія автора. — Кіевъ, 1918 годъ.

8. АВІАЦІЯ ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ И ВЪ БУДУЩУЮ. — 1922 годъ. Помѣщено въ № 2 «Военнаго Сборника» (1), отдѣльное изданіе распродано. 22 стр.

9. СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА И КРАСНАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА. — 1923 годъ. — Помѣщено въ № 3 «Военнаго Сборника» (1); отдѣльное изданіе распродано.

10. РАЗВИТІЕ ОСНОВНЫХЪ ИДЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ТАКТИКИ (Довоенныя доктрины; кампаніи 1914 и 1915 г. г.) — 1924 г. — Помѣщено въ № 5 «Военнаго Сборника» (1); отдѣльное изданіе распродано. — 43 стр. и 3 чертежа.

11. ТИХООКЕАНСКАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ XX-МЪ СТОЛѢТІИ. — Прага, 1924 годъ. — Изд. «Пламя» (2) — 292 стр. и 6 чертежей.

12. ТАНКИ ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ И ВЪ БУДУЩУЮ. — Прага, 1925 г. — Изд. «Пламя» (2) — 122 стр., 7 чертежей и 15 рисунковъ.

---

1) Редакція «Военнаго Сборника»: полк. В. М. Пронинъ, Браничевска 35, Бѣлградъ Югославія.

13. СОВРЕМЕННАЯ КОННИЦА. — Помѣщено въ №№ 4, 5, 6, 8, 9 и 10 «Военнаго Сборника». — Отдѣльное изданіе распродано.

14. ТАКТИКА ВЪ ЗАДАЧАХЪ; АТАКА УКРѢПЛЕННОЙ ПОЗИЦІИ. — Берлинъ, 1925 годъ. — Изд. «Градъ Китежъ» (3). — 126 стр. и 9 чертежей.

15. ИЗЪ ИСТОРІИ КАМПАНІИ 1914 г. НА РУССКОМЪ ФРОНТѢ. ПЛАНЪ ВОЙНЫ. Парижъ 1936 г. Изд. Глав. Правл. Заруб. Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ. — 278 стр. и 49 схемъ (4).

16. ИЗЪ ИСТОРІИ КАМПАНІИ 1914 ГОДА НА РУССКОМЪ ФРОНТѢ. НАЧАЛО ВОЙНЫ И ОПЕРАЦІИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ. — Прага, 1925 г. Изд. «Пламя» (2). — 436 стр. и 14 чертежей.

17. ИЗЪ ИСТОРІИ КАМПАНІИ 1914 ГОДА НА РУССКОМЪ ФРОНТѢ. — ГАЛИЦІЙСКАЯ БИТВА (первый періодъ — до 1-го сентября нов. стиля). Парижъ, 1930 г. — Изд. «Родникъ» (5). — 557 стр. съ приложеніемъ картъ и схемъ на отдѣльныхъ листахъ.

18. МЫСЛИ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ БУДУЩЕЙ РОССІЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ. — 1925 г. — Изд. автора. — 408 стр. и 2 чертежа. — Первое и второе изданіе распроданы. Нынѣ печатается третье изданіе выпусками. Первый выпускъ. — «Общія основанія» — имѣется въ продажѣ на складѣ изд. «Родникъ» (5) — 96 стр.

---

2) « Plamya » — Jecna 32, Praha II. Tchécoslovaquie.

3) « Grad Kitej » — Kleiststrasse, 21, Berlin W. 62, Allemagne.

19. СУВОРОВЪ И ЕГО НАУКА ПОБѢЖДАТЬ. — Парижъ, 1931 г. — Изд. «Возрожденіе» (6) — 132 стр. съ иллюстраціями.

20. СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. — 60 стр. и 2 схемы. Изд. «Русскаго Голоса» (7), Бѣлградъ, 1934 г.

21. КЪ ЧЕМУ ИДЕТЪ ВЕЛИКОБРИТАНІЯ. — Стратегическое изслѣдованіе. — Изд. «Міръ» (8) — Рига, 1935 г. — 260 стр. и 20 чертежей.

22. РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917-1918 Г. Г. — 5 томовъ въ 12 книгахъ. Изд. «Иллюстрированная Россія» (9). Парижъ, 1937 г.

На болгарскомъ языкѣ:

ТАНКОВЕ. — Перевелъ отъ оригинала поручикъ Л. Паспалеевъ. — Софія. — 66 стр., 7 чертежей и 15 рис.

---

4) Fédération des Invalides Russes — 3-bis, rue Adolphe Chérioux. — Issy-les-Moulineaux (Seine) — France.

5) Editions « La Source » — 12, rue Marcelin-Berthelot, Paris-Monrouge (Seine) — France.

6) Editions « La Renaissance » — 73, av. des Champs-Elysées, Paris VIII — France.

7) Brankova 20. Belgrad. Yougoslavie.

8) Izdevniciha « Mir » — Antonijas iela 12, dz. 5 — Riga, Latvija.

9) « La Russie Illustrée » — 19, rue de la Trémoille. Paris VIII. France.

СЪВРЕМЕННАТА КОННИЦА. — Сборникъ отъ стати. — Съ разрешения автора переводъ подъ редакцията на Ив. Стойчевъ. — София, 1926 годъ. 256 стр. и 36 чертежей.

ОЩЕ ДОКУМЕНТИ НА КОННИЯ БОЙ ПРИ с. ВОЛЧКОВЦЕ НА 8 (21) АВГУСТЪ 1914 Г. — Письма на Новогородскитѣ драгуни. — 39 стр. и 3 схемы.

На сербскомъ языкѣ:

АВІАЦІЯ У ПРОШЛОМЪ И БУДУЩЕМЪ РАТУ. — Помѣщено въ журналѣ «Ратникъ», Свеска Ш, година XXXIX, мартъ 1923 г. — Бѣлградъ, 20 стр.

О УСТРОЙСТВУ БУДУЩЕ РУССКО ПЕШАДИЕ. — Помѣщено въ «Пешадиски Гласникъ». — Свеска I, година V, Сараево, 1926 г. — 15 стр.

БРУСИЛОВЉЬЕВА ОФАНЗИВА 1916 ГОДЪ. — Переводъ М. Г. Л. — Помѣщено въ журналѣ «Ратникъ» — Свеска XI, година 49, декабрь 1933 г. — Бѣлградъ. — 29 стр.

ПУТЕВИ САВРЕМЕНЕ СТРАТЕГИЈЕ. — Од генерала цар. руско войске Н. Н. Головина. Превео с руског рез. пешад. поручник д-р Гойко М. Стоянович. 9 стр. — Журналъ «Ратникъ», іюнь 1934 г. Бѣлградъ.

БИТКА КОД ЛОДЗА. — За Ратник написано генерал цар. рус. войске Н. Н. Головин. — С руског превео генерал Н. Аранжеллович. — 24 стр. — Журнал «Ратникъ», іюнь 1935 г. — Бѣлградъ.

На англійскомъ языкѣ:

ARTICLES ON MODERN CAVALRY. — The Cavalry Journal : October 1920; April, July, October 1921; January, April 1922; January, April, July 1923; October 1926; April, October 1927.

THE PROBLEM OF THE PACIFIC IN THE TWENTIETH CENTURY. — London, 1922. Editor : Gyldendal. New-York, 1922. Editor : Charles Scribner. — 256 p. p. with 6 maps.

THE GREAT BATTLE OF GALICIA (1914). A STUDY IN STRATEGY. — Publisched in « The Slavonic Review ». Vol. V, No 13, June 1926. 23 p. p. with 3 sch.

LECTURES Delivered at the Army War College, Waschington, D. C. — U. S. A. — 1930-31.

1) The Russian War Plan of 1914.

2) The Galician Battle, 1914.

3) The Galician Battle, 1916; Brussilov's Offensive. Publisched by the Army War College, Washington, D. C. — U. S. A.. 98 p. p. and 33 maps and diagrams.

THE RUSSIAN ARMY IN THE WORLD WAR. — A sociological study. — 287 p. p. Published by the Carnegie Endowment for International Peace. Yale University Press. New-Haven, Conn. U. S. A. — 1931.

THE BATTLES OF THE MASURIAN LAKES. — The Journal of the United Service Institution of India. — Vol. LXII — No 269 (October 1932) and No 270 (January 1933).

THE RUSSIAN CAMPAIGN OF 1914. — THE BEGINNING OF THE WAR AND OPERATIONS IN EAST PRUSSIA. — Translated by Capt. A. G. S. Muntz, M. C., edited by the Command and General Staff Scool Press, Fort Leavenworth, Kansas, U. S. A. — 1933. — 410 p. p. and 15 maps and diagrams on separate sheets.

THE BATTLES OF. GEN. SAMSONOV'S ARMY ON THE 26-th, 27-th and 28-th AUGUST 1914. — The Journal of the U. S. Institution of India. — Vol. LXIV. — No 275 (April 1934) and No. 276 (July 1934).

THE GALICIAN BATTLE OF 1916; BRUSSILOV'S OFFENSIVE. — « Slavonic Review », April 1935.

WHAT FORGES CAN RUSSIA CONCENTRATE IN THE FAR EAST ? — The Army Quarterly. Vol. XXVIII, No. 2, July 1934. 8 p. p.

AIR STRATEGY. (In collaboration with an Aeronautical Engineering Expert). — Ed. Gale and Polden Ltd., London, 1936. — 115 p. p. with 12 tables and 8 figures.

THE RUSSIAN WAR PLAN OF 1914. — « The Slavonic Review ». — April and July 1936 (Vol. XIV and XV).

ARTICLES ON THE « RED ARMY » (in collaboration with Colonel N. W. Piatnitsky), publisched in

1) The Infantry Journal, July-August 1936. — U. S. A.

2) Contemporary Russia — vol. 1 — Nos 1 and 2.

Ed. by Lancelot Lawton, London.

VIEWS ON AIR DEFENCE (in collaboration with a technical expert). The Royal Air Force Quarterly. — Nos 1, 2, 3, 4 — January, April, July, October 1937.

In print :

A Monography on the Russian Counter-Revolution and Civil War. — Sociological study. — Hoover War Library Publications. — Stanford University Press. — Stanford University, Cal. U. S. A.

На французскомъ языкѣ:

LA MOBILISATION GENERALE RUSSE A-T-ELLE ETE LA CAUSE DE LA GUERRE? —Le monde Slave No. 1, Janvier 1929. — 25 p. p.

LA PUISSANCE MILITAIRE DE LA RUSSIE EN 1914. — Le Monde Slave, No. 2. — Février 1929. — 25 p. p.

LE PLAN DE GUERRE RUSSE EN 1914. — Le Monde Slave No. 3. — Mars 1929.

LE PLAN DE GUERRE RUSSE EN 1916. — Revue Militaire Française, Paris, 1933. — No. 145 (Juillet) et No. 146 (Août). — 6 croquis.

LA BATAILLE DE GALICIE EN 1914. — Revue Militaire Française, Paris, 1934. — No. 158 (Août) et No. 159 (Septembre). — 8 croquis.

На испанскомъ языкѣ:

LA HISTORIA DE LA CAMPANA DE 1914 EN EL FRENTE RUSO. — El principio de la guerra y las operaciones en Prusia Oriental. — Buenos Aires, 1928. — Deux volumes : Vol. 1 — 238 p. p.; Vol. II — 290 p. p. Traduit et édité par la « Biblioteca del Official ».

LA BATALLA DE GALIZIA. — Primer periodo (hasta el 1 de Septiombre de 1914). Buenos Aires, 1930. — Deux volumes avec cartes et schémas sur feuilles séparées. — Vol. 1 — 345 p. p. Vol. II — 340 p. p. — Traduit et édité par la « Biblioteca del Official ».

На нѣмецкомъ языкѣ:

DIE WELTMACHT GROSSBRITANIEN. — Wehrgeopolitische Betrachtungen zur Gegenwart. — Aus dem Russischen Uebertragen von R. Freiherrn v. Campenhausen. — 152 S. S. mit 14 Kartenskizzen. — Verlag Karl Siegismund. — Berlin, 1936.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ 5

ГЛАВА I: Возможность и необходимость науки о войнѣ (соціологіи войны) ..... 7 - 48

1. Наука о веденіи войны (теорія военнаго Искусства) и Наука о войнѣ..... 7
2. Закономѣрность въ явленіяхъ войны 11
3. Наука о войнѣ должна представлять собою соціологическое изслѣдованіе 16
4. Соціологія войны нужна для самой теоріи военнаго Искусства (Науки о веденіи войны)..... 24
5. Причина задержки созданія соціологіи войны..... 33
6. Предѣлъ возможности развитія Соціологіи войны 40
7. Необходимость для созданія Соціологіи войны громадной коллективной работы 44

ГЛАВА II : Использованіе Военной Исторіи .....49 - 96

1. Обвиненіе рядовыхъ участниковъ Міровой войны, предъявленное къ Военной Исторіи.... 49
2. Справедливость обвиненія въ недостаточной научной объективности существующей Военной Исторіи 55
3. «Патріотическія легенды» отклоняютъ Военную Исторію отъ истины 59
4. Не меньшій вредъ приносятъ писатели «пацифисты» 67
5. «Парадоксы» Стендаля и графа Льва Толстого 71
6. Пренебреженіе Военной Исторіей «внутренней стороной войны» привело къ отрыву теоретическаго представленія о войнѣ отъ дѣйствительности 79
7. Необходимость радикальной перестройки военно-исторической науки 87

ГЛАВА III : Примѣненіе психологическаго анализа 97-158

1. Стихія опасности составляетъ главную особенность обстановки, въ которой протекаетъ дѣятельность бойца 97
2. Драма, переживаемая бойцомъ — борьба двухъ стремленій: «побѣдить» и «уклониться отъ опасности» 104

3. Безъ объективнаго изученія психической природы войны нельзя познать ея «внутренней стороны» 119
4. Субъективный психоанализъ и методы его использованія ... 133
5. «Психика толпы» въ явленіяхъ войны 136
6. Возрастающая роль факторовъ «соціальной психологіи» въ современной войнѣ 144
7. Необходимость созданія вспомогательной науки въ видѣ «Психологіи войны». 153

ГЛАВА IV: Статистика войны.....159-218

1. Зарожденіе «Военной Статистики» и первая попытка создать «Статистику войны» 159
2. Углубленіе этой попытки разработкой статистики потерь въ бояхъ съ 1618 по 1905 г. г..... 169
3. Печальное состояніе статистическихъ данныхъ по минувшей міровой войнѣ 190
4. Трудность использованія этихъ данныхъ вслѣдствіе отсутствія однообразной номенклатуры .. 198
5. Младенческое состояніе попытокъ статистическаго изученія минувшей міровой войны 206
6. Необходимость созданія вспомогательной науки въ видѣ «Статистики войны» 215

ГЛАВА V: Заключеніе..... 219-227

Imprimerie « VAL »,
124, Rue Compans, Paris.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

U21
.G73

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
«ДОМЪ КНИГИ»
9, rue de l'Eperon, PARIS 6e.